

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
Юго-Западный университет КНР
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ
при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2021 – № 4 (10)

Ярославль
2021

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».
Юго-Западный университет КНР.

Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР.

Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. – № 4 (10). – 147 с. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2021-4-10
2021, № 4 (10). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Се Чжоу, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Болдырева Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Лю Вэньфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Чжэн Тиу**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Сюй Полин**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Син Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Пан Данэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Дай Гуйцзюй**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Чэн Шизюнь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Сюэ Фуци**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Ли Сяотао**, доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, ведущий научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР; **Кондаков Игорь Вадимович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; **Закс Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, г. Екатеринбург; **Разлогов Кирилл Эмильевич**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств РФ, профессор Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова; **Шапинская Екатерина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГ НИУ «Российский институт культурологии»; **Блиц Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Злотникова Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ходнев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Коряковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, директор института развития кадрового потенциала, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/> ; <http://mir.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2021

© Юго-Западный университет КНР, 2021

© Авторы статей, 2021

Founding parties: FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky», Southwest University of the People's Republic of China, The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU at the Ministry of Education of the People's Republic of China.

World of the Russian-speaking countries = 俄语国家评论 : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU RIO, 2021. – № 4 (10). – 147 pages. – ISSN 2658-7866. – DOI DOI 10.20323/2658-7866-2021-4-10
2021, № 4 (10). – 500 pieces.

EDITORIAL BOARD

Xie Zhou, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Cheng Ijun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xue Fuqi**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Li Xiaotao**, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, leading researcher of the Center for Study of the Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Razlogov Kirill Emilievich**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of arts of the Russian Federation, Professor of Gerasimov Institute of Cinematography; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research»; **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of the Belarusian State University; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Zlotnikova Tatiyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Novikov Mikhail Vasilievich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatiyana Gennadiyevna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Communication and Advertizing of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Human Resources Development, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Professor of the Department of Management and Entrepreneurship of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov.

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69 (publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Certificate of mass media registration:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor): PI No. FS 77-75509 dated from April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky», 2021

© Southwest University of the People's Republic of China, 2021

© Authors of articles, 2021

Мир русскоговорящих стран

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Чжао Жун, Сюй Фэнцай Феномен китайской социальной мобилизации в интерпретации российских ученых5

Казмина О. А. Традиции изучения русского языка в Чунцине в контексте языковой политики КНР: по архивным материалам Чэна Сяньгуана 19

ФИЛОЛОГИЯ

Кои Сяохуа Концепт «счастье» в русской и китайской лингвокультурах в эпоху глобализации 32

Ван Ляньцзнь Сопоставительный анализ речевого этикета в современном русском и китайском языках 52

Лесинская А. К. Русские и китайские паремии: лингвокультурологический аспект торгово-денежных отношений 68

Андреева В. А., Андреев И. А. Судьба как движущая сила в сюжете трагедии У. Шекспира «Гамлет»..... 84

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Иванов Н. Н. Мифологемы Востока в художественном сознании М. Горького 101

Ткачук Ю. В., Бокарев А. С. Лианозовский биографический миф в романе Владимира Сорокина «Голубое сало» 112

Хэ Син Шинуазри в российской культуре до XX века..... 127

Условия публикации статьи в научном журнале «МИР РУССКОГОВОРЯЩИХ СТРАН» и требования к оформлению рукописей 142

THE CONTENT

POLITICAL SCIENCE

Zhao Rong, Xu Fengqai The phenomenon of Chinese social mobilization as interpreted by Russian scientists6

Kazmina O. A. Traditions of studying the Russian language in Chongqing in the context of the language policy of the China: based on the archival materials of Cheng Xianguang20

PHILOLOGY

Kou Xiaohua The concept of “happiness” in Russian and Chinese linguistic cultures in the era of globalization33

Wang Liancen Comparative analysis of speech etiquette in modern Russian and Chinese53

Lesinskaya A. K. Russian and Chinese proverbs: linguocultural aspect of commercial relations69

Andreeva V. A., Andreev I. A. Fate as a driving force in the plot of W. Shakespeare's tragedy “Hamlet”85

CULTURAL SCIENCE

Ivanov N. N. Mythologems of the East in M.Gorky's artistic consciousness102

Tkachuk Y. V., Bokarev A. S. Lianozovo biographical myth in Vladimir Sorokin's novel “Blue Lard” 113

He Xing Chinoiserie in Russian culture before XX century 128

Conditions of publication of the article in the scientific journal «World of Russian-speaking countries» and requirements for manuscripts 145

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 327

doi: 10.20323/2658-7866-2021-4-10-5-18

**Феномен китайской социальной мобилизации
в интерпретации российских ученых**

Чжао Жун¹, Сюй Фэнцай²

¹Доцент института иностранных языков Хубэйского университета гуманитарных и естественных наук. 441022, провинция Хубэй, город Сяньян, район Сянчэн, ул. Таньси, дом 10.

²Доктор филологических наук, профессор, главный редактор журнала «Вестник Ляонинского педагогического университета», научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран ЮгоЗападного университета при Министерстве образования КНР. 116029, КНР, г. Далянь, район Шахэкоу, ул. Хуанхэ, д. 850.

¹zhaorru@163.com[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8993-8219>

²626263214@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-1648-1991>

Аннотация. В статье представлен анализ феномена социальной мобилизации как важного метода национального управления в Китае с точки зрения российских ученых, для которых история находящейся у власти Коммунистической партии Китая – это история социальной мобилизации, а история Нового Китая делится на следующие четыре этапа, использующие в качестве интегрального фактора периодизации характеристику социальной мобилизации: период мобилизации для социалистических преобразований, период сверхмобилизации «Большого скачка», мобилизационный период реформ и открытости и период мобилизации «Китайская мечта». В статье рассматривается, как в целях предотвращения новой коронавирусной эпидемии и борьбе с ней социальная мобилизация сыграла огромную роль, а также продемонстрировала огромные преимущества китайской системы социализма с китайской спецификой. Чтобы извлечь уроки из опыта мобилизации Китая с разных точек зрения: экономики, политики, идеологии и культуры. Понимание российскими учеными социальной мобилизации Китая имеет важное значение для модернизации национального управления страной и повышения способности партии управлять социальными процессами. В работе осмысливается значение ценностей китайской цивилизации в мировом историческом процессе, выявляются духовные причины социокультурного и политического усиления Китая на современном этапе. Автором раскрывается особенность интерпретации понятий «политика» и «реформа» в китайской культуре; проводится параллель с трактовкой этих понятий в западном дискурсе.

© Чжао Жун, Сюй Фэнцай, 2021

В статье рассматривается трехчленная модель управления государством в Китае (власть, мудрость, добродетель) и выявляется особая роль Коммунистической партии Китая в процессе социальной мобилизации.

Ключевые слова: социальная мобилизация, коронавирусная эпидемия, национальное управление, Китай, Россия, Коммунистическая партия Китая, социализм с китайской спецификой, интеграция социальных ресурсов, сверхмобилизация, период реформ и открытости

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства Образования КНР в рамках научного проекта «Оценка исследования социализма с китайской спецификой в российском научном сообществе» (№ 18YJC710101) и в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

Для цитирования: Чжао Жун, Сюй Фэнцай. Феномен китайской социальной мобилизации в интерпретации российских ученых // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 4 (10). С. 5-18. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2021-4-10-5-18>

POLITICAL SCIENCE

Original article

**The phenomenon of Chinese social mobilization as interpreted by
Russian scientists**

Zhao Rong^{1✉}, Xu Fengqai²

¹Associate professor at the Institute of foreign languages, Hubei university of humanities and natural sciences. 441022, Hubei province, Xiangyang city, Xiancheng district, Tangxi st., 10.

²Doctor of philology, professor, editor-in-chief of the journal Bulletin of Liaoning University of Education, researcher at the Center for the study of Russian-speaking countries, Southwest university, PRC Ministry of Education. 116029, PRC, Dalian, Shahekou District, Huanghe st., 850.

¹zhaorru@163.com[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8993-8219>

²626263214@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-1648-1991>

Abstract. The article analyzes the phenomenon of social mobilization as an important method of national administration in China from the perspective of Russian scientists, for whom the history of the Communist Party of China in power is a history of social mobilization, and the history of New China is divided into the following four stages, using as an integral factor of periodization the characteristic of social mobilization: the period of mobilization for socialist transformation, the period of supermobilization “Big Leap”, the mobilization period of reform and openness and the period of mobilization “Chinese Dream”. The article examines how, in order to prevent and combat the new coronavirus epidemic, social mobilization has played a huge role, and demonstrated the enormous advantages of the Chinese socialist system with

Chinese character. To learn from China's experience, Russian scientists are trying to study the source of China's powerful social mobilization from different perspectives: economics, politics, ideology, and culture. Russian scholars' understanding of China's social mobilization is important for modernizing the country's national administration and enhancing the party's ability to manage social processes. The authors consider the importance of the values of Chinese civilization in the global historical process, identifying the spiritual reasons for the social, cultural and political strengthening of China at the present stage. The authors reveal the interpretation of the concepts "policy" and "reform" in Chinese culture; and draw parallels with the interpretation of these concepts in Western discourse. The article examines the threefold model of Chinese state administration (power, wisdom, virtue) and reveals the special role of the Chinese Communist Party in the process of social mobilization.

Keywords: social mobilization, coronavirus epidemic, national administration, China, Russia, Communist Party of China, socialism with Chinese character, integration of social resources, supermobilization, period of reform and openness

The study was carried out with the financial support of the Ministry of Education of the China within the framework of the scientific project "Evaluation of the study of socialism with Chinese characteristics in the Russian scientific community" (No. 18YJC710101) and within the framework of the Center for the Study of Russian-Speaking Countries at Southwestern University under the Ministry of Education of the China

For citation: Zhao Rong, Xu Fengqai. The phenomenon of Chinese social mobilization as interpreted by Russian scientists. *World of Russian-speaking countries*. 2021; 4(10):5-18. (In Russ) <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2021-4-10-5-18>

Социальная мобилизация является одним из важнейших способов национального управления. Она имеет такие положительные эффекты, как интеграция социальных ресурсов, консолидация общественных сил, поощрение участия в общественной жизни, укрепление социального единства и разрешение социальных кризисов. Коммунистическая партия Китая имеет прекрасные традиции социальной мобилизации. В своем управлении страной она всегда придавала большое значение проявлению власти масс и неоднократно проводила обширную и эффективную соци-

альную мобилизацию. Коммунистическая партия Китая продемонстрировала мощную социальную мобилизационную силу, которая потрясла мир, продемонстрировав огромное превосходство китайской системы, особенно в борьбе с новой эпидемией коронавирусной пневмонии. Российские ученые всегда уделяли пристальное внимание этому эффективному методу управления Коммунистической партией Китая. Они не только обобщили и проанализировали опыт мобилизации в процессе модернизации Китая, выразили признание важной роли данного процесса, но также

попытались исследовать источник мощной социальной мобилизационной силы Китая с разных точек зрения.

1. История нового Китая – история социальной мобилизации

С момента основания Нового Китая Коммунистическая партия Китая неоднократно направляла, мобилизовала и организовывала людей для участия в основных социальных мероприятиях для достижения своих политических целей и реализации государственных проектов. По словам Ю. В. Тавровского, профессора Российского университета дружбы народов и известного востоковеда, история Китайской Народной Республики на протяжении более 70 лет – это история социальной мобилизации, а история Нового Китая делится на следующие четыре этапа, использующие в качестве интегрального фактора периодизации характеристику социальной мобилизации [Тавровский].

(1) Период мобилизации для социалистических преобразований. В первые дни основания Китайской Народной Республики первое поколение коллективного руководства партии в лице Мао Цзэдуна вело народ всей страны по пути социализма. Запустив серию массовых реформ, партия консолидировала политическую власть, организовала общенациональную социалистическую реформу сельского хозяйства, промышленности и торговли и добилась плавного перехо-

да от новой демократии к социализму. Первая пятилетка стала крупным успехом – удалось заложить основы социалистической индустриализации, практически все задания плана, в том числе в сферах индивидуального сельского хозяйства, ремесленного производства, частной промышленности и торговли были выполнены за счёт мобилизации сил китайской нации и содействия СССР.

(2) Период сверхмобилизации «Большой скачок». Ю. Тавровский считает, что успешная социальная мобилизация на первом этапе заставила руководство партии слишком слепо доверять власти народа и привела к ошибочному выдвижению цели дальнейшего развития – перегнать развитые страны, что должно привести к быстрому социальному развитию. Однако подобная стратегия имела серьезный негативный эффект. Поэтому российский ученый назвал этот период «мобилизационным авантюризмом» [Тавровский]. Опыт мобилизации в этот период заставил Коммунистическую партию Китая глубоко осознать, что, хотя обширная социальная мобилизация может повысить сплоченность партии и ее центристремительную силу, этот процесс является «палкой о двух концах», поскольку неправильное использование этой стратегии может вызвать неконтролируемые реакции народных масс. Благодаря опыту и урокам этого провала «Большого скач-

ка» новое поколение партийного руководства изменило модель мобилизации и скорректировало стратегию мобилизации. Руководствуясь принципами «правильного партийного мышления», руководство партии постепенно начало реализацию подхода по принципу «переходить реку, чувствуя камни», и это успешно вывело Китай на третье место в мировой экономической ситуации.

(3) **Мобилизационный период реформ и открытости.** После третьего пленума Одиннадцатого созыва ЦК КПК Китай официально утвердил приоритет экономического развития. С тех пор Китай вступил в третий мобилизационный период «реформ и открытости» или «социализма с китайской спецификой». В этот период Китай использовал слово «обогащайтесь» как лозунг мобилизации, объединил плановую экономику и рыночные законы, вытащил Китай из периферии хаоса и опасности и получил широкую поддержку со стороны как социальной элиты, так и широкой общественности, а также китайцев, проживающих в других странах. Этот успех проекта сближения форм хозяйствования социалистического Гуандуна и капиталистических Гонконга и Макао породил процветающие ныне города Шэньчжэнь и Чжухай и убедил всех в реальности модели конвергенции, получившей сначала название «реформ и открытости», а впоследствии – «социализм с китайской

спецификой». Эта мобилизация позволила Китаю поддерживать долгосрочное позитивное развитие. Она не только способствовала развитию экономики Китая, но и привела к тому, что Китай официально вступил на восходящий путь современного развития международного сообщества.

(4) **Период мобилизации «Китайская мечта».** В связи с коренными изменениями во внутренней и международной ситуации, особенно в некоторых западных странах, пытающихся предотвратить или замедлить быстрое восхождение «красного дракона» Китая, новое руководство Китая должно было сформулировать свой собственный план мобилизации. Ю. Тавровский считает, что в конце 2012 года произошел важный поворот в принципах социальной мобилизации, когда партией перед всем народом была поставлена долгосрочная, стратегическая цель под названием «китайская мечта о великом возрождении китайской нации». Концепция «Китайской мечты» о великом обновлении китайской нации ознаменовала вступление Китая в новый период мобилизации. Ю. Тавровский позитивно оценивает план мобилизации на этот период, заявляя, что это «новая нормальная» модель развития, ориентированная на качественный, устойчивый и стабильный рост [Тавровский]. Были определены сроки реализации двух этапов. К 2021 г., 100-летию образования

КПК, – построить общество среднего достатка «сяокан», о котором говорил не только Дэн Сяопин, но даже Конфуций. К 2049 г., 100-летию КНР, – превратить Китай в «богатое и могучее, демократическое и цивилизованное, гармоничное и современное социалистическое государство». Это определение двух целей к двум столетним юбилеям и эффективность борьбы с коррупцией сделали этот план все более и более твердо поддерживаемым подавляющим большинством китайцев. Мобилизационный план «Китайская мечта» набирает обороты. Несмотря на некоторые неблагоприятные внешние обстоятельства, Ю. Тавровский по-прежнему полон твердой уверенности в будущем этого плана мобилизации. Он считает, что торговые споры, инициированные Соединенными Штатами против Китая, не ослабили, но могут еще больше укрепить «китайскую мечту». Синергетический эффект различных элементов плана мобилизации, таких как постановка правильных долгосрочных стратегических целей, выбор лучшей экономической модели, установление дисциплины и порядка во всем обществе, а также создание атмосферы национальной духовности – все это превращает данный мобилизационный план, названный «новой эрой социализма с китайской спецификой», в самый амбициозный и интересный эксперимент XXI века. Не только соседи Китая, но и все

человечество со временем должны почувствовать его влияние.

История Нового Китая на протяжении более 70 лет доказала, что социальная мобилизация является эффективным средством управления и инструментом управления. Она играет чрезвычайно важную роль в политической, экономической и социальной жизни Китая и является важной частью содействия развитию социальной модернизации Китая. В результате Ю. Тавровский ясно дал понять, что мобилизационный опыт Китая на различных этапах развития, которые Китай прошел и которые скоро пройдет, заслуживает пристального внимания и изучения со стороны России.

2. Социальная мобилизация – успешный опыт Китая в борьбе с эпидемией

Поскольку социальная мобилизация может эффективно организовать и оптимизировать распределение человеческих, материальных, финансовых и информационных ресурсов во всех сферах жизни общества, она часто может более широко использоваться государством и общественными организациями при реагировании на чрезвычайные ситуации. В серии кризисных событий, таких как «Борьба с наводнениями в 1998 году», борьба с атипичной пневмонией и ликвидация последствий землетрясения в Вэньчуани, Коммунистическая партия Китая успешно продемонстрировала мощный эффект социальной

мобилизации. Перед лицом яростного наступления новой коронавирусной эпидемии Коммунистическая партия Китая еще раз успешно продемонстрировала миру, что всеобщими энергичными усилиями можно победить все; нет ничего невозможного. В статье российских политологов Елены Лариной и Владимира Овчинского «Китайская мобилизация на пути пандемии» утверждается, что сильная социальная мобилизация в сочетании с организованными лечебно-профилактическими мерами является наиболее важным опытом Китая в эффективном сдерживании эпидемии. Ученые соглашаются с тем, что, если бы Китай перед лицом удара эпидемии не принял беспрецедентные меры по сдерживанию ее наступления, все могло бы стать более ужасающим и трагичным. Китайское руководство наладило постоянную связь с общественностью, не только мобилизуя профессиональные учреждения, но и мобилизуя все силы, включая частный сектор и вооруженные силы, для участия в диагностике, лечении, разработке лекарств и производстве медицинского оборудования в связи с эпидемией [Ларина]. Этот подход следует изучить и взять на вооружение другим странам. В результате после того, как эпидемия уже бушевала по всему миру, Всемирная организация здравоохранения обратилась к странам всего мира с настоятельным призывом «извлечь уроки из опыта Китая

и мобилизовать все правительство, общество и людей на борьбу с эпидемией» [Ларина].

Перед лицом пандемии Коммунистическая партия Китая снова объединила партийные, правительственные, военные и гражданские ресурсы востока и запада, севера и юга в величественную силу. Ученые прослеживают, как Китай скоординировал все ресурсы и мобилизовал все силы, чтобы построить больницу на тысячи коек за десять дней. Люди и материалы прибыли со всей страны, и вся страна работала вместе, чтобы построить строгую линию защиты для групповой профилактики и контроля, что эффективно предотвратило распространение эпидемии. Немедленно после распознавания нового вирусного заболевания Центральный Комитет КПК и Государственный Совет создали Центральную руководящую группу для противодействия эпидемии, обеспечения профилактики и контроля за процессом. Генеральный Секретарь Си Цзиньпин лично руководит и контролирует всю систему мер, программ и решений, направленных на борьбу с COVID-19, осуществляемую Центральной Группой во взаимодействии со всеми государственными структурами в центре и на местах, а также с НОАК, силами охраны правопорядка и безопасности. Единое руководство, социальная мобилизация и участие всех людей в войне против вируса – вот успешный опыт Китая в борьбе с эпидемией,

который внес свой вклад в мировую борьбу с коронавирусом.

3. Социальная мобилизация – проявление преимуществ политической системы Китая

В глазах российских ученых новая коронавирусная эпидемия, охватившая мир, стала своего рода мерой, критерием для измерения сильных и слабых сторон различных политических систем и возможностей управления различными странами. Перед лицом эпидемии Коммунистическая партия Китая смогла возглавить единое руководство и провести комплексное развертывание системы мер по борьбе с эпидемией. Вся страна сосредоточила свои усилия и преодолела трудности, в отличие, например, от некоторых развитых стран Запада, которые уверены в собственном политическом и экономическом превосходстве, однако оказавшимися неспособными в сжатые сроки справиться с эпидемией. Это сравнение позволило российским ученым увидеть уникальное институциональное очарование социализма с китайской спецификой через сильную социальную мобилизацию Китая.

В статье «Борьба с коронавирусом: китайская мобилизация и российская «оптимизация» российский политолог Павел Мартынов высказывает точку зрения, что секрет успеха Китая в борьбе с эпидемией новой коронавирусной пневмонии не столько в медицинской системе, сколько в быстрой мобилизации всего населения и системе ком-

плексного скоординированного контроля, демонстрирующей мощную мобилизационную способность страны. Напротив, он негативно оценивает несогласованность бюрократических действий США и европейских стран в борьбе с пандемией. Различные эффекты предотвращения эпидемии и борьбы с ней в Китае и на Западе фактически продемонстрировали различия, плюсы и минусы различных социальных систем. Как рассуждает кандидат философских наук, Андрей Коряковцев, то, что Китай с коронавирусом справляется блестяще, а ЕС и США – нет, это преимущество общества, воспитанного в условиях «мобилизационной экономики», и недостатки социальной системы, «оптимизированной» (в том числе и идейно, и психологически) неолиберализмом [Мартынов]. Согласие с этой точкой зрения выражают многие российские политические обозреватели, которые считают, что преимущества системы позволили Китаю мобилизовать все социальные ресурсы, такие как люди, финансы и материалы, под руководством Коммунистической партии, особенно в чрезвычайных ситуациях.

Министр иностранных дел России Сергей Лавров в своем интервью для китайского издания Global Times заявил, что пандемия обострила различные негативные тенденции и накопленные противоречия, а ряд стран пользуются ситуацией для сведения счетов со своими

геополитическими конкурентами [Лавров]. По словам С. Лаврова, пандемия в очередной раз развенчала давний миф о «конце истории» в западных странах, претендующих на политическое и экономическое всемогущество. Эта модель основана на принципе индивидуализма и твердом убеждении в том, что все проблемы могут быть решены только рыночными «хищническими» методами. Однако такой подход сыграл злую шутку со своими сторонниками. Напротив, Китай как самодостаточная страна с надежным мобилизационным механизмом, четко сформулированными национальными интересами и уникальной платформой ценностей оказала большее сопротивление давлению пандемии.

С этой точки зрения сильная социальная мобилизация не только снова и снова помогала Китаю преодолевать трудности и избавляться от кризисов, но и снова и снова повышала эффективность национального управления Коммунистической партией Китая, демонстрируя преимущества уникальной системы социализма с китайской спецификой «концентрации силы на великих делах». Благодаря этой эпидемии российские ученые продемонстрировали сильное чувство солидаризации с китайской системой. Это также позволяет нам увидеть, что превосходство социализма с китайской спецификой ни в коем случае не является только нашей единственной оценкой, но очевидно

признается международным сообществом. Поэтому мы должны неуклонно поддерживать руководство Коммунистической партии Китая и неуклонно идти по пути социализма с китайской спецификой.

4. Народ – источник социальной мобилизации Китая

Так почему же у Китая такие мощные силы социальной мобилизации? Для многих российских и китайских ученых стало священной миссией извлечь уроки из успешного опыта Китая и помочь России в ее плавном переходе к данной модели. Таким образом, изучение движущей силы мощной социальной мобилизации Китая – это загадка, которую российским ученым срочно необходимо решить. Поскольку разные ученые имеют разные области интересов и исследовательские перспективы, ответы, к которым они приходят, не совпадают.

(1) Экономическая перспектива: успех реформы завоевал доверие народа

Изучая различный опыт реформ в Китае и России, российские политологи Елена Данилова и Михаил Черныш специально предложили концепцию «легитимности культуры реформ (культурная легитимность реформы)», чтобы измерить удовлетворенность широкой ответственности концепцией государственных реформ. Проведя сравнительный анализ данных опросов в Шанхае и Санкт-Петербурге, они пришли к выводу, что прагматиче-

ская политика реформ Китая позволила людям поделиться плодами реформ во всех аспектах (одежды, питания, жилья и транспорта), тем самым получив высокую степень благосостояния [Данилова]. Чем выше легитимность культуры реформ, тем выше признание реформаторских мер и выше доверие к учреждениям и организациям, реализующим реформу. Доверие – предпосылка для мобилизации. Социальная мобилизация – это групповая социальная практика. Только когда объект мобилизации достаточно доверяет предмету мобилизации и получает базовое признание, он может способствовать коллективным действиям посредством демонстрации, убеждения, обучения и других методов мобилизации, с тем чтобы добиться эффективной мобилизации.

**(2) Политическая перспектива:
авторитет системы защищает
интересы людей**

Некоторые российские ученые считают, что успешная социальная мобилизация Китая выигрывает от мощных гарантий партийной дисциплины и партийного авторитета. Например, при предотвращении новой коронавирусной эпидемии и борьбе с ней некоторые члены партии, кадры и сотрудники, которые не выполняли решения центрального правительства и не подчинялись единому командованию, были привлечены к ответственности, а те, кто скрыл свою болезнь или умышленно распространял вирус, преследова-

лись по закону и против них были возбуждены судебные процедуры. Действительно, в борьбе с эпидемией, чтобы обеспечить беспрепятственное осуществление социальной мобилизации, Китай принял «жесткие» меры, такие как партийная дисциплина, административные санкции и законы. В конечном итоге эти методы призваны обеспечить здоровье подавляющего большинства людей и защитить фундаментальные интересы подавляющего большинства людей. Социальная мобилизация – это процесс принятия во внимание общей ситуации, организации сил всех сторон, развертывания ресурсов всех сторон и координации полномочий всех сторон, а также их преобразования в единую силу социальных действий для достижения основных целей. Однако диверсификация и дифференциация заинтересованных сторон увеличили сложность интеграции социальных сил и мобилизации социальных ресурсов. Чтобы защитить общие интересы большего числа людей и обеспечить полное осуществление желаний большего числа людей, при экстренной мобилизации для реагирования на внезапные общественные кризисы были надлежащим образом приняты некоторые административные меры, порой даже принудительного характера. Бесчисленные факты доказали, что это правильно и необходимо. Для китайского общества, население которого составляет более миллиарда человек, проблема социального порядка – это, в некотором роде, вопрос жизни и

смерти. «В связи с этим для пресечения хаоса в случае необходимости зачастую используются самые радикальные меры» [Попова, 1999, с. 149]. Надежный и авторитетный механизм внедрения системы обеспечивает надежную гарантию научной и эффективной социальной мобилизации. Он также играет решающую роль в повышении доверия к правящей партии, укреплении ее социально-политической и экономической роли и усилении социальной мобилизации.

(3) Идеологическая и культурная перспектива: повышение привлекательности «хорошего управления» в глазах общественности

Российский политолог Ш. Цыбанов в работе «Религиозно-идеологический аспект в концепции управления государством (Китай)» [Цыбанов] утверждает, что Китай сформировал национальную философию управления и искусство управления, отличную от Запада, основанную на влиянии тысячелетних исторических и культурных традиций. Например, термин «политика» в западных странах означает управление, основанное на принуждении, в то время как в традиционном китайском культурном сознании это понятие государства имеет в большей степени моральное и этическое значение. Политика трактовалась как администрирование, но не принуждение. Такая тенденция присутствует и в других странах с конфуцианской

культурой, где политика рассматривается как область консолидации, но не борьбы политических сил [Кузык, 2006; Сидихменов, 2000]. «Характерными признаками азиатской культуры являются: коллективизм, неконфликтность, подчинение власти, традиционализм, строгая иерархичность на всех уровнях социального бытия» [Брам, 2002, с. 109]. Все эти признаки создают основу для формирования сугубо китайского взгляда на политику. Сущность «демократии» на Западе состоит в том, что люди хотят получить от страны, в определенной степени придерживаясь автономии для защиты собственных интересов. Для Китая императивная модернизация, навязываемая Западом, является неприемлемой, поскольку такая модель несет потенциальную угрозу традиционным ценностям. «Китайский принцип реформирования имеет поступательный и ненавязчивый характер (принцип «переходить реку, нащупывая камни») и основывается на ненасильственном возвышении как условии постепенного вхождения в систему мирохозяйственных связей» [Матвейчев, 2004, с. 98]. В концепции традиционной китайской культуры человек сам по себе является незаменимой и важной частью страны, а страна – это социальное единство, в которое люди добровольно интегрируются. Стратегия управления государством в массовом сознании китайцев не связана с присущей Западу логикой «сдержек и проти-

вовесов» и «балансом властей». Основным скрепляющим звеном между властью и подданными является моральный облик правителя, служащего образцом для подражания, неким идеалом, вызывающим священный трепет. В таком аксиологическом контексте источником авторитета власти являлся не страх наказания, а способность и желание власти заботиться о народе, ее честность и неподкупность. Этим обуславливается и отличие логики реформирования социальных подсистем: «если на Западе реформы имеют в основном институциональное содержание, оставаясь безразличными к духовной составляющей, то в Китае индикатором эффективности реформ всегда была и остается культура» [Кузык, 2006, с. 47-48]. Модель правильного управления имеет трехчленную природу «сила + мудрость + добродетель». В практике мобилизации национального управления этот вид правильного управления имеет в качестве мобилизующего субъекта высокую привлекательность для масс. По словам Ш. Цыбанова, «действие этих чар достаточно велико, чтобы заставить людей поклоняться от всего сердца государственно и партийной власти и охотно ей подчиняться» [Цыбанов, 2016, с. 108]. Именно на этом традиционном идеологическом понимании и зиждется успех: с тех пор, как Коммунистическая партия Китая пришла к власти, она всегда делала упор на то, чтобы воспри-

нимать историю как зеркало, придавая большое значение построению стиля работы партии и поддержанию хорошего имиджа партии. В своем выступлении Генеральный секретарь Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал, что стиль партии – это имидж партии, который связан с поддержкой народа, жизнью и смертью партии. На практике Коммунистическая партия Китая всесторонне придерживается множества стандартов, таких как мораль, способность, трудолюбие, производительность и порядочность; особое значение приобретает проверка и назначение руководящих кадров, поэтому «управление во благо» Коммунистической партии Китая завоевывает сердца людей и поддержку народа.

Подводя итог, можно сделать вывод, что независимо от того, с какой точки зрения следует исследовать данную проблему, в конечном счете, люди являются неиссякаемым источником силы для социальной мобилизации Китая. Только удовлетворяя потребности людей в экономических реформах, власть сможет завоевать доверие людей; только путем внедрения системы и защиты интересов людей она может получить поддержку. Чтобы заручиться поддержкой народа, нужно в первую очередь учитывать ожидания людей, в этом случае важнейшей стратегией является построение правильного имиджа. Причина, по которой Коммунистическая партия Китая имеет такую огромную

социальную мобилизационную силу, заключается в том, что партия всегда придерживалась в своей практической деятельности основной цели «всемерно служить народу». Как заявил заместитель председателя ЦК Коммунистической партии Российской Федерации Дмитрий Новиков в интервью китайскому информационному агентству Синьхуа, китайские коммунисты всегда считали работу в интересах народа своим центром работы, а счастье людей и уважение их интересов – своей основной задачей. Следовательно, только стремясь к развитию государства для людей, мы можем полагаться на людей в достижении этого развития; только придерживаясь интере-

сов народа, люди могут обрести наибольшую уверенность в правильности политического управления и стать неиссякаемой движущей силой для развития национальных политических, экономических и социальных стратегий. «Возвышение и усиление Китая как супердержавы, безусловно, повышают его авторитет среди развивающихся стран, не разделяющих экспансионистские настроения Запада. Научно-технический прогресс, охватывающий все стороны общественной жизни в Китае, создает видимые предпосылки для интеграции традиционных ценностей этой страны в мировую социально-политическую систему» [Цыбанов, 2016, с. 110].

Библиографический список

- Брам Л. Китай: пять первоэлементов китайской философии. [Б.м.], 2002. 203 с.
- Данилова Е. Н. Опыт российских и китайских реформ: результаты сравнительного исследования в Санкт-Петербурге и Шанхае / Е. Н. Данилова М. Ф. Черныш // Мир России. 2010. № 4. С. 25-52.
- Кузык Б. Н. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. Москва : Институт экономических стратегий, 2006. 652 с.
- Ларина Е. С. Китайская мобилизация на пути пандемии / Е. С. Ларина, В. Овчинский. URL : http://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_mobilizatsiya_na_puti_pandemii. (Дата обращения: 21.11.2021).
- Мартынов П. Борьба с коронавирусом: китайская мобилизация и российская «оптимизация». URL: <https://www.nakanune.ru/articles/115922/>. (Дата обращения: 21.11.2021).
- Матвейчев О. А. Китай на стыке тысячелетий. Москва : Звездная лига, 2004. 108 с.
- «От капризов Запада нужно страховаться – Лавров». URL: <https://regnum.ru/news/polit/3430710.html>. (Дата обращения: 21.11.2021).
- Попова И. Ф. Политическая практика и идеология раннетанского Китая. Москва : Восточная литература, 1999. 277 с.
- Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск : Русич, 2000. 460 с.

Тавровский Ю. В. Китай и уроки истории: о том, как новая мобилизация выводит КНР в мировые лидеры. URL: http://zavtra.ru/blogs/kitaj_i_uroki_istorii. (Дата обращения: 21.11.2021).

Цыбанов Ш. Ш. Религиозно-идеологический аспект в концепции управления государством (Китай) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Том 5. № 5А. С. 105-113.

Reference list

Bram L. Kitaj: pjat' pervojelementov kitajskoj filosofii = China: five basic elements of Chinese philosophy. [B.m.], 2002. 203 s.

Danilova E. N. Opyt rossijskih i kitajskih reform: rezul'taty sravnitel'nogo issledovanija v Sankt-Peterburge i Shanhae = The experience of Russian and Chinese reforms: results of a comparative study in St. Petersburg and Shanghai / E. N. Danilova M. F. Chernysh // Mir Rossii. 2010. № 4. S. 25-52.

Kuzyk B. N. Kitaj – Rossija 2050: strategija sorazvitija = China – Russia 2050: strategy of co-development. Moskva : Institut jekonomicheskijh strategij, 2006. 652 s.

Larina E. S. Kitajskaja mobilizacija na puti pandemii = Chinese mobilization on the way of pandemic / E. S. Larina, V. Ovchinskij. URL: http://zavtra.ru/blogs/kitajskaja_mobilizacija_na_puti_pandemii. (Data obrashhenija: 21.11.2021).

Martynov P. Bor'ba s koronavirusom: kitajskaja mobilizacija i rossijskaja «optimizacija» = Fighting coronavirus: chinese mobilization and Russian «optimization». URL: <https://www.nakanune.ru/articles/115922/>. (Data obrashhenija: 21.11.2021).

Matvejchev O. A. Kitaj na styke tysjacheletij = China at the turn of millennia. Moskva : Zvezdnaja liga, 2004. 108 s.

«Ot kaprizov Zapada nuzhno strahovat'sja – Lavrov» = «One should insure against the West's caprices – Lavrov». URL: <https://regnum.ru/news/polit/3430710.html>. (Data obrashhenija: 21.11.2021).

Popova I. F. Politicheskaja praktika i ideologija rannetanskogo Kitaja = Political practice and ideology of early T'ang China. Moskva : Vostochnaja literatura, 1999. 277 s.

Sidihmenov V. Ja. Kitaj: stranicy proshlogo = China: pages from the past. Smolensk : Rusich, 2000. 460 s.

Tavrovskij Ju. V. Kitaj i uroki istorii: o tom, kak novaja mobilizacija vyvodit KNR v mirovye lidery = China and lessons in history: how the new mobilization is making China a world leader. URL: http://zavtra.ru/blogs/kitaj_i_uroki_istorii. (Data obrashhenija: 21.11.2021).

Cybanov Sh. Sh. Religiozno-ideologicheskij aspekt v koncepcii upravlenija gosudarstvom (Kitaj) = Religious and ideological aspects in the concept of state administration (China) // Kontekst i refleksija: filosofija o mire i cheloveke. 2016. Tom 5. № 5А. S. 105-113.

Статья поступила в редакцию 19.10.2021; одобрена после рецензирования 26.10.2021; принята к публикации 23.11.2021.

The article was submitted on 19.10.2021; approved after reviewing 26.10.2021; accepted for publication on 23.11.2021

Научная статья

УДК 81.282.3

doi: 10.20323/2658-7866-2021-4-10-19-31

Традиции изучения русского языка в Чунцине в контексте языковой политики КНР: по архивным материалам Чэна Сяньгуана

Ольга Александровна Казьмина

кандидат филологических наук, доцент Юго-Западный университет,
Институт иностранных языков, факультет русского языка и литературы.
400715, КНР, г. Чунцин, Бейбей. ул. Тяньшэн, д. 2.
ljolya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7095-4182>

Аннотация. Статья написана на материале переведенных с китайского языка неопубликованных семейных архивных записей известного профессора СУИЯ Чэна Сяньгуана (程贤光) и его супруги доцента Хэ Гэнхуэй (何根惠). В работе говорится о возникновении и развитии мира русского языка в Чунцине в 50-е гг. XX в., а также о крупных научно-методических достижениях чунцинских преподавателей, обогативших китайскую русистику.

Большое внимание уделяется личности самого профессора Чэна Сяньгуана, посвятившего всю свою жизнь изучению и распространению русского языка в КНР, укреплению дружбы между народами, установлению международного сотрудничества и обменов КНР с СССР и Россией.

Отдельно рассказывается о возникновении в чунцинском районе Бейбей Юго-Западного института русского языка (сейчас СУИЯ), специализирующегося на преподавании самой востребованной в то время специальности. О кадровой политике вуза, с первых лет существования приглашавшего на работу русскоговорящих специалистов, и о большом педагогическом, методическом, практическом, научном, этическом вкладе советских ученых в развитие русского языка в Чунцине.

Кроме того, объектом изучения данной статьи явился и двухтомный «Учебный словарь русского языка» – многолетний труд чунцинских русистов – получивший несколько различных премий и до сих пор являющийся актуальным и востребованным.

В заключении делается вывод о современном состоянии русского языка в Чунцине и потенциалах работы в данной области.

Ключевые слова: языковая политика, русский язык в Китае, правительство КНР, КПК, Чунцин, Сычуаньский университет иностранных языков, «Учебный словарь русского языка»

© Казьмина О. А., 2021

Статья выполнена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

Автор благодарит профессора Чэна Сяньгуана (程贤光) и его супругу доцента Хэ Гэнхуэй (何根惠) за предоставленные материалы из личного неопубликованного архива семьи

Для цитирования: Казьмина О. А. Традиции изучения русского языка в Чунцине в контексте языковой политики КНР // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 4 (10). С. 19-31. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2021-4-10-19-31>

Original article

Traditions of studying the Russian language in Chongqing in the context of the language policy of the China: based on the archival materials of Cheng Xianguang

Olga A. Kazmina

Candidate of philological sciences, associate professor, Institute of foreign languages, Southwest University, China. 400715, PRC, Chongqing, Beibei District, Tiansheng road., 2. ljolya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7095-4182>

Abstract. This article is based on the translations from Chinese of unpublished family archives of the renowned professor Cheng Xianguang (程贤光) and his wife, Associate Professor He Genghui (何根惠). It describes the origin and development of the Russian language world in Chongqing in the 50s of the XX century, as well as the major scientific and methodological achievements of Chongqing teachers, who enriched Russian studies in China.

Significant attention is paid to the personality of Professor Cheng Xianguang, who devoted his life to the study and spread of the Russian language in China, to strengthening friendship between the nations, to the establishment of international cooperation and exchanges between the PRC and the USSR and Russia.

In addition, there is a story about the rise of the Southwestern Institute of the Russian Language in Chongqing's Beibei district (now the SUIA), specializing in teaching the most demanded profession at the time; about the university's policy to invite Russian specialists to work from the early years, and about the great pedagogical, methodological, practical, scientific and ethical contribution of Soviet scientists to the promotion of the Russian language in Chongqing.

Besides, the article also focuses on the two-volume "Academic Dictionary of the Russian Language", a long-term work of Chongqing Russian scholars, which has won several prizes and is still relevant and in demand.

The author concludes on the current state of the Russian language in Chongqing and the potential for work in this area.

Keywords: language policy, Russian language in China, PRC government, CPC, Chongqing, Sichuan University of Foreign Languages, “Academic Dictionary of the Russian Language”

The article was written within the framework of the activities of the Center for the Study of Russian-Speaking Countries of the Southwestern University at the Institution of Education of the PRC

The author would like to thank Professor Cheng Xianguang (程贤光) and his wife, Associate Professor He Genghui (何根惠) for the materials provided from the family's personal unpublished archive

For citation: Kazmina O. A. Traditions of Russian language learning in Chongqing in the context of China's language policy. *World of Russian-speaking countries*. 2021; 4(10):19-31. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2021-4-10-19-31>

Сегодня невозможно себе представить город Чунцин (КНР) без русского языка. В многомиллионном мегаполисе русский язык изучается в нескольких школах и вузах, в том числе в двух крупнейших: Юго-Западном университете и Сычуаньском университете иностранных языков. Традиции русского языка в Чунцине тянутся своими корнями ко времени образования КНР в 1949 г., когда СССР начал поддерживать Китай и возникла необходимость овладения языком политического союзника (см. подробнее *Казмина О. А., Коу Сяохуа Традиции изучения русского языка в Юго-Западном университете в контексте языковой политики КНР*).

Данная статья написана на материале переведенных с китайского языка неопубликованных семейных архивных записей профессора Чэна Сяньгуана (程贤光) и его супруги доцента Хэ Гэнхуэй (何根惠), в которых их глазами – современников и участников строительства но-

вой страны – показано возникновение и развитие мира русского языка в Чунцине.

Основной целью данной статьи является представление важных первоначальных шагов становления и укоренения русского языка в Чунцине на биографическом примере сильной и пассионарной личности профессора Чэна Сяньгуана, сыгравшего ключевую роль в формировании и распространении русского языка в Китае.

Профессор Чэн Сяньгуан – живая легенда, одним из первых начал изучать, а затем и преподавать русский язык в Чунцине, стоял не только у истоков зарождения русского языка в этом городе, но и становления нового государства, образовавшегося 1 октября 1949 года под руководством КПК. Чэн Сяньгуан начал свою преподавательскую деятельность в 1953 г. С 1958 по 1961 гг. обучался в СССР, в Московском государственном университете на филологическом фа-

культете, где в числе преподавателей были такие великие лингвисты как Д. И. Розенталь, В. А. Белошапкова и др. Был деканом факультета русского языка Сычуаньского университета иностранных языков (СУИЯ), является членом комиссии Чунцинской народной ассоциации дружбы с зарубежными странами, постоянным членом китайско-русской ассоциации научных исследований в области преподавания, постоянным членом Сычуаньской ассоциации переводчиков, исполнительным директором Общества переводчиков Чунцина, исполнительным директором Чунцинского комитета международных отношений с Советским союзом и Восточной Европой, директором Чунцинской ассоциации старших работников высшего образования и директором Международного комитета внешних связей. Его имя включено в «Словарь современных китайских знаменитостей мира» и «Словарь современных китайских ученых-социологов». Главный редактор «Учебного словаря русского языка», основатель и в прошлом директор научно-исследовательского Центра зарубежной детской литературы в СУИЯ, основатель журнала «Дети мира», автор и составитель множества различных учебных пособий по русскому языку. За долгие годы преподавательской работы воспитал огромное количество специалистов в области русского языка.

19 ноября 2016 г. в Пекинском университете на 35-м юбилейном

собрании Китайско-Российской ассоциации преподавателей и исследователей в числе 25 ученых, профессор был отмечен за более чем 50 лет упорного труда в области русского языка в Китае и получил награду за выдающийся вклад в преподавание и распространение русского языка в Китае [四川外国语学院新闻网...].

Чэн Сяньгуан родился в Нанкине в 1934 году был последним – пятым – ребенком в своей семье, мать родила его уже в 45-летнем возрасте. Причем разница с самым старшим братом составляла более 30 лет.

В июне 1949 г. в 15 лет, благодаря внешней рослости, сумел убедить военный комитет в своем совершеннолети, вступить в народно-освободительную армию Китая и добровольно уйти на гражданскую войну. В составе армии несколько месяцев (пешком и на поездах) добирался из Нанкина в Чунцин: город важного политического значения. Известно, что Чунцин в период антияпонской войны с 1940 по 1946 гг. выполнял роль столицы государства (в научной литературе «Чунцин того периода времени часто называется «второй столицей»), здесь же было открыто советское посольство» [История Китая ... , Т. VIII, с. 624]. В 1939 г. в Чунцине было создано Юго-Западное политическое бюро ЦК КПК и Юго-Западный Военно-Политический Комитет [王进].

Приехав в Чунцин в составе народной армии, Чэн Сяньгуан был

распределен в только что созданный Учебный полк русского языка при Второй высшей пехотной школе Народно-освободительной армии Китая. Поскольку в Чунцине, как и в абсолютном большинстве китайских городов, во время начала становления КНР практически не существовало людей, знавших русский язык, первым преподавателем учебного полка русского языка был безграмотный китайский сапожник, некоторое время проживший в СССР и умевший немного говорить по-русски.

В июне 1952 года закончил Учебный полк русского языка, был в числе других студентов, его первым выпускником. Данное учебное заведение за свою более чем 70 летнюю историю меняло и локацию, и концепции обучения, и названия, среди которых: Учебный полк русского языка при Юго-Западной военно-политической академии НОАК, Факультет русского языка Юго-Западного народного революционного университета, Юго-Западное высшее училище русского языка, а в настоящее время это Сычуаньский университет иностранных языков (СУИЯ), один из важнейших центров изучения русского языка в Китае [Сычуаньский университет иностранных языков...].

После окончания Учебного полка русского языка при Юго-Западной военно-политической академии НОАК Чэн Сяньгуан и некоторые другие студенты-отличники были оставлены руко-

водством на преподавательскую работу, что для людей, готовившихся к военной службе, вряд ли было хорошей новостью, но они восприняли это как приказ и выполнили его. Так, преподавание для них стало делом всей жизни. В этом же 1952 году десять выпускников в целях повышения квалификации были делегированы в Шанхай, где в то время преподавание русского языка было на относительно высоком уровне, по сравнению с другими районами Китая. Связано это в первую очередь с тем, что в Шанхае проживало большое число русских эмигрантов, многие из которых и после революции в Китае не покинули страну. К слову сказать, в Шанхае не нашлось группы подходящего для их знаний уровня, поэтому делегированные студенты вынуждены были стать практикантами, и начали свою преподавательскую деятельность с первокурсниками. Правда и то, что за время данной полугодовой стажировки (в марте 1953 пришлось вернуться в Чунцин) удавалось много общаться на русском языке с носителями, к тому же аристократического происхождения.

***Юго-Западный институт
русского языка в Бейбее***

В то время, когда новая страна под названием Китайская Народная Республика начинала свои первые шаги, все западные страны пытались задуть ее в колыбели, лишь одно государство, возглавляемое

Коммунистической партией – Советский союз – было готово оказать всестороннюю помощь и поддержку. В 1953 г. Китай начал осуществлять первый пятилетний план национального экономического строительства. Во время первой пятилетки СССР оказал крупномасштабную помощь 156 ключевым строительным проектам в Китае. Страна нуждалась и в советских специалистах, и в китайских гражданах, владеющих русским языком. В тот год было создано 7 вузов, где изучали русский язык как специальность: в Пекине, Шанхае, Харбине, Сиане и других городах.

Весной 1953 года на базе Учебного полка русского языка при Юго-Западной военно-политической академии НОАК, был создан Юго-Западный институт русского языка. Ученое заведение до начала 70-х гг. располагалось в чунцинском районе Бейбей (北碚). Обучение в институте русского языка должно было проходить 3 года, в соответствии с требованиями программы высшего образования.

Если перед обучающимися русскому языку в Учебном полку ставилась цель в короткие сроки овладеть максимальным количеством знаний, то Юго-Западный институт русского языка являлся одним из официальных вузов, основанных в первые годы становления нового Китая. Поэтому в этом же году институт русского языка начал официальный прием студентов через вступительные экзамены. Хэ Гэн-

хуэй (супруга профессора Чэна Сяньгуана) в числе первых 80 студентов была зачислена на факультет русского языка в 1953 г. Среди поступивших были не только выпускники средних школ, но и некоторые студенты, в течение 2-3 лет изучавшие английский язык в других вузах на юго-западе Китая: в Сычуане, Чунцине, Гуйчжоу, Юньнани и др., но для нужд страны меняли специальность и с азав начинали изучать единственно востребованный в то время иностранный язык.

Когда Учебный полк русского языка при Юго-Западной военно-политической академии НОАК расформировали и создали на его основе гражданскую специальность, руководители и преподаватели столкнулись с проблемой, как управлять невоенным университетом, как обучать обычных студентов, не будущих солдат. Все нужно было начинать с нуля: разрабатывать программы, составлять планы учебных занятий, самостоятельно готовить материалы, которых в то время не было. Вся подготовка проходила параллельно с учебными занятиями, которые длились 6 дней в неделю. Преподаватели и студенты факультета русского языка объединились перед лицом общей проблемы, делали все возможное и невозможное, чтобы хорошо учиться и обучать, помогать друг другу.

С 1953 года в институте русского языка начинают работать 20 приглашенных из Харбина русскоговоря-

щих преподавателей. Это были в большинстве своем потомки русских аристократов, приехавших в северо-восточный Китай после Октябрьской революции, очень образованные и прекрасно владеющие русским языком люди. В то время в каждой группе работали, дополняя друг друга, 2 преподавателя: иностранный и китайский. Носители языка обучали фонетике и устной речи, чтению, китайцы – грамматике. Подобная расстановка преподавательских ресурсов играла значимую роль в повышении фонетического и грамматического уровня студентов, владения устным русским языком и грамматическими правилами. В то время это было большим преимуществом института русского языка.

Созданная в институте русская атмосфера побуждала учиться и работать сознательнее и усерднее. Каждый студент имел русское имя, и было обязательным правилом называть друг друга приветствовать по-русски.

В 1955 и 1958 гг. Государственный совет для руководства преподаванием пригласил 2 группы советских экспертов в Юго-Западный институт русского языка. Эксперты были как консультантами директора института, так и консультантами директора учебного и научно-методического отдела.

В первой группе советских экспертов, работавших с 1955 по 1958 гг. в институте русского языка в Бейбее, было три человека: супруги Никоновы (из Воронежа) и Равицкая (из

Луганска). Никонов – кандидат филологических наук, эксперт в области управления образованием, Никонова – филолог, Равицкая – учитель русского языка в средней школе. Во второй группе был один эксперт Осокин (из Томска) – кандидат филологических наук, специалист по русской лексике и риторике, – проработавший в институте 2 года до 1960 г. Направленные на работу советские специалисты выполняли не только преподавательскую работу, но и выступали в качестве консультантов по методике преподавания и научным исследованиям; направляли руководство факультетом, а также преподавательскую и исследовательскую деятельность педагогического и научно-исследовательского отделов.

Институт обратился к советским специалистам с просьбой провести серию теоретических курсов с преподавателями факультета по фонетике, лексикологии, грамматике, риторике, а также методике преподавания русского языка и педагогике. Их работа сыграла решающую роль в значительном повышении теоретического и практического уровня китайских русистов. Специалисты из России оказали, как это не покажется странным, большое влияние и на инфраструктуру института, и на санитарное состояние факультета русского языка. Учебный корпус русского языка (в настоящее время это здание охраняется государством как исторический значимый объект) был

построен по проектировке советских архитекторов и в соответствии с советскими стандартами. На стенах в коридорах, аудиториях, кабинетах, общежитиях, столовой – везде висели портреты знаменитых русских людей: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, П. И. Чайковского, В. В. Маяковского и др. Цитаты из русской литературы, лозунги: «Всегда и везде говорите по-русски», «Учиться, учиться, учиться», «Сегодня СССР – завтра Китая» и др. Даже обслуживающий персонал в институте мог сказать несколько слов по-русски: товарищ, здравствуйте, хорошо, спасибо, до свидания и пр.

Никонов был руководителем советской экспертной группы в Чунцине, консультантом директора, давал ценные советы и по вопросам управления и преподавательской работы института. Он часто надевал белые перчатки, чтобы проверять чистоту и отсутствие пыли в учебном корпусе. Таким образом, благодаря хорошо спланированной и организованной работе, студенты обучались в отличных условиях, в чистых помещениях, имели четкие цели, всестороннюю поддержку и сильный энергетический заряд.

Через несколько лет плодотворной работы институт русского языка добился значительного прогресса во всех аспектах, особенно повысился уровень преподавания. От каждого студента требовалось 5 практических умений (五会): говорить, слушать, читать, писать и

переводить; от каждого преподавателя 5 серьезных подходов (五认真): серьезно готовиться к занятиям, серьезно составлять учебные планы, серьезно относиться к занятиям, серьезно проверять и исправлять задания, серьезно проводить со студентами внеклассные мероприятия. Иностранцы часто организовывали обмен преподавательским опытом, на факультете проводились выставки образцовых учебных планов, а также различного рода оценочные мероприятия, открытые занятия, взаимопосещения и пр.

Руководство разработало систему проверки качества преподавания и системы оценивания каждого преподавателя. Кроме того, под руководством советских специалистов старшекурсники – отличники в учебе – проходили педагогическую практику со студентами 1, 2 курсов.

После окончания факультета русского языка выпускники были очень востребованы в Китае: некоторые оставались для преподавательской работы, другие по распределению разъезжались по разным провинциям.

Таким образом, слаженная работа китайских и советских специалистов, четкие цели и задачи, желание помочь развитию своей страны приводили к тому, что молодые люди активно изучали и усваивали невероятно трудный для китайцев русский язык, многие любили его как родной. Особенно важно отметить то, что в первые годы становления

нового Китая не было специальных учебников, пособий, словарей, каких-либо вспомогательных материалов. Преподавателям и студентам приходилось прилагать титанические усилия, чтобы объяснить, понять и выучить русский язык, который на тот период времени был важнейшим инструментом для строительства своего государства.

Создание «Учебного словаря русского языка» («俄语教学词典») 1975–1990

Словарь, о котором в дальнейшем пойдет речь в статье, представляет собой важное научно-исследовательское достижение чунцинских русистов в области изучения русского языка в Китае. Краткую информацию об «Учебном словаре русского языка» можно прочитать в интервью с профессором Чэном Сяньгуаном [川外 70 岁了! ...].

Кропотливая работа над «Учебным словарем русского языка» велась преподавателями Сычуаньского института иностранных языков (сейчас СУИЯ) некоторыми русистами из Юго-Западного педагогического университета (сейчас ЮЗУ), Гуйянского педагогического института (сейчас университета) в течение долгих 15 лет.

Еще в конце 1950 гг. преподаватели Юго-Западного института русского языка составили однотомный словарь русского языка для китайцев. Можно сказать, это было пробным проектом, так как словарь имел

мало словарных дефиниций и примеров их употребления; интерпретации были недостаточно точны, в целом, словарь отличался не очень строгим отбором языкового материала. Основной характеристикой данного словаря была большая политизированность, что соответствовало духу времени его создания. В связи с этим требовалась серьезная и кропотливая переработка.

В 1975 году премьер-министр КНР Чжоу Эньлай лично одобрил национальную конференцию по планированию создания словарей, проведенную в Гуанчжоу Государственным Советом. На этом мероприятии было принято решение о том, что в национальном плане на десятилетие с 1975 по 1985 гг. будет составлено и опубликовано 175 словарей на китайском и иностранных языках. Профессор Чэн Сяньгуан представлял Сычуаньский институт иностранных языков, и его вузу была поручена работа над словарем русского языка.

Процесс составления словаря был трудным по многим причинам. Самой главной причиной была идеологическая.

В 1975 г. в поздний период «культурной революции» обстановка в стране все еще была достаточно суровой. Даже после 1976 г. в течение долгого времени политическая ситуация оставалась достаточно жесткой и непредсказуемой. Составляя словарь в подобной обстановке, важно было уделять большое внимание политическому вопросу в соответствии

с тенденциями того времени, что стало серьезной проблемой.

Под давлением всех слоев общества главный редактор Чэн Сяньгуан и заместитель главного редактора Сюй Сяолин (许筱林) неоднократно обсуждали содержание словаря. И пришли к единому мнению, что словарь не является современной газетой или журналом, это и не новая проза, отражающая чувство времени, и не хронологический сборник событий, а справочник с долгосрочной перспективой, которым может пользоваться любой человек. Поэтому очень твердо решили, что любое современное ярко окрашенное слово не должно появиться в этом словаре. Такие понятия как «служение народу» и «доверие массам» никогда не устареют и могут войти в словарь. Выражения типа «разгром банды четырех» и другие подобные – это только отражение короткого исторического периода событий современной действительности, и вряд ли будущие поколения будут об этом помнить. Поэтому понятия подобного рода лучше не включать в словарь. Главный редактор и его заместитель видели своей задачей как составителей словаря не просто дать набор слов, но быть практичными и методичными: через словарь воспитывать людей, научить студентов думать и правильно понимать вещи. И если бы в свое время редакторы не настояли на строгом отборе необходимой лексики, словарь оказался бы нежизнеспособным.

Вторая причина, вызывавшая трудности в работе над словарем, заключалась в том, что примеры для объяснения значения и употребления словарных дефиниций можно было брать только из официальных источников: оригинальных, опубликованных Государственным издательством книг и материалов на русском языке. Поскольку многие книги на русском языке числились как запрещенные или nereкомендуемые во время культурной революции, источник данных стал серьезной проблемой в работе по составлению словаря.

Приходилось покупать новые книги в Чунцине или заказывать из Пекина, Чэнду и других городов. В результате было закуплено более 1 000 кг книг и печатной продукции.

Одной из самых серьезных и трудно решаемых задач можно считать выборку и компиляцию материала, составление картотеки. Чтобы сэкономить деньги на покупке картона – материала, наиболее подходящего для карточек, – приходилось различными способами добывать плотную бумагу, в том числе использовать открытки. Эта работа мобилизовала членов семей, включая детей, редактора и составителей словаря. Длилась она более года, было изготовлено и классифицировано свыше 800 тыс. карточек, занявших пространство нескольких комнат. Сегодня, с сожалением, приходится признать, что карточки – труд большой группы людей в течение долгого времени – позже были сданы в макулатуру.

Еще одним препятствием в деле составления словаря явились условия работы, существовавшие в тот период времени. Например, в институте на кафедре, в маленьком помещении, одновременно работало 20-30 преподавателей. Электричество могли отключать на несколько дней, и не всегда даже была возможность зажигать свечи, от которых подчас загорались волосы. Шрифт некоторых книг был настолько мелким, что их приходилось читать с лупой. По этой причине многие участники проекта сильно испортили свое зрение, а также получили проблемы со спиной и шеей.

Составление словарей было не единственным делом преподавательского состава, кроме этого были обязательные занятия со студентами. Чтобы успеть в срок, приходилось работать при любой погоде, по праздникам и выходным дням.

Профессор Чэн Сянгуан в то время был не только главным редактором словаря, но и деканом факультета русского языка, директором научно-исследовательского института зарубежной детской литературы, главным редактором журнала «Дети мира». Он может с уверенностью сказать, что никогда не ложился спать ранее 12 часов ночи.

«Учебный словарь русского языка» создавался медленно и с тяжелой каждодневной работой многих составителей. Данный словарь – это и накопленный опыт преподавания в течение многих лет, и кристаллизация 15-летнего упорного труда. Весь процесс работы полон

взлетов и падений, на этапе печати все авторы-составители по очереди следили и по необходимости корректировали его в издательстве. Заместитель главного редактора Сюй Сяолинь более года работал вместе с рабочими типографии, опасаясь ошибок и простых опечаток.

Не представляется серьезной проблемой усердно работать неделю, месяц, год, но десятилетие?! Словарь составлялся с 1975 по 1985 гг. Первый том «Учебного словаря русского языка» (А–О) был закончен в 1981 году и увидел свет в Сычуаньском народном издательстве в 1982 году [俄语教学词典 (上册)]. Первые 10 тыс. экземпляров были быстро распроданы. Работа над Вторым томом словаря (П–Я) была практически завершена в 1982 году, но публикация по различным причинам осуществилась только в 1990 г. [俄语教学词典 (下册)].

«Учебный словарь русского языка» является важным и запатентованным научным достижением Сычуаньского института иностранных языков; оригинальной формой словарей без предыдущего примера. Двухтомный словарь насчитывает в общей сложности более 8 млн слов, из которых более 2 800 сложных для понимания и употребления китайскими студентами слов русского языка, более 300 тыс. словосочетаний, около 130 тыс. примеров из русской литературы. Получил несколько различных премий, в том числе: Вторую премию за результаты исследований в области социальных наук провинции Сычуань, Первую премию за

результаты исследований в области социальных наук в Чунцине. Был высоко оценен многими известными переводчиками и учеными Китая, а также в русскоговорящем мире России, бывшего СССР и США.

Государственными органами КНР «Учебный словарь русского языка» был выбран на Франкфуртскую и Московскую международные книжные выставки, где получил положительные отзывы.

Наиболее фундаментальное отличие «Учебного словаря русского языка» от других изданий подобного типа заключается в его функциональной нагрузке, направленной на обучение. По первоначальному замыслу главного редактора словарь должен разрешить практические трудности, с которыми сталкивается китайский читатель; помочь научиться пользоваться словарным запасом русского языка. Данный словарь имеет большую практическую ценность, пользуется хорошей репутацией среди специалистов в области русского языка и его преподавания, является настольной книгой переводчиков, русистов и студентов и в наше время.

Если посмотреть на российско-китайские современные отношения, то они, безусловно, поменялись, причем в хорошую сторону. Сегодня активные, работающие люди, сотрудничающие с Россией и русскоговорящими странами, безусловно, нуждаются в отличном знании русского языка и его тонкостей, поэтому изучение русского языка не может быть основано

лишь на штудировании нескольких учебников, необходимо больше читать. А для того, чтобы переработать прочитанное и включить в свой внутренний мир, необходимо хорошо разбираться в коннотации и употреблении русских слов, понимать логику русского мышления, а также ситуативность и привычки использования тех или иных слов.

Язык живой, он постоянно меняется, поэтому, спустя десятилетия, приходится признать, что «Учебный словарь русского языка», конечно, требует некоторого пересмотра и обновления. Профессор Чэн Сяньгуан надеется, что однажды работа над этим словарем будет продолжена уже современными исследователями, которые также как он и все авторы-составители любят Россию и русский язык.

Можно сделать вывод, что работа по изучению и распространению русского языка в Чунцине, плодотворно начавшаяся более 70 лет назад, имеет свои богатые плоды и достойное продолжение. В XXI в. правительство КНР уделяет большое внимание языковой политике в стране, где русский язык находится на особом положении и пользуется большим уважением. Хотелось бы выразить надежду, что дело таких людей как профессор Чэн Сяньгуан и всех, кто посвятил свою жизнь русскому языку и его культивированию в Китае, никогда не будет забыто, молодое поколение русистов продолжит их труды в соответствии с требованиями нового времени.

Библиографический список

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. // Т. VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976) / гл. ред. академ. РАН С. Л. Тихвинский. Москва : Наука, 2013. 822 с.

Казьмина О. А. Традиции изучения русского языка в Юго-Западном университете в контексте языковой политики КНР / О. А. Казьмина, Сяохуа Коу // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 3 (5). С. 5–17.

Сычуаньский университет иностранных языков : сайт. Чунцин. URL: <http://ru.sisu.edu.cn/cwj.htm>. (Дата обращения: 03.11.2021).

川外 70 岁了! “云访谈”听老中青三代与俄语结缘的故事 : сайт. URL: https://www.sohu.com/a/406700500_120388781 (Дата обращения: 05.11.2021).

俄语教学词典 (上册) (А-О). 主编程贤光. 成都:四川人民出版社,1982. 1467 页.

俄语教学词典 (下册) (П-Я). 主编程贤光. 成都:四川人民出版社,1990. 1840 页.

四川外国语大学新闻网 : сайт. URL: <http://newscast.sisu.edu.cn/info/1002/3288.htm>. (Дата обращения: 05.11.2021).

王进. 重庆大轰炸在红岩精神形成中的作用 [J] 重庆邮电学院学报社会科学版 2005, (03):324–328.

Reference list

Istorija Kitaja s drevnejshih vremen do nachala XXI veka = China's history from ancient times to the early XXI century: v 10 t. // Т. VIII: Kitajskaja Narodnaja Respublika (1949–1976) / gl. red. akad. RAN S. L. Tihvinskij. Moskva : Nauka, 2013. 822 s.

Kaz'mina O. A. Tradicii izuchenija russkogo jazyka v Jugo-Zapadnom universitete v kontekste jazykovoju politiki KNR = Traditions of teaching Russian at Southwest university in terms of Chinese language policy / O. A. Kaz'mina, Sjaohua Kou // Mir russkogovorjashhih stran. 2020. № 3 (5). S. 5–17.

Sychuan'skij universitet inostrannyh jazykov = Sichuan university of foreign languages: sajт. Chuncin. URL: <http://ru.sisu.edu.cn/cwj.htm>. (Data obrashhenija: 03.11.2021)

川外 70 岁了! “云访谈”听老中青三代与俄语结缘的故事 : сайт. URL: https://www.sohu.com/a/406700500_120388781. (Data obrashhenija: 05.11.2021).

俄语教学词典 (上册) (А-О). 主编程贤光. 成都:四川人民出版社,1982. 1467 页.

俄语教学词典 (下册) (П-Я). 主编程贤光. 成都:四川人民出版社,1990. 1840 页.

四川外国语大学新闻网 : сайт. URL: <http://newscast.sisu.edu.cn/info/1002/3288.htm>. (Data obrashhenija: 05.11.2021).

王进. 重庆大轰炸在红岩精神形成中的作用 [J] 重庆邮电学院学报社会科学版 2005, (03):324–328.

Статья поступила в редакцию 10.10.2021; одобрена после рецензирования 10.11.2021; принята к публикации 23.11.2021.

The article was submitted on 10.10.2021; approved after reviewing 10.11.2021; accepted for publication on 23.11.2021

Научная статья

УДК 81: 811.581

doi: 10.20323/2658-7866-2021-4-10-32-51

**Концепт «счастье» в русской и китайской лингвокультурах
в эпоху глобализации**

Сяохуа Коу

кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков

Юго-Западного университета КНР. 400715, КНР, г. Чунцин,

район Бейбей, ул. Тяньшэн, д. 2.

839367883@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-6969-7836>

Аннотация. В статье представлено сравнительное исследование русского и китайского традиционного концепта «счастье» с лингвокультурологической точки зрения. Автор анализирует сходства и различия концепта счастье в русской и китайской лингвокультурах путём анализа этимологии слова «счастье» и его воплощения в пословицах и поговорках, а также интерпретирует причины этих различий. На основе социологических опросов исследуются современные представления о счастье русской и китайской молодежи в контексте глобализации, а также анализируется влияние эпидемии коронавируса на восприятие концепта «счастье» молодежью двух стран. В статье делается вывод, что взгляды на счастье молодых людей Китая и России в определенной степени совпадают, но в то же время имеют индивидуальные особенности. Концепт «счастье» для китайской молодежи в основном сосредоточен на личной и семейной сторонах и более подвержен внешним оценкам. Некоторые представители молодежи в стремлении к счастью проявляют сильное тяготение к материальным благам, а российская молодежь видит в счастье свой собственный уникальный опыт, придавая большое значение внутренней гармонии, самореализации и самооценке. В статье отмечается, что большинство молодежи двух стран считают, что эпидемия коронавируса оказала влияние на их восприятие счастья, в котором больше внимания уделяется таким факторам, как «здоровье», «семья» и «спокойствие», под влиянием глобализации и эпидемии коронавируса, в российской и китайской молодежной среде сформировалось многозначное восприятие счастья, отличающееся как приоритетом духовных ценностей, так и пассивным потребительским утилитаризмом, что породило разнообразие моделей достижения счастья молодыми людьми Китая и России.

Ключевые слова: концепт, счастье, лингвокультурология, менталитет, глобализация, эпидемия, социологическое исследование

Статья выполнена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

Для цитирования: Коу Сяохуа Концепт «счастье» в русской и китайской лингвокультурах в эпоху глобализации // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 4 (10). С. 32-51. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2021-4-10-32-51>

PHILOLOGY

Original article

The concept of “happiness” in Russian and Chinese linguistic cultures in the era of globalization

Xiaohua Kou

Candidate of philological sciences, associate professor, Institute of foreign languages, Southwest University, China. 400715, PRC, Chongqing, Beibei District, Tiansheng road., 2. 839367883@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-6969-7836>

Abstract. The article presents a comparative study of the Russian and Chinese traditional concepts of “happiness” from a linguistic-cultural point of view. The author analyzes similarities and differences of the concept “happiness” in Russian and Chinese linguistic cultures by examining the etymology of the word “happiness” and its use in proverbs and sayings, as well as interprets the reasons for these differences. On the basis of sociological surveys the author investigates current ideas of happiness of Russian and Chinese youth in the context of globalization and analyzes the impact of the coronavirus epidemic on the perception of the concept “happiness” by young people of the two countries. The article concludes that the views of the happiness among young people in China and Russia are somewhat similar, but at the same time have individual characteristics. The concept “happiness” for Chinese youth is mainly focused on the personal and family aspects and is more susceptible to external evaluations. Some young people show a strong attraction to material goods in their pursuit of happiness, while Russian youth see happiness as their own unique experience, attaching great importance to inner harmony, self-actualization, and self-esteem. The article notes that most young people in the two countries believe that the coronavirus epidemic has had an impact on their perception of happiness, with more emphasis on such factors as “health”, “family”, and “peacefulness”; under the influence of globalization and the coronavirus epidemic, Russian and Chinese youth have developed a complex perception of happiness, characterized by both the priority of spiritual values and passive consumer utilitarianism, which has given rise to a variety of models for young people in China and Russia to achieve happiness.

Keywords: concept; happiness, linguoculturology, mentality, globalization, epidemic, sociological research

The article was written within the framework of the activities of the Center for the Study of Russian-Speaking Countries of the Southwestern University at the Institution of Education of the China

For citation: Kou Xiaohua The concept of “happiness” in Russian and Chinese linguistic cultures in the era of globalization. *World of Russian-speaking countries*. 2021; 4(10):32-51. (In Russ). <http://dx.doi.org/http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2021-4-10-32-51>

Введение

Среди центральных эмоциональных концептов лингвокультурологии концепт «счастье» занимает особое место. Он не только имеет всеобъемлющую специфику, но и обладает этнической особенностью. Об этом ученые Китая и России провели всесторонние и глубокие исследования. Российские ученые обращают внимание на лингвокультурную специфику концепта счастья, содержание концепта «счастье» и ценностную структуру современных представлений о счастье. В монографии С. Г. Воркачева «Счастье как лингвокультурный концепт» проводится анализ лингвокультурной специфики и семантической структуры концепта счастья как духовной сущности, регулирующей отношение человека к успешности и осмысленности собственной жизни, в русском научном, языковом и религиозном сознании [Воркачев, 2004]. Основные проблемы счастья, изучаемые китайскими учеными, включают понятие счастья, взаимосвязь между счастьем и радостью, взаимосвязь между счастьем и моралью, основные компоненты счастья, а также субъективное счастье.

Понимание счастья людьми отражается и в литературных произведениях. Л. Н. Толстой, один из самых известных писателей и философов в мире, выражает свой взгляд на счастье в произведениях «Семейное счастье», «Анна Каренина» и «Воскресение». В произведении «Воскресение» писатель высказывает свое мнение о связи братства и счастья: братство и прощение могут привести людей к счастливой жизни. Кроме того, счастье – повторяющаяся тема в художественном мире А. Чехова, известного русского мастера рассказов. А. П. Чехов отмечает, что счастливы люди или нет – это самая сложная проблема человеческого общества. В рассказе «Крыжовник» содержится известное утверждение автора о счастье: «Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стряется беда – болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других» [Чехов, 1977, с. 496].

В Китае самые ранние исследования счастья можно проследить по книге «Шан Шу – Хун Фан», которая написана в периоде чуньцю. В книге перечисляются компоненты абсолютного счастья: долголетие, богатство, спокойствие, добродетель и кончина в преклонные годы. Эти пять элементов составляют содержание счастья. Мо Янь, китайский лауреат Нобелевской премии по литературе, считает, что счастье человека зависит от того, знает ли он, как «отпустить». Известный китайский писатель Лу Яо в своем романе «Обычный мир» выражает мнение, что счастье приходит от внутренней тяжелой закалки, а несчастье – от чрезмерной погони за внешним миром. Линь Юйтан, известный современный китайский писатель и переводчик, сказал: «Что такое счастье? Счастье – это спать в своей кровати, обедать едой, приготовленной родителями, слушать, как спутник жизни разговаривает с вами, играть в игры с детьми». Таким образом, русские писатели больше рассуждают о народном счастье. Выражая свои взгляды на счастье, они безжалостно разоблачают социальную несправедливость и критикуют неправильные взгляды на счастье. Китайцы, в отличие от русских, подходят к вопросу больше с практической стороны. Они опираются на свой опыт, свою религию и философию для того, чтобы понять счастье. Различия во взглядах на счастье указывают на существова-

ние различий в русской и китайской языковых картинах мира.

Концепт «счастье» в русской и китайской лингвокультурах

Судя по данным этимологических источников, русское слово «счастье» наиболее тесно связано со словом «судьба» и трактуется как «путь, который Бог показывает человеку» или «часть, которая дается человеку при его рождении». Кроме того, М. Фасмер пишет в «Этимологическом словаре Фасмера», что счастье происходит от протославянского слова «sъstьje», состоящего из приставки «su» (хороший) и основа «stь» (часть), то есть «хорошая часть», «хороший удел». Далее можно расширить понятие «часть» до концепции «распределение» русской лингвокультурологии. По мнению Б. А. Рыбакова, слова «доля», «участь», «удел», «счастье» и «удача» относятся к лексике, связанной с концепцией «распределение» [Рыбаков, 2004, с. 246]. Через слово «уделить» можно увидеть, что разделить что-то на части и участвовать в этом процессе – это счастье.

В толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля отмечаются многочисленные семантические аспекты слова «счастье»: 1) рок, судьба, часть, участь, доля («Всякому свое счастье», «В чужое счастье не заедешь»); 2) случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успех, спорина в деле, не по расчёту, счастье, счастки и

счаски («На счастье мужики хлеб сеет», «Это счастье: два гриба на ложку, третий к стеблю пристал!», «По счасткам, я сам там был», «На счастье, на авось, наудачу»); 3) благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и довольство; вообще, все желанное, все то, что покоит и доводит человека, по убеждениям, вкусам и привычкам его. («Жить в счастии, во времени, благоденствовать», «Домашнее счастье, совет да любовь», «Даст Бог здоровья, даст и счастья») [Даль, 1881, с. 381].

Обращает на себя внимание тот факт, что в словарной статье В. И. Даля в третьем значении раскрывается суть счастья – благоденствие, благополучие, земное блаженство, жизнь без горя, смут, тревоги, покой, довольство и т. д. Однако первое и второе значения слова свидетельствуют о случайности счастья, о том, что у каждого оно своё. Кроме того, прослеживается связь счастья со здоровьем и семьей, одновременно подчеркивается ненадежность счастья, что оно дороже ума и богатства.

В русских пословицах и поговорках счастье представлено очень многогранно, имеет как положительные, так и отрицательные коннотации.

1) Счастье тесно связывается с судьбой и долей. Счастье является начертанным на роду и неизбежным. («Всякому своё счастье – в чужое не заедешь», «Не в воле счастье, а в доле»).

2) Счастьем нельзя управлять. Оно может прийти неожиданно, случайно. («Счастье не палка, в руки не возьмешь», «Легко найти счастье, а потерять и того легче», «Счастье придет и на печи найдет»).

3) Счастье можно добыть трудом. («Счастье в воздухе не вьётся, а руками достаётся», «Счастье не ищет, а делают», «Всяк своего счастья кузнец»).

4) Ум необходим, чтобы сохранить счастье. («Счастье без ума – дырявая сума», «Ум в голове – удача на гряде, а без ума и счастье из рук ушло», «Счастье без ума нипочем»).

5) Счастье и несчастье часто идут рядом. Удача и несчастье зависят друг от друга. («Счастье с несчастьем двор о двор живут», «Не было бы счастья, так несчастье помогло»). Уход счастья является причиной несчастья. («Счастье отойдет, много бед наведет»). Иногда несчастье – необходимое условие счастья. («Не отведав горя, не познаешь и счастье»).

Иероглиф «福» (Фу, в смысле счастья) является одним из старейших иероглифов Китая. Согласно «Словарю форм и значений китайских иероглифов», существует несколько письменных форм иероглифа «Фу»: надписи на костях: ; цзиньвэнь (надпись на бронзе): сяочжуань: и кайшу (уставное написание): .

Иероглиф «Фу» впервые встречается в надписях на костях. Судя по надписям на костях, найденным в

Иньсю, Хэнань, «Фу» – это изображение благочестивого человека, держащего обеими руками кувшин с вином, чтобы чтить богов и молиться за успех всего. Иероглиф «Фу» представляет собой комбинированную идеограмму, состоящую из трех частей: «手» (рука), «酒» (вино) и «示» (знак). Конкретно говоря, в его верхней части левой половины находится часть «酉» (контейнер для вина), которая на самом деле является начальной формой слова «酒» (вино). Его нижней левой части – это две «руки», указывающие на то, что держать «酉» в обеих руках. Правая половина «Фу» – это слово «示», представляющее собой табличку с именем умерших предков. Таким образом, иероглиф «Фу» означает то, что нужно держать бутылку вина в обеих руках и предлагать ее умершим предкам за их благословения.

На основе изучения словарных статей «Китайского словаря» и «Современного китайского словаря», а также подробной интерпретации «Фу» от веб-сайта Китайский словарь мы можем перечислить многочисленные семантические аспекты слова «Фу»:

1. существительное: 1) 富贵寿考, то есть «карьеру, богатство и долголетие». В книге «Шан Шу – Хун Фан» упоминаются полное счастье: долголетие, богатство, спокойствие, добродетель и кончина в преклонные годы. В «Даодэцзин» (классический трактат даосизма, автор Лао-цзы) есть та-

кое известное выражение: в несчастье живет счастье, а в счастье таится несчастье. 2) Мясо и вино для жертвоприношений. В книге «История княжества Цзинь в периоде Чуньцю»: Ли Цзи получила «Фу» (Ли Цзи получила вино и мясо, которые были использованы для жертвоприношения богам). 3) Салют для женщин в старые времена. 4) Слова, использованные в письме для выражения добрых пожеланий старейшинам. 5) Собственное имя, например: 福建 (провинция Фуцзянь); 福州 (город Фучжоу); 福海关 (фуцзяньская таможня) и 福橘 (фуцзяньские мандарины). 6) фамилия 福 (Фу, фамилия).

2. глагол: 1) Попросить у бога благословения и защиту. В книге «Летопись Цзо Цюмина» написано слово «小信未孚, 神弗福也», что значит: У вас мелкая искренность, Бог не благословит вас. 2) «福», то есть «拂». Они одинаковы по произношению, представляют собой приветственный акт: верхняя часть тела слегка наклоняется вперед, а руки перекрываются в правильном направлении, двигаясь вверх и вниз. В одном из четырех китайских шедевров «Сон о Красном тереме» есть такое выражение «福了几福», то есть (она) поклонилась со сложенными руками.

Подводя итог, значение «фу» началось с жертвенных действий предков, которые материализовали категорию «Фу», означающую жертвенное мясо и вино. Затем оно

превратилось в абстрактное понятие благословения, отделенного от материализации, такое полное счастье упомянуто в книге «Шаншу-Хунфань». Позже оно было использовано в качестве глагола для обозначения приветствия для женщин в феодальные времена. Наконец, оно переросло в привычное значение «счастье». Значение слова «Фу» развивается от первоначального материалистического значения до его нынешнего абстрактного значения, связанного с этическими и моральными ценностями, что иллюстрирует влияние традиционного китайского конфуцианства, буддизма и даосизма на народ, а также показывает, что люди больше внимания уделяют духовному изобилию, преследуя при этом интересы материальной жизни.

В китайском языке существует множество китайских пословиц и поговорок, связанных с концептом «счастье», репрезентирующих следующие аспекты счастья:

1) Человек не может решить свою долю, все уже предопределено Небесами («祸福有命，富贵在天 – Счастьем и несчастьем распоряжается судьба, богатство от доли», «万般皆由命，半点不由人 – Судьба определяется Богом и не может быть изменена при рождении»).

2) Китайский народ всегда бывает трудолюбивым народом. Поэтому, как считают китайцы, счастье можно обрести упорным трудом. («桃花要靠东风开，幸福要靠劳动

来 – Цветы персика требует весеннего ветра, как счастье требует трудолюбия», «黄金从矿石中提炼，幸福从艰苦中获得 – Золото добывается из руды, а счастье приобретается в муках»).

3) Среди пяти элементов полного счастья, долголетие занимает первое место. Для китайцев, долголетие является самым большим благом. («人间五福，唯寿为先。 на свете пять видов счастья, а долголетие занимает первое место»).

4) В представлении китайского народа счастье и несчастье диалектически взаимосвязаны. Они основаны друг на друге и могут трансформироваться друг в друга. («祸兮福所倚，福兮祸所伏 – В несчастье живет счастье, а в счастье таится несчастье», «塞翁失马焉知非福。 Не было бы счастья, да несчастье помогло»).

5) Под влиянием диалектической связи между «счастьем» и «несчастьем» в традиционной китайской культуре, китайцы, наслаждаясь счастьем, также осознают скрывающиеся опасности, и при этом имеют сознание кризиса. Люди часто сталкиваются с этими потенциальными кризисами с терпимым отношением. («吃亏是福 – Страдать от потерь – это счастье», «欺人是祸，饶人是福 – Человека обижать – зло, человека прощать – счастье»).

Концепты «счастье» у русского и китайского народов в определенной степени схожи, потому что у них один и тот же жизненный опыт и эмоциональное ощущение. В то же

время, различия в представлениях о счастье двух народов можно объяснить следующими тремя причинами. Во-первых, противоречивость и крайность русского менталитета является основной причиной различных представлений о счастье между русским и китайским народами. Россия расположена на стыке восточной и западной цивилизаций. Ее особое географическое положение приводит к тому, что русская культура развивается под сильным влиянием как восточной, так и западной культур. Долгое время русскому народу было трудно определить свою собственную культуру, что привело к путанице в том, что у его культуры нет чувства сопричастности. Во-вторых, разница в философской и религиозной мысли двух стран также привели к различиям в представлениях о счастье между русским и китайским народами. Под влиянием культа Христа в православии русский народ относится к страданиям с преданностью, которой нет у других народов. Для русских бедность и страдания – не неизбежный выбор в реальной жизни, а внутренняя духовная потребность, возможность приблизиться к Богу для спасения своей души. А на концепт «счастье» в китайской традиционной культуре оказывают влияние конфуцианство, буддизм и даосизм. Конфуцианский взгляд на счастье подчеркивает важность добродетели для счастья. Счастье воплощается в добрых делах, процесс совершенствования личной добродетели – это стремление к счастью.

Даосизм рекомендует вести себя спокойно и ничего не делать, призывает вернуться к природе. Что касается взаимосвязи между желанием, счастьем и моралью, Лао-Цзы защищает отсутствие желания и требует, чтобы люди сводили свои желания к минимуму для приобретения счастья. Буддийский концепт «счастье» подчеркивает спокойствие и гармонию души человека и полагает, что счастье – это душевное спокойствие, состояние вдали от желаний, отсутствия конкуренции, накопления добродетелей и совершения добра.

**Концепт «счастье»
в представлении русской
и китайской молодежи
в эпоху глобализации**

Глобализация – важная черта нынешней эпохи. Сегодня она является всеобщей проблемой современного мира. По мнению президента Китайского этического общества, профессора Вань Цзюньжэнь, «глобализация как общественное движение, прежде всего, является событием современной мировой экономики» [万俊仁, 2001, с. 39]. Однако содержание глобализации не должно пониматься просто как глобальная экономическая интеграция. Потому что глобализация была и остается крупным современным событием, охватывающим политику, экономику и культурные ценности современного человеческого общества. Волна глобализации не только коренным образом меняет процесс экономического развития человека,

но и оказывает огромное влияние на культурную жизнь человека. Следует отметить, что после вступления человеческого общества в XXI век лихорадка «глобализации» в теоретическом мире перешла от экономической глобализации к культурной. Экономическая глобализация неизбежно оказала глубокое воздействие на глобальную культуру и привела к значительным изменениям в культуре всех народов.

В эпоху глобализации культура потребления становится глобальной культурой. Кроме того, более частое международное движение людей, быстрое развитие информационных технологий и размышление человечества над глобальными проблемами укрепляют диалог между национальными культурами. Глобализация, оказывая влияние на культуру, в свою очередь, влияет на восприятие людьми счастья.

Мы поставили себе задачу рассмотреть воздействие глобализации на восприятие молодыми людьми счастья с помощью социологического опроса. Опрос проводился с помощью онлайн-анкеты. Респондентами стали студенты из двух вузов: Юго-Западного университета и Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. В каждой из двух стран было собрано 100 анкет. Анкета состояла из трех частей, включающих 12 вопросов: 7 вопросов с одним вариантом ответа об основных направлениях представлений респондента о счастье, 3 вопроса с множественными

вариантами ответа о рейтинге элементов счастья для молодых людей и 2 открытых вопроса, на которые можно отвечать или нет, предполагающих характеристику причин своего счастья или несчастья.

На вопрос «Считаете ли вы себя счастливыми с точки зрения вашей нынешней жизни?» 61 % российских студентов ответили, что считают себя «довольно-таки счастливым» (53 %) или «очень счастливым» (8 %), в то время как 11 % студентов считают себя «не очень счастливым» и никто не считает себя несчастным. В Китае ситуация примерно такая же, как и в России. 66 % китайских студентов считают себя «довольно-таки счастливым» (48 %) или «очень счастливым» (18 %), тогда как только 7 % считают себя «не очень счастливым» или «несчастливым». Видно, что уровень счастья молодежи в России и Китае в основном аналогичный.

На вопрос «Для вас счастье означает в большей степени материальное благосостояние или духовное удовлетворение?» большинство оценило последний показатель как в России (80 %), так и в Китае (69 %).

По вопросу о том, может ли человек контролировать свое собственное счастье, студенты двух стран в основном придерживаются одинаковых взглядов. Более половины респондентов – 54 % русских и 52 % китайских – считают, что у них есть способность контролировать свое собственное счастье. «Контроль» означает, что респон-

денты мотивированы стремлением к счастью и верят, что у них есть такая возможность. Это свидетельствует о позитивном отношении современной молодежи к счастью. Однако почти половина людей, 44 % в России и 40 % в Китае, думают, что это зависит от ситуации, и все же некоторые думают, что счастье совершенно неконтролируемо. Это показывает отображение влияния традиционного концепта «счастье» (счастье предопределено и неподвластно человеческой воле) на взгляды современной молодежи.

Счастье – это субъективное ощущение человека, но иногда на него влияет и окружающая среда. В отношении к этому вопросу русская молодежь проявляет большую самостоятельность личности. До 80 % российских студентов считают, что на их счастье не влияют чужие оценки, 16 % думают, что это зависит от ситуации, и только 4 % полагают, что на их ощущения счастья влияют окружающие. В Китае же только 48 % студентов могут быть уверены в своем собственном ощущении счастья, 33 % студентов думают, что это зависит от ситуации, и 19 % из них имеют свое чувство счастья под влиянием других. В определенной степени это свидетельствует о том, что китайским

студентам не хватает самостоятельного сознания, а их идеи и мнения легко поддаются влиянию со стороны окружающего мира.

Ответы студентов обеих стран в основном совпадают в их размышлениях о взаимосвязи между счастьем и деньгами. Большинство студентов: 87 % русских и 85 % китайцев, считают, что «деньги и счастье коррелируют только в определенной степени». 8 % русских студентов считают, что «счастье деньгами не измерить», в то время как в Китае эта цифра составляет 5 %. Однако следует отметить, что все еще 5 % россиян и 10 % китайцев считают, что «деньги и счастье напрямую связаны, чем больше богатства, тем сильнее счастье».

После рассмотрения основных представлений о счастье молодых людей в обеих странах, в статье будут проанализированы ответы респондентов на вопрос об основных элементах счастья, представленных в анкете, с целью углубленного понимания и сравнения концепта «счастье» в понимании молодых людей двух стран, а также обобщения характеристик концепта «счастье» у русской и китайской молодежи в эпоху глобализации. Результаты представлены в виде диаграммы.

Как видно из диаграммы 1, в Китае рейтинг десяти факторов выглядит следующим образом: семья (86%), здоровье (86%), любовь (63%), деньги (57%), свобода (52%), друзья (39%), самореализация (37%), спокойствие (16%), работа (14%), всеобщее признание (11%).

В России: семья (75%), здоровье (69%), любовь (69%), самореализация (63%), друзья (52%), свобода (47%), деньги (45%), спокойствие (37%), работа (9%), всеобщее признание (6%).

1) Прежде всего, и в Китае, и в России «семья» считается самым важным фактором счастья, что соответствует нашим повседневным представлениям. Отвечая на вопрос

о причинах счастья, молодежь обеих стран считает, что счастье – это дружная семья: «у меня есть семья»; «дружная семья», «счастливая семья»; это поддержка и понимание со стороны семьи: «семья, которая несмотря на все трудности, проблемы, меня любит и поддерживает», «безоговорочная поддержка и доверие родителей», «любовь от семьи» и др.

2) Фактор «здоровье» занимает также первое место в рейтинге китайской стороны, он был выбран 86% китайских студентов. Российская молодежь также обращает внимание на здоровье, 69% из них выбрали его, этот компонент занимает 2-е место. Кроме того, молодые люди в обеих странах предъяв-

ляют разнообразные и многоуровневые требования в отношении здоровья. В дополнение к своему собственному здоровью они упоминают о здоровье окружающих их людей: «здоровье личное и близких», «здоровые родители», «когда родные люди не болеют», «все здоровы».

3) Фактор «любовь» занимает высокое место в рейтинге как в России, так и в Китае. 63 % китайских студентов и 69 % русских выбрали этот фактор.

4) На представление о счастье молодых людей в обеих странах в большей или меньшей степени влияют материальные условия, но все студенты имеют рациональное отношение к деньгам. Как видно из диаграммы 1, фактор «деньги» занимает 4-е место в Китае и 7-е место в России, его выбирают 57 % китайских и 45 % русских студентов. Это согласуется с данными, собранными в данном опросе, что деньги и счастье коррелируют только в определенной степени и большинство молодежи придает большее значение духовному удовлетворению. Более того, описывая причины счастья, респонденты лишь подчеркивают, что у них есть определенная сумма денег, чтобы обеспечить свою жизнь, и почти никто не упоминал такие слова, как «много денег»: «могу спокойно жить на определенную сумму денег и мне всего хватает», «относительно стабильная финансовая часть», «экономически независимый».

5) Молодежь и в России, и в Китае ценит свободу. Фактор «свобода» был выбран 52 % китайских и 47 % российских студентов, заняв 5-е и 6-е места. Свобода понимается как свободное время: «когда есть свободное время, чтобы отдохнуть», «когда я делаю то, что мне нравится» и психическая свобода: «делать свой собственный выбор и не поддаваться влиянию других», «нравственная свобода» и «не подавлять свои эмоции и мысли и выражать их достоверно».

6) По сравнению с китайской, русская молодежь уделяет больше внимания элементу «друзья». 52 % русских и 39 % китайских студентов выбрали фактор «друзья». Среди причин счастья, связанных с фактором «друзья», слова «забота» и «помощь» часто ассоциируются с китайскими студентами. С российской стороны счастье ассоциируется со словами «поддержка», «доверие» и «понимание»: «поддержка друзей-единомышленников», «верные друзья», «уверенность в окружающих меня людях».

7) Русская молодежь высоко ценит фактор «самореализация». Этот фактор занимает 4-е место в рейтинге элементов счастья в России, ее выбирают 69 % респондентов. В Китае, напротив, она занимает 7-е место, и только 37 % студентов выбрали ее. Кроме того, 19 из 42 российских студентов, ответивших на вопрос причины счастья, упомянули фактор «самореализация»: «умение себя реализовать», «само-

развитие», «я самореализуюсь». Они считают, что счастье – это постановка целей и их достижение: «наличие планов на жизнь», «наличие чёткой цели, успехи в её достижении» и умение быть самостоятельным: «могу ходить и обслуживать себя сама», «независимость от обстоятельств». Напротив, только 2 из 24 человек, ответивших из Китая, упомянули этот элемент. Об этом можно также судить по формулировке причин несчастья: «отсутствие перспектив в саморазвитии», «неправильно организованное время», «личные неудачи». Однако китайские студенты данные проблемы не называют.

8) Русская молодежь уделяет больше внимания элементу «спокойствие». Фактор «спокойствие» занимает 7 место как в России, так и в Китае. Но в России и Китае этот показатель составляет 37 % и 16 %, соответственно. Русский народ склонен к рефлексии, его характер противоречивый. Поэтому для русской молодежи достижение внутренней гармонии – это счастье: «душевное спокойствие», «духовное равновесие», «душевная гармония», «стабильное эмоциональное состояние». В Китае никто не упоминал о причинах счастья, связанных со спокойствием и душевной гармонией.

9) Фактор «работа» занимает девятое место в рейтинге элементов счастья как в России, так и в Китае. 14 % китайских и 9 % русских студентов выбрали этот фактор. Работа

делает людей счастливыми, но в отличие от китайских студентов, русские молодые люди счастливы не только потому, что у них есть стабильная или хорошо оплачиваемая работа, но и потому, что она интересна и, в ней они могут реализовать свои ценности: «Работа, которая доставляет удовольствие», «возможность использовать свои навыки и способности в трудовой деятельности».

10) На восприятие счастья молодыми людьми более или менее влияют внешние факторы. Доля студентов, выбравших фактор «всеобщее признание», составила 11 % из Китая и 6 % из России. Среди 24 человек, ответивших на вопрос о причинах счастья, три китайских студента четко упомянули признание других, а при ответе на вопрос о причинах несчастья русские студенты ответили: «нужда во всеобщем признании», «непонимание со стороны дорогих мне людей».

Кроме того, китайские студенты в своих ответах на вопросы о причинах счастья также упоминали «надежды на будущее» и «национальную гордость»: «процветающая Родина», «я родилась и живу в Китае, в мирном и стабильном обществе», «я счастлива, потому что я живу в 21 веке». У русских молодых людей более разнообразное понимание счастья. Для них, счастье, это доступ к хорошему образованию: «Есть возможность получить образование, которое хочу», «учеба в любимом университете»,

«Получаю образование»; это хобби: «занятие любимым хобби», «любимое дело», «любимая музыка», «спорт», «у меня есть возможность заниматься моими хобби – танцами и пением»; это хорошая погода, хороший сон, вкусная еда и т. д. Кроме того, в их представлении о счастье есть определенный романтизм: счастье, это «запах влажной земли после дождя» и «цветы».

Из этого можно сделать вывод, что восприятие концепта «счастье» молодежью в Китае и России примерно одинаково, но при этом молодежь обеих стран проявляет свои индивидуальные особенности.

На уровне восприятия содержания счастья российская молодежь видит в счастье свой собственный уникальный опыт. Их больше волнует внутренняя гармония, самореализация и самооценка. Во-первых, российская молодежь склонна отличать себя от других и считать, что счастье – это их субъективные ощущения, собственное уникальное впечатление, не зависящее от других. Во-вторых, спокойствие и гармония – это в целом желанная цель счастья у российской молодежи. Большинство из них рассчитывает на внутреннюю гармонию, гармонию с людьми, окружающими их предметами и всеми аспектами жизни. В-третьих, российская молодежь очень сосредоточена на самореализации и самооценке, и достижение личных целей приводит к сильному ощущению счастья.

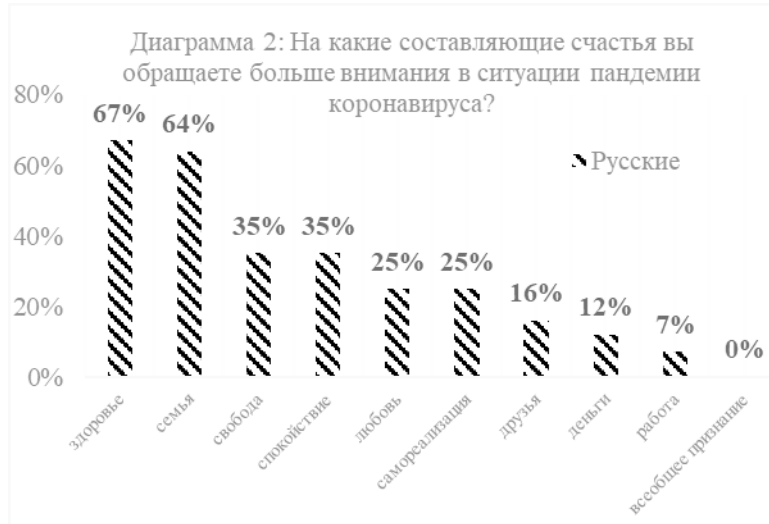
Концепт «счастье» китайской молодежи в основном сосредоточен на личных и семейных сторонах. Большинство из них считает, что «поддержка от семьи», «сопровождение друзей» и «здоровье близких» делают их счастливыми. Кроме того, внешние факторы, такие как признание и оценка других, оказывают важное влияние на впечатление китайской молодежи о счастье. В то же время, некоторые молодые люди также проявляют сильное стремление к материальным вещам. Например, они считают, что иметь пищу, жилье и деньги – это счастье. Лишь немногие из них упоминали такие ценностные слова, как «прогресс» и «самореализация», что отражает некоторую инфантильность китайской молодежи. Наконец, некоторые описали свое счастье на социальном и национальном уровне, что свидетельствует о том, что китайская молодежь имеет в виду более широкие перспективы, когда речь заходит об их личном взгляде на счастье.

**Влияние коронавирусной
эпидемии 2020 года
на восприятие
концепта «счастье» русской
и китайской молодежью**

30 января 2020 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила эпидемию коронавируса чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, которая имеет международное значение [人民网 ...]. Вне-

запная катастрофа, вызванная эпидемией коронавируса, создала серьезную угрозу безопасности и здоровью людей во всем мире и стала суровым испытанием для всего человечества. С начала эпидемии коронавируса всеобщая «физическая изоляция» сильно изменила обучение и жизнь студентов. Это жизненный опыт, которого никогда не было у этого поколения студентов, и, безусловно, он оказал глубокое влияние на их саморазвитие.

На вопрос «Оказала ли эпидемия коронавируса влияние на ваше восприятие концепта «счастье», 55 % российских и 73 % китайских студентов ответили, что эпидемия коронавируса сильно или в определенной степени оказала влияние на их восприятие концепта «счастье», в то время как 45 % российских и 27 % китайских студентов ответили полностью отрицательно.

Диаграммы 2 и 3 представляют собой статистику ответов на вопрос «На какие составляющие счастья вы обращаете больше внимания в ситуации пандемии коронавируса?». В диаграмме факторы перечислены слева направо в соответствии с рейтингом.

Во-первых, молодежь обеих стран уделяет больше внимания фактору «здоровье» под влиянием коронавируса. С одной стороны, пандемия коронавируса представляет большую угрозу здоровью людей. Она как зеркало, показывающее многие вещи, которые мы долгое время игнорировали и о которых мы должны заботиться, – безопасность жизни, физическое и психическое здоровье. Она заставляет людей осознать хрупкость и непостоянство жизни. С другой стороны, эпидемия коронавируса, вызывая стресс и неудобства, также обеспечила тщательное санитарное просвещение населения. Постепен-

но формируется и развивается осведомленность людей о здоровье. В ситуации пандемии коронавируса люди стали осознавать важность физического и психического здоровья. Только со здоровым телом и разумом можно спокойно столкнуться с трудностями.

В причинах счастья, названных русскими студентами есть такие выражения: счастье – это «улучшение иммунной системы в период пандемии»; «Есть некоторые причины, из-за которых можно расстраиваться. Например, у меня не получилось поступить в вуз на бюджет, и поэтому теперь я обучаюсь на платной основе. И за это я себя сильно ругаю. Но, на самом деле, плюсы перекрывают минусы. Самое главное, это моё здоровье и здоровье моих близких. Этому как раз-таки нас научил период пандемии коронавируса».

Во-вторых, молодежь стала больше ориентироваться на семью.

В условиях все более стремительной жизни XXI века молодежь либо учится, либо трудится вдали от дома. Даже во время каникул некоторые студенты также ищут стажировки, чтобы повысить свой профессиональный уровень, поэтому быть со своей семьей и наслаждаться счастливым семейным временем становится для многих недостижимой роскошью. Однако эта неожиданная эпидемия дала многим людям возможность провести время с семьей. Для большинства молодых людей именно их близкие прошли с ними это тяжелое время. В ситуации пандемии коронавируса, чувство семейного единства, которого раньше не хватало из-за напряженной жизни, было восполнено.

В-третьих, молодежь в обеих странах больше ценит значение спокойствия для счастья. Сегодняшняя молодежь находится под большим жизненным прессингом. Молодые люди заняты учебой, общением и самосовершенствованием. Некоторые из них просто выглядят занятыми чем-то целый день, на самом деле они не знают, что им нужно и чего добиться. Они заставляют себя быть занятыми для того, чтобы заполнить пустоту и снизить тревогу внутри себя, и в результате этого чем более заняты они становятся, тем больше они устают, теряя себя в хлопотах и суете. Когда они спокойно смотрят на окружающий мир, то понимают, что многое, что ценилось раньше,

теперь потеряло смысл, например, чрезмерное социальное взаимодействие. Они поняли, что внутренний комфорт и душевное спокойствие делают их счастливее.

В-четвертых, китайская молодежь больше внимания уделяет денежному фактору, а российская молодежь – нет. С китайской стороны, фактор «деньги» занимает третье место среди всех факторов, уступая только здоровью и семье. Это объясняется китайской традиционной культурой и нынешним особым социальным контекстом. У китайцев есть традиционная концепция, близкая русской поговорке «готовь сани летом, а телегу зимой». Китайцы привыкли соблюдать меры предосторожности и заранее составлять план. При пандемии коронавируса экономический спад, увольнения в компаниях, рост безработицы и неуверенность в будущих доходах вызывают тревогу у молодежи. В результате они начали сокращать расходы и копить деньги, чтобы удовлетворить будущий спрос на деньги. На данный момент «деньги» в какой-то степени представляют чувство безопасности и являются своего рода гарантом счастья.

Заключение

Таким образом, рассмотрев ценностную составляющую концепта «счастье» в русской и китайской лингвокультурах, проанализировав данные опроса, можно сделать следующие выводы: 1) Общими моментами традиционного русского и

китайского взглядов на счастье являются следующие: счастье предопределенно и неподвластно человеческой воле; ценность счастья не может быть измерена деньгами; счастье может зарабатываться трудом; существуют диалектические отношения между счастьем и несчастьем. В то же время различия состоят в том, что в общем отношении к счастью россияне более оптимистичны; русские больше ценят ум для обретения счастья, а китайцы – добродетель. Причинами различий в представлениях о счастье между русским и китайским народами являются противоречивость и крайность русского менталитета, различия в природных условиях и разница в философской и религиозной мысли двух стран.

2) Взгляды на счастье молодых людей Китая и России в определенной степени совпадают. Это проявляется в следующем: уровень счастья молодежи двух стран в основном аналогичный; большинство молодежи обеих стран ценит духовное удовлетворение больше, чем материальное благосостояние; студенты двух стран в основном придерживаются одной и той же точки зрения: человек может контролировать свое собственное счастье; на представление о счастье молодых людей в обеих странах в большей или меньшей степени влияют материальные условия, но все молодые люди имеют рациональное отношение к деньгам; в рейтинге факторов счастья в первую тройку вошли

«семья», «здоровье» и «любовь»; молодежь и в России, и в Китае ценит свободу. 3) В представлении о счастье молодежи двух стран проявляются их индивидуальные особенности. Концепт «счастье» китайской молодежи в основном сосредоточен на личной и семейной сторонах и более восприимчив к внешним оценкам. Некоторые молодые люди также проявляют сильное стремление к материальным ценностям. Российская же молодежь видит в счастье свой собственный уникальный опыт, ее больше волнуют внутренняя гармония, самореализация и самооценка. 4) Большинство молодежи двух стран считают, что эпидемия коронавируса оказала влияние на их восприятие счастья. Они уделяют больше внимания факторам «здоровье», «семья» и «спокойствие». Это объясняется тем, что, хотя эпидемия коронавируса принесла людям неприятности, она также дала людям возможность остановиться в бешеной гонке повседневной суеты и получить больше времени для того, чтобы сосредоточиться на том, чем раньше пренебрегали – здоровье, семья и душевное спокойствие. Кроме того, китайская молодежь также проявляет тенденцию уделять больше внимания «денежному» фактору.

Таким образом, под влиянием глобализации и эпидемии коронавируса, в российской и китайской молодежной среде сформировалось

многозначное восприятие счастья, отличающееся как приоритетом духовных ценностей, так и пассивным потребительским утилитаризмом, что породило разнообразие моделей достижения счастья молодыми людьми России и Китая.

Библиографический список

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. 2-е изд., исп. и значительно умноженное по рукописи автора. Санкт-Петербург. Москва : М. О. Вольф, 1880–1882. 779 с.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. Москва : Наука, 1980. 607 с.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Москва : Наука, 1977. 496 с.

Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. Москва : Гнозис, 2004. 236 с.

汉语大字典 (第 2 版). 四川出版集团, 湖北长江出版集团, 四川辞书出版社, 崇文书局, 2010.

路遥. 平凡的世界. 北京: 人民文学出版社, 2004.

尚书·洪范-百度百科.

万俊人. 经济全球化与文化多元论. 中国社会科学, 2001(02):38-48+205.

现代汉语词典 (第 7 版). 北京: 商务印书馆, 2016.

福的解释. URL: <https://www.zdic.net/hans/%E7%A6%8F>. (Дата обращения: 09.06.2021).

世界卫生组织发布新型冠状病毒感染的肺炎疫情为国际关注的突发公共卫生事件. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1657200565646774290&wfr= spider&for=pc>. (Дата обращения: 09.06.2021).

Reference list

Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka = Explanatory dictionary of the spoken Great Russian language: V 4-h t. 2-e izd., isp. i znachitel'no umnozhennoe po rukopisi avtora. Sankt-Peterburg. Moskva : M. O. Vol'f, 1880–1882. 779 s.

Rybakov B. A. Jazychestvo drevnih slavjan = Paganism of ancient Slavs. Moskva : Nauka, 1980. 607 s.

Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem v 30-ti tomah = Complete collection of works and letters in 30 volumes. Moskva : Nauka, 1977. 496 s.

Vorkachev S. G. Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept = Happiness as a linguistic-cultural concept. Moskva : Gnozis, 2004. 236 s.

汉语大字典 (第 2 版). 四川出版集团, 湖北长江出版集团, 四川辞书出版社, 崇文书局, 2010.

路遥. 平凡的世界. 北京: 人民文学出版社, 2004.

尚书·洪范-百度百科.

万俊人. 经济全球化与文化多元论. 中国社会科学, 2001(02):38-48+205.

现代汉语词典 (第 7 版). 北京: 商务印书馆, 2016.

福的解释. URL: <https://www.zdic.net/hans/%E7%A6%8F>. (Data obrashhenijaja: 09.06.2021).

世界卫生组织发布新型冠状病毒感染的肺炎疫情为国际关注的突发公共卫生事件 . URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1657200565646774290&wfr=spider&for=pc>. (Data obrashhenijaja: 09.06.2021).

Статья поступила в редакцию 06.10.2021; одобрена после рецензирования 29.10.2021; принята к публикации 23.11.2021.

The article was submitted on 06.10.2021; approved after reviewing 29.10.2021; accepted for publication on 23.11.2021

Научная статья

УДК 811.581.11

doi: 10.20323/2658-7866-2021-4-10-52-67

**Сопоставительный анализ речевого этикета
в современном русском и китайском языках**

Ляньцэнь Ван

Кандидат педагогических наук, доцент Юго-Западного университета
г. Чунцин. 400715, КНР, г. Чунцин, район Бейбей, ул. Тяньшэн, д. 2.
wangliancen@126.com, <https://orcid.org/0000-0002-4831-4469>

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу речевого этикета в современном русском и китайском языках, отмечается, что важной особенностью речевого этикета является отражение в нем особенностей культуры народа и национальной специфики речевого поведения, речевой этикет включает в себя коммуникативно значимые смыслы: социальный, интернациональный, эмоционально-оценочный, и выявление этих смыслов и понимание невозможно без учета национальной специфики правил этикетного репертуара. В статье подробно рассматриваются формулы речевого этикета, связанные с ситуациями обращения, благодарности, извинения и просьбы в русском и китайском языках, анализируется система терминов родства в китайском языке, более детализированная по сравнению с русским языком, приводятся результаты анализа специфики употребления в речевых формулах имен собственных, рассматривается выбор лексических средств оформления обращения, просьбы и благодарности в зависимости от характеристик коммуникативной ситуации (отношения между адресантом и адресатом, обстановка общения, способ общения, цель общения, тональность общения и др.), приводятся примеры различных речевых сценариев в китайской коммуникации, анализируется тенденция эвфемизации речи в китайских этикетных формулах и делается вывод, что сопоставительный анализ речевого этикета в современном русском и китайском языках способствует повышению культурного осознания в использовании языка и пониманию того, что особенности речевого взаимодействия коммуникантов требуют внимания не только к собственно языковым структурам, но и к специфике речевого поведения и связанной с этим прагматике общения.

Ключевые слова: речевой этикет, культура общения, коммуникация, речевое поведение, речевой сценарий, речевые формулы, имена собственные

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) Юго-Западного университета КНР при Министерстве образования Китайской Народной Республики

Для цитирования: Ван Ляньцэнь Сопоставительный анализ речевого этикета в современном русском и китайском языках // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 4 (10). С. 52-67. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2021-4-10-52-67>

Original article

Comparative analysis of speech etiquette in modern Russian and Chinese

Liancen Wang

Candidate of pedagogical sciences, associate professor, Southwest University, China. 400715, PRC, Chongqing, Beibei District, Tiansheng road., 2. wangliancen@126.com, <https://orcid.org/0000-0002-4831-4469>

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of speech etiquette in the modern Russian and Chinese languages; it is noted that an important feature of speech etiquette is a reflection of the national culture and national specifics of speech behavior. Speech etiquette includes communicatively significant meanings: social, international, emotional and evaluative, and identifying and understanding these meanings is impossible without taking into account the national specifics of etiquette rules. The article examines in detail the formulas of speech etiquette related to the situations of address, gratitude, apology and request in Russian and Chinese, analyzes the system of kinship terms in Chinese, which is more detailed compared to the Russian language, provides the results of analyzing the use of proper names in speech formulas. The article considers the choice of lexical means in address, request and gratitude, depending on the characteristics of the communicative situation (the relationship between the addressee and the addressant, the communicative situation, the method and purpose of communication, the tone of communication, etc.). The author gives examples of various speech scenarios in Chinese communication, analyzes the tendency to euphemizing speech in Chinese etiquette formulas, and concludes that a comparative analysis of speech etiquette in modern Russian and Chinese helps to increase cultural awareness in the use of language and understanding that the peculiarities of speech interaction of the communicants require attention not only to the linguistic structures themselves, but also to the specifics of speech behavior and the associated pragmatics of communication.

Keywords: speech etiquette, communication culture, communication, speech behavior, speech scenario, speech formulas, proper names

The article was written within the framework of the activities of the Center for the Study of Russian-Speaking Countries of the Southwestern University at the Institution of Education of the China

For citation: Wang Liancen Comparative analysis of speech etiquette in modern Russian and Chinese. *World of Russian-speaking countries*. 2021; 4(10):52-67. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2021-4-10-52-67>

Речевой этикет обладает рядом различных народов. К универсаль-
универсальных черт, общих для ным чертам речевого этикета раз-

ных стран можно отнести прежде всего сами принципы этикетного общения, лежащие в основе конкретного национального речевого этикета: сдержанность, вежливость, использование стандартных речевых формул в стандартных ситуациях общения, позитивное отношение к собеседнику.

В понимании речевого этикета мы придерживаемся версии Н. И. Формановской: «речевой этикет – социально заданные и национально специфичные регулирующие правила речевого поведения в ситуациях установления, поддержания и размыкания контакта коммуникантов в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке общения» [Формановская, 2002, с. 177].

Важной особенностью речевого этикета является отражение в нем особенностей культуры народа и национальной специфики речевого поведения. Речевой этикет включает в себя коммуникативно значимые смыслы: социальный, интернациональный, эмоционально-оценочный. Выявление этих смыслов и понимание невозможно без учета национальной специфики правил этикетного репертуара. Знание речевого этикета и умение грамотно, точно, уместно употреблять этикетные единицы в речи являются необходимыми составляющими коммуникативной компетенции, формируемой при обучении иностранным языкам.

Культура общения основана на соблюдении определенных конвенций, норм, правил, ритуалов, которые вырабатывались человечеством на протяжении тысячелетий. И нарушения социокультурных норм могут стать причиной конфликтных ситуаций, неудач и провалов в межличностном общении. Так, в данной статье мы предлагаем сопоставительный анализ формул речевого этикета: «обращение», «благодарность», «извинение» и «просьба» в русском и китайском языках.

Во всех этнических группах существуют богатые выражения обращения. Обращение является важным компонентом коммуникации, поскольку в зависимости от ситуации может определять ее успешность, а может и явиться причиной коммуникативной неудачи. По словам Н. И. Формановской, «в коммуникативных процессах обращение – одна из частотных единиц общения, а именно адресации, несущая важнейшую контактоустанавливающую функцию» [Формановская, 2000, с. 83].

Хотя обращение в русском и китайском языках различается, но все же имеет много общего. Во-первых, выбор лексических средств оформления обращения в зависимости от характеристик коммуникативной ситуации: отношения между адресантом и адресатом: гендерные, возрастные, родственные, социальные, служебные (старший, равный, младший по возрасту и / или социальному положению; свой, чужой;

знакомый, незнакомый) и др.; обстановка общения: официальная, неофициальная; способ общения: контактный, дистантный; цель общения: привлечение внимания, поддержание речевого контакта, выражение отношения к собеседнику, намерение в дальнейшем обратиться с просьбой, извинением и др.; тональность общения: уважительная, учтивая, почтительная, шутивная, официальная, просительная, покровительственная и др. [Балакай, 2005].

Во-вторых, для выражения уважения и в русском, и в китайском языке употребляется «ВЫ», также употребляется наименование родства, такое как «дядя», «тётя», «бабушка», «дедушка» зачастую не по отношению к родственнику, что является проявлением теплого отношения и уважения.

Кроме того, в официальной и торжественной обстановке обычно употребляется полное имя – в России это имя, отчество и фамилия, в Китае фамилия и имя.

Культура Китая относится к восточному типу и, поэтому специфична относительно культуры российской. В Китае этикету и соблюдению обычаев придается огромное значение. Как известно, история Китая – это история патриархального государства и естественно, что в сфере общественной жизни в центр внимания ставятся родственные связи, основанные на кровном родстве близких и дальних родственников трех поколений. Нужно

отметить, что кровные родственники подразделялись на прямые и боковые. Чэнь Сунцэнь отмечает, что в словаре Эрья (尔雅) был раздел толкования родства, который посвящен подробной классификации терминов родства. Первоначально они делились на четыре категории: отцовская группа, материнская группа, группа жены, группа брака. Поэтому термины родства в китайском языке намного богаче, чем в русском. В китайском языке «бабушка» (奶奶 найнай) включает в себя «мать отца» и «мать матери» (外祖母 вайцзум, 外婆 вайпо, 姥姥 лаолао), слово «дедушка» (爷爷 ее) может быть «отец отца» и «отец матери» (外祖父 вайцзуфу, 外公 вайгун, 姥爷 лаое), также «дядя» (姑姑 гугу) : «брат отца» и «брат матери» (舅舅 цзюцзю), «тётя»: «сестра отца» и «сестра матери» (姨 и), «племянник»: «сын брата» и «сын сестры» (外甥 вайшэн), «внук»: «сын сына» и «сын дочери» (外孙 вайсунь), «двоюродный брат» и «сын сестры или брата матери» (бяо гэ(ди)). При этом в термин родства включается и указание на возраст: дядя – брат отца включает в себя варианты старший брат отца (伯父 бофу) и младший брат отца (叔父 шуфу), в китайском языке существует старшая дочь брата отца (堂姐 танцзе) и младшая дочь брата отца (堂妹 танмэй), старшая дочь сестры или брата матери (表姐 бяоцзе) и младшая дочь брата или

сестры матери (表妹 бяомэй). Китайские термины родства дают указание на пол, линию отца и матери, а также на старшинство (младшинство).

В Китае широко употребляется обращение по степени старшинства, например, 大哥 дагэ – старший брат, 二哥 эргэ – второй старший брат, а в России принято обращение одного поколения по имени, например, Аня, Варя, Саша, а не старший брат, старшая сестра.

Особо следует отметить личные имена, которое является основным компонентом обращения в общении. Имя собственное любой нации содержит богатые культурные коннотации. Выступающие в роли обращения личные имена собственные представляют сложную и разветвленную систему в русском языке, в отличие от других языков мира. В русском языке существует разветвленная система образования имен собственных, которая включает упрощение, эмотивное словообразование и стилизованную мутацию, например: Сергей, Сережа, Сережка, Сереженька, Серж, Ежик; образуются производные от имени, фамилии, или отчества: Александрович – Саныч, Иванович – Ваныч. В ситуации близких, дружеских отношений существуют юмористические производные от имен, отчество, фамилий: Степанович – Степаныч – Стаканыч (из к/ф «Парад планет»). Словообразовательные возможности и традиции русского языка способствуют активно-

му словотворчеству, что порождает многообразие разнообразных форм обращений, которые выражают тонкие оттенки в отношениях между собеседниками, в эмоциональном состоянии говорящего, его индивидуальности.

В России личное имя состоит из трех частей: имя, отчество и фамилия. В качестве обращения к хорошо знакомым, близким людям независимо от возраста, если общаются разные между собой люди, чаще всего используют собственные имена: Маргарита, Рита, Эдуард, Саша и др. Обращение по имени и отчеству – наиболее распространенная форма вежливости русского речевого этикета в общении знакомых или малознакомых, независимо от их возраста (кроме детей) и социального статуса.

В Китае личное имя состоит из двух частей: фамилия и имя. В Китае в качестве обращения только имя используют в общении между близкими или хорошо знакомыми. Согласно китайской грамматике, сначала всегда идет фамилия, дальше имя, например, Мао Цзэдун, Дэн Сяопин. В славянской и западноевропейской формулах имя личное (и патронимическое) предшествует фамильному: Лев Николаевич Толстой, George Bush. Противоположный порядок имени и фамилии является ярким примером культурных различий западных и восточных стран.

Как известно, фамилия является родовым именем собственным. Для

любого рода фамилия является групповым признаком всех членов данного рода, то есть общности, а имя является собственно названием каждого члена рода, оно индивидуально. И порядок имён, и фамилии отражают разные отношения общности и индивидуальности в китайской и русской культурах. Китайцы считают, что фамилия обозначает отношение родственных связей внутри родов, кланов и племени. Китайская традиционная культура подчёркивает важность общности, потому что в атмосфере нетрадиционной культуры фамилия, обозначающая род и семейство, должна находиться в самом начале, имя, обозначающее личность и индивидуальность, должно располагаться после фамилии [Хуэй Ян, 2017, с. 137].

В культуре Запада, напротив, акцентируют внимание на самооценности человеческой личности, индивидуальном характере, на уважении индивидуальности, самостоятельности личности человека и сознания субъекта, поэтому в сочетании имени и фамилии имя, выражающее концепцию (идею) личности, обычно предшествует фамилии, которая обозначает идею общности. Это одно из проявлений различий в культурах Востока и Запада.

В Китае еще распространена следующая модель обращения: приставка (小 сяо, 老 лао) + фамилия: 老王 лао Ван (старший Ван), сяо Ван (младший Ван) или только фамилия, если фамилия адресата состоит из двух иероглифов,

например, 欧阳 о ян 诸葛 чжу гэ, 司马 ш ма. Как обращение слово «лао» употребляется по отношению к старшим людям в сфере обслуживания, на предприятиях, среди рабочих или хороши знакомых. Следует уточнить, что использование данного обращения не так тесно связано с реальным возрастом собеседников. «Когда встречаются друзья детства после определенного временного перерыва, то они обращаются друг к другу, используя эту модель: лао + фамилия, что свидетельствует об их тесных, приятельских отношениях» [Ли Цианхуа, 2013, с. 231]. Если человек чрезвычайно уважаем и ему за 70 лет, то, чтобы подчеркнуть его большую важность и величие, слово «老 лао» идёт после фамилии, например: Лю лао. Эта формула используется и при обращении к нему, и при разговоре о нём с другими людьми. В китайском языке иероглиф 老 лао – особенное слово, по китайской традиции слово «лао» связано с мудростью и опытом, соответственно и с уважением к старшему, и в качестве обращения употребляется «лао» в значении «уважаемый, почтенный». В России же, напротив, обращение к людям с использованием слов с семантикой старости считается невежливым.

В качестве обращения могут использоваться обозначения по социальному признаку, по профессии или должности, но наименование должности младшего персонала

большой частью не употребляется. В целом существует три варианта обращения по должности: профессор, адвокат, инженер при обращении перед должностью указывается фамилия: профессор Ли, инженер Ван. В китайском языке слово «инженер» будет звучит как «гун чэн ши», вместо полной формы Ван гун чэн ши, употребляется его краткая форма Ван Гун. Студенты в обращении к преподавателям вообще не указывают их ученые степени, а обращаются к преподавателям, прибегая к распространенной модели обращения: фамилия + учитель (лао ши). В медицинских учреждениях распространены следующие модели: при обращении к врачу: фамилия + доктор / врач (тай фу, и шэн); при обращении к среднему медицинскому персоналу: фамилия + медсестра (ху ши). Обозначение среднего медицинского персонала «ху ши» относится как к медсестрам, так и к медбратьям. В юридической сфере приняты следующие модели обращений: фамилия + адвокат (люю ши), фамилия + прокурор (дие ча гуань), фамилия + судья (фа гуань) или без фамилии: господин + наименование профессионального занятия (прокурор, судья). Существует еще три варианта обращения по должности в сфере экономики: бухгалтер (会计 квай ти), генеральный директор по-китайски цзун-цзин-ли 总经理, председатель совета директоров (ПСД) (ПСД по-китайски дун-ши-чжан 董事长). При обращении ча-

сто употребляется их краткая форма: Ван Дун, Ли Цзун, то есть остаётся только один слог из трёх.

В Китае к таксистам, парикмахерам, ремонтникам и т. п. обычно обращаются с использованием слова 师傅 ‘мастер’ (шифу), а в России так не принято. В качестве обращения в китайском языке может быть использована и частица: (hei) «хай», (ei) «эй», (wei) «вэй». Сфера употребления данной модели обращения – просторечие. Большой частью частицы-обращения используются среди не столь образованных людей.

Существуют формулы обращения, у которых нет эквивалентов в других культурах, это такие варианты в китайском языке, как 美女 красивая девушка (мэй ню), 帅哥 красивый парень (шуай гэ), в последнее время появилось обращение 亲(цин) в значение милый, лао (сяо) + фамилия, в русском языке: товарищ, гражданин, гражданка + имя и отчество.

По мнению исследователей, одной из характерных специфических форм китайского обращения является нулевое обращение. Общение без обращения обосновывается тем, что китайцы часто не могут найти подходящего обращения, соответствующего ситуации, и тогда вообще не употребляют такового. Иначе говоря, детализация, многообразие обращений и сложность отношений людей затрудняют даже самих китайцев в выборе подходящего обращения.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: обращение обладает универсальными чертами, общими для языковых культур различных народов. Эта универсальность заключается в том, что обращение характеризуется обязательной адресованностью, направленностью к собеседнику. Само же конкретное речевое воплощение обращения в каждой отдельной лингвокультурной общности имеет свою специфику, свое конкретное речевое выражение.

Следующая этикетная форма – благодарность. В русском и китайском языках благодарность характеризуется общим социолингвистическим компонентом – это нормативная этикетная речеповеденческая тактика, выражающая чувство признательности, желание воздать кому-то за одолжение, услугу [Даль 2002]. Играя важную роль в поддержании отношений между собеседниками, благодарность как речевой акт, будучи универсальной формой, однако имеет присущую именно ей культурную специфику.

В русском языке благодарственные реплики не так разнообразны: «спасибо», «большое спасибо», «огромное спасибо», «у меня нет слов для благодарности» «я вам(тебе) очень(крайне) признателен(а)», я вам(тебе) так благодарен(а)» и некоторые другие. Выражения со словами «разрешите», «позвольте» имеют оттенок официальности: *Разрешите вас поблагодарить (за...)*. *Позвольте*

поблагодарить вас (за...). *Позвольте выразить вам благодарность.*

В русском языке существуют некоторые выражения благодарности, имеющие эмоциональную окраску, например: *Как я вам благодарен! Я вам так благодарен! Вы не представляете, как я вам благодарен! Вы не знаете, как я вам благодарен! Вы не можете себе представить, как я вам благодарен! Если бы вы знали, как я вам благодарен! Тысяча благодарностей!*

В русском речевом этикете формулы благодарности используются нередко как формальные показатели вежливости, функция которых – не благодарность, а проявление внимания. Их основное прагматическое назначение заключается в поддержании отношений гармонии между собеседниками. Слова «спасибо» и «благодарю» в таких ситуациях оказываются частично семантически опустошенными, в китайской коммуникации формула благодарности такой функции не имеет.

Известно, что русские благодарят реже, чем англичане [Сергеева 2009], но в целом чаще, чем китайцы. Китайцы не благодарят за незначительные услуги, обычно не благодарят родных и близких друзей. Благодарность за незначительную услугу у русских – правило вежливого общения. В китайской культуре оказание помощи и проявление заботы считается настолько естественным для людей, связанных близкими отношениями, осо-

бенно родственников, что в таких ситуациях не принято благодарить, иначе вас будут воспринимать как чужих. В Китае, как правило, считают, что «спасибо» нарушает личное пространство, создает излишние, ненужные формальности и, в целом, отдаляет людей. «Хорошие друзья – почти что часть тебя. Зачем же благодарить самого себя? В этом нет никакого смысла», – так считают китайцы.

Угощение, подарок, повышенное внимание в русском общении могут дополнить благодарность, но не могут полностью заменить ее словесное выражение, как у китайцев. В ресторане и магазине люди не благодарят по обязанности, формально. Китайцы исходят из того, что имплицитная благодарность может быть не менее важной, чем прямая, выраженная словами.

В Китае не принято благодарить за комплимент. Китайцы не говорят: «спасибо за комплимент». Когда им воздают хвалу, они употребляют стереотипные выражения, минимизирующие их достоинства: *na li na li* (куда уж мне!), *guo jiang le* (преувеличивайте, не стоит, я не заслужил вашей похвалы, буквально: Вы перехвалили меня, вы дали мне слишком высокую оценку), *wo hai cha de yuan ni* (до этого мне еще далеко, я еще не добился успеха). Для китайской вежливости специфичен максимум самоуничижения: говорящий, употребляя так называемые «слова с оттенком скромности», применяет стратегию само-

уничижения, увеличивает дистанцию между собой и адресатом, то есть использует стратегию дистанцирования, отдаления.

В целом русские выражают благодарность более кратко и сдержанно, чем китайцы. Китайские коммуниканты в ситуациях, требующих, в соответствии с китайскими нормами вежливости, благодарности за полученное добро, являются более многословными, чем русские. Китайцы реже ограничиваются одной репликой, в которой подчеркиваются достоинства партнера или дается экспликация выгоды, полученной говорящим. Приведем пример: если друг починил вашу машину, то можно ответить так: *shi zai tai xie xie ni le. Xingkuai you ni .ni ke shi bang le wo da mang le yao bus hi ni wo ke zhi dao zen me ban le!* (Большое, искреннее спасибо тебе. Хорошо, что ты есть. Ты оказал мне большую помощь. Что бы я без тебя делал!)

При выражении благодарности русские нередко не сдерживают своих чувств. Китайцы, напротив, избегают прямолинейности и не обнаруживают своих эмоций, они обычно предпочитают не высказывать прямо благодарность и чаще используют косвенные благодарности. Например, ваш друг дарит вам подарки. Типичная реакция китайца: *zhen shi rang ni fei xin le / rang ni po fei le /ni kan ni hua zhe ge qian gan shen mo /yi hou ke bu neng le* (Я заставил тебя беспокоиться. Я разорил тебя на подарки. Ну что ты,

зачем надо было так тратиться? В будущем не надо).

У русских чаще всего роль косвенной благодарности выполняют похвалы, комплименты и пожелания. Китайцы чаще, чем русские, используют сочетания прямой и косвенной благодарности. Это позволяет подчеркнуть степень благодарности и показать свое уважение к адресату. Косвенная благодарность может быть проявлением заботы об адресате или предложением «рассчитаться» за оказанную услугу. Например, возможна такая благодарность мужа жене: *Этот ужин был очень вкусный. Ты устала, тяжело трудилась. Все эти 15 лет ты готовила еду мне и детям каждый день. Я очень рад, что ты моя жена.*

Характерны для китайской коммуникации сценарии дарения. В этой ситуации, в соответствии с традицией, необходимо вначале отказаться от дара и согласиться далее принять его лишь в том случае, если даритель проявляет настойчивость. Возникает такая последовательность: предложение взять подарок – отказ от него – уговаривание – согласие принять дар + благодарность. Например, мать и дочь. *Это вам рубашка. – Зачем тратишь деньги, это, наверное, дорогая вещь, мне не нужно. – Не дорогая. Примите, мама. – Ну, спасибо, в этот раз я приму, но не надо в будущем.*

Другая очень характерная для китайской коммуникации схема диалога создается сочетанием извинения и

благодарности. Например, в общении друзей: *Когда я была в России, я вспомнила, что ты коллекционируешь марки, и купила тебе этот альбом. – Извини, что я заставил тебя заботиться обо мне. Очень благодарен. – Ничего, я заодно купила. Еще пример диалога врача и жены больного: – Не беспокойтесь. Операция прошла очень хорошо, больной уже избежал опасности. – Извините, что он причинил Вам неприятности. От души благодарю вас. – Ничего, это мой долг.*

Можно обратить внимание на то, что основная китайская единица, маркирующая благодарность – хе, имеет также значение «признавать ошибки», приносить извинения, что дает основания считать, что семантически китайская благодарность тесно связана с идеей признания вины.

Речевой акт извинения, исследуемый с позиций прагматики, содержит в себе интенцию извинения, признание собственной вины, способ изменить негативную оценку своей личности и реализует намерение оправдания.

Извинение – это выражение сожаления за то, что вы сделали что-то не так, а также жест, требующий прощения. Извинение крайне необходимо, чтобы наладить отношения с человеком, которому вы причинили боль.

Извинение в русском языке этимологически связано со словом «вина». Слово «вина» заимствовано из старославянского языка. Суще-

ствуют определенные формы речевого этикета – принятые в обществе способы извинения, которыми пользуются воспитанные люди, вынужденные извиняться не один раз в день, и вовсе не потому, что они постоянно виноваты.

Когда нужно извиниться за небольшой проступок без объяснения очевидных причин (толкнул кого-то, не пропустил вперед), употребляются фразы: *Извини(те)*; *Прости(те)*; *Виноват(а)*; Просьбу о прощении полезно сочетать со словом «пожалуйста». Например: *Пожалуйста, извини(те)!*; *Прости(те), пожалуйста!*

Если приходится просить прощения за более серьезную провинность, полезно добавить местоимение «меня». *Извини(те) меня, пожалуйста!*; *Извините меня, пожалуйста, за опоздание*; *Простите меня за то, что отвлекаю вас от работы.*

В современном речевом этикете нередко употребляются стилистически маркированные формы извинения. Например: *Простите мою ошибку!*; *Я виновата в том, что не выполнила задание в указанный срок*; *Прошу меня простить за разбитый бокал*; *Разрешите извиниться перед вами*; *Позволь принести тебе свои извинения*; *Мне хотелось бы попросить у вас прощения*; *Я хочу извиниться перед тобой*; *Я должна извиниться перед вами*; *Я не могу не попросить прощения за свои слова*; *Не могу не извиниться перед вами.* В случае

необходимости можно добавить эмоции: *Если можете, простите меня, пожалуйста! Обещаю, это больше не повторится!*

В официальной обстановке уместны обороты: *Примите мои извинения!*; *Приношу свои глубокие извинения!* Тем не менее в официально-деловых отношениях возникают ситуации, связанные с непониманием какого-либо дела, недоразумения из-за каких-либо обстоятельств и т. п. Для того чтобы избежать развития конфликта, используются речевые формулы извинения, которые могут усиливаться объяснением причины сложившейся ситуации: *Прошу извинения за случившееся...*; *Простите, пожалуйста. Это недоразумение. Мы во всем разберемся*; *Я хотел бы извиниться перед вами. Действительно, приносим свои извинения за...*; *Простите, пожалуйста, я был неправ (я ошибался)*; *Не могу не извиниться. Эта путаница возникла из-за...*

В ряде случаев формулы извинения носят менее официальный характер: *Не сердитесь, пожалуйста*; *Извините, ради Бога*; *Я к вам с повинной*; *Мне неловко (неудобно) из-за...*

В строго официальной обстановке общения используются стилистически возвышенные (торжественные) способы извинения: *Я (мы) сожалею (сожалеем) о случившемся... Уверяем, что такого больше не повторится*; *Примите наши извинения*; *Приносим вам извинения.*

Просим понять нас в этой ситуации; От лица (от имени) нашей организации приносим глубочайшие извинения.

Извинение в этикетных ситуациях чаще всего не связано с каким-то неправильным действием, поступком, а является вежливой формой оправдания необходимости обращения к кому-либо: *Извините, можно спросить...; Простите за беспокойство, можно у вас уточнить...; Простите, пожалуйста, скажите, где здесь можно...*

При извинении в китайском языке наиболее употребительны нейтральные формы: *Dui bu qi* (Извините); *Bu hao yi si* (выражение, не имеющее аналога в русском языке); *Bao qian* (Виноват). При извинении за незначительные проступки, бестактность, неловкость употребляются именно они. В китайском языке извинение за среднюю и серьезную вину сопровождается, главным образом, признанием своей вины *Wo suo le* (Моя вина), *Dou shi wo de suo* (Я во всем виноват), *Shi wo bu hao* (это я виноват). Извинение за среднюю и серьезную вину сопровождается и чувством неловкости: *Tai guo yi bu qi* (быть неловко) и др.

Очевидно, что в извинении за среднюю и серьезную вину может быть повтор формул извинения или употребление нескольких формул извинения. В китайском языке часто используются фразы: *Dui bu qi, dui bu qi* (Извините, извините); *Bao qian, bao qian* (Виноват, виноват).

Иногда в китайском языке встречается употребление нескольких формул извинения, чтобы придать выражению извинения большую экспрессивность. Например: *Dui bu qi, shi wo de suo, zhen shi tai bu hao yi si le* (Извините, это я виноват, глубокие извинения).

В официальной ситуации используются формы извинения: *Qin yuan liang* (Прошу прощения); *Fei chang bao qian* (Глубокие извинения); *Shen biao qian yi* (Извинения от всей души); *Da rao nin le* (Беспокоил вас); *Gei nin tian ma fan le* (Доставил вам беспокойство).

Личные отношения между партнерами также влияют на выбор формы извинения. Как правило, чем дальше отношения между партнерами, тем сложнее выражение извинения. Китайцы, являющиеся родственниками или близкими друзьями, редко извиняются за незначительный проступок, а если извиняются, то употребляют нейтральные или сниженные выражения.

Надо отметить, что в Китае среди родственников представители старшего поколения реже извиняются перед людьми младшего поколения, а если извиняются, то обычно косвенным способом. Это объясняется тем, что конфуцианство, согласно которому младшее поколение должно уважать старших и подчиняться им, до сих пор оказывает влияние на мышление и поведение китайцев.

Из-за своей ошибки или неправильного поступка как русские, так

и китайцы будут выражать извинение адресату. Китайцы часто извиняются за незначительные оплошности перед незнакомыми. А перед друзьями и родственниками извинения произносятся более краткие. Русские чаще, чем китайцы, извиняются за незначительные проступки или беспокойства. Русские больше извиняются перед друзьями и родственниками. Основная прагматическая цель китайских речевых формул извинения заключается в поддержании гармонии между собеседниками, а русские извиняются из-за самого факта своей вины.

В повседневной коммуникации речевой жанр просьбы является одним из самых распространенных жанров и занимает значительное место. Просьба как один из речевых актов полностью погружена в сферы своего употребления и его нельзя рассматривать в отрыве от них, поэтому для изучения выражения просьбы нам необходимо рассматривать ее не только в языковом контексте, но и в коммуникативной ситуации.

В русском языке часто используется побудительное наклонение, перформативные глаголы и частицы (пожалуйста, -ну, -ка, же, уже). Изъявительное наклонение глаголов в форме второго лица тоже может выражать побудительное значение для выражение косвенного речевого акта. Конструкция «глагол хотеть в форме прошедшего времени + частица бы» может косвенно выражать просьбу. Использование

сослагательного наклонения для выражения побудительного значения может повышать степень вежливости и важности речевого акта. Речевой акт просьбы может косвенно оформляться разного рода вопросительными структурами. Вопросительная форма просьбы снижает нажим на адресата, уменьшает категоричность побуждения и увеличивает степень вежливости. Вообще говоря, существует несколько образцов вопросительной структуры, выражающей просьбу. 1. Вопросительная конструкция со словами нет (есть), например, Нет ли у вас...? У вас есть...? 2. Вопросительная конструкция не + предикат(глагол) + ли? 3. Вопросительная конструкция со словом «трудно», например, вам не трудно...? Вас не затруднит ...? Не затруднит ли вас ...? Не трудно ли вам ...? 4. Вопросительная конструкция со словами «хотеть», «мочь» (можно). 5. Вопросительная конструкция вы + не...? 6. Вопросительная конструкция нельзя ли + информация. 7. Вопросительная конструкция «вы не возражаете» (не против ли вы, если...)? 8. Стилистически сниженные, непринужденные просьбы, например, сходишь в магазин? Починишь телефон?

Китайский менталитет требует избегать прямого высказывания и прибегать к эвфемизации речи. В китайском языке просьба обычно реализуется посредством следующей структуры: высказывание в функции зачина, ядерное высказы-

вание, выражающее просьбу и вспомогательное высказывание.

В обоих языках побудительные предложения являются общеупотребительными средствами выражения прямой просьбы, которая часто смягчается с помощью актуализаторов вежливости. В качестве таковых в китайском языке употребляются дополнительные утвердительные вопросы: 好吗? 行吗? 好不? (хорошо, можно, ладно) в русском языке приняты выражения будьте добры (любезны).

Для обозначения степени вежливости в русском языке используется сослагательное наклонение (не сходил бы ты...). В китайском языке из-за отсутствия морфологических изменений слов для ослабления агрессии употребляется вспомогательная частица 吧, которая расположена в конце побудительного предложения.

В русском языке положительные формы несобственно вопросов выражают более настойчивую просьбу по сравнению с соответствующей отрицательной формой. В китайском языке вместо отрицательных форм принят тип 能不能 (можешь или не можешь) для ослабления навязывания просьбы.

Как реакции на просьбу могут быть согласие выполнить ее либо отказ в выполнении. В обоих языках существуют разнообразные формы согласия: 乐意效劳! с удовольствием 没问题! без вопросов! 交给我了 можешь на меня рассчи-

тывать 有点麻烦, 但我会尽力的 это будет трудно, но я постараюсь. Отказ часто дополняется объяснениями его причины или извинениями. Например, *извините..., охотно бы (мне бы хотелось...но не могу).*

Таким образом, этикетный речевой жанр просьбы, как и другие жанры, имеет свою национально-культурную специфику и в первую очередь требует соблюдения правил вежливости в соответствии с культурными традициями. В процессе анализа форм выражения просьбы, было обнаружено, что в обоих языках есть сходства в синтаксисе и структуре, все же существуют большие различия в использовании частицы для смягчения навязывания просьбы, то есть в русском языке часто используется частицы, а в китайском языке в основном используется слово 请. Различия выражения просьбы в обоих языках заключаются в том, что в китайском языке принят порядок «вспомогательное высказывание + ядерное высказывание со значением просьбы», в русском языке принят порядок наоборот «ядерное высказывание со значением просьбы + вспомогательное высказывание».

Анализ наиболее типичных выражений *обращения, благодарности, извинения и просьбы* позволил увидеть, что язык, культура и мысль всегда были взаимосвязаны. В зависимости от культуры осуществляется выбор синтаксиса и структуры для выражения речевого акта. В любом языке высказывание

имеет свое специфическое прагматическое значение. Сопоставительный анализ речевого этикета в современном русском и китайском языках способствует повышению культурного осознания в использовании языка и пониманию того, что особенности речевого взаимодействия коммуникантов требуют вни-

мания не только к собственно языковым структурам, но и к специфике речевого поведения и связанной с этим прагматике общения, что, безусловно, будет способствовать повышению степени сформированности межкультурных компетенций.

Библиографический список

- Балакай А. А. Этикетные обращения: функционально-семантические и лексикографические аспекты : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новокузнецк, 2005. 25 с.
- Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. Москва : ЗАО, Изд-во ЭКСМО-Пресс. 2002. 736 с.
- Костомаров В. Г. Русский речевой этикет // Русский язык за рубежом, 1967 (1). С. 56–62.
- Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиция, ментальность. 2-е изд., испр. Москва : Наука, Флинта. 2004. 328 с.
- Формановская Н. И. Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода // Специализированный вестник КрасГУ. 2000. Вып. 11. С. 83–88.
- Формановская Н. И. Теория общения и речевого этикета // Русский язык за рубежом. 2010 (1). С. 49–55.
- Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. Москва : Русский язык, 2002. 216 с.
- Хуэй Ян Национально-культурная семантика русских и китайских антропонимов / Хуэй Ян, Юй Чжан, М. С. Соловьева // Вестник СВФУ. 2017. № 1 (57). С. 135–146.
- 陈松岑 礼貌语言初探 北京.商务印书馆 1989. Чэнь Сунцэнь.
- 顾曰国 礼貌、语用与文化[A] 文化与交际[M],北京, 外语教学与研究出版社, 1998.

Reference list

- Kostomarov V. G. Russkij rechevoj jetiket = Russian speech etiquette // Russkij jazyk za rubezhom. 1967 (1). S. 56–62.
- Sergeeva A. V. Russkie: stereotypy povedenija, tradicija, mental'nost' = The Russians: stereotypical behaviour, traditions, mentality. 2-e izd., ispr. Moskva : Nauka, Flinta. 2004. 328 s.
- Formanovskaja N. I. Obrashhenie s tochki zrenija kommunikativno-pragmaticheskogo podhoda = Addressing from the point of view of the communicative-pragmatic approach // Specializirovannyj vestnik KrasGU. 2000. Vyp. 11. S. 83–88.

Formanovskaja N. I. Teorija obshhenija i rechevoj jetiket = Theory of communication and speech etiquette // Russkij jazyk za rubezhom. 2010 (1). S. 49–55.

Formanovskaja N. I. Rechevoj obshhenie: kommunikativno-pragmaticheskij podhod = Verbal communication: communicative-pragmatic approach. Moskva : Russkij jazyk, 2002. 216 s.

Hujej Jan Nacional'no-kul'turnaja semantika russkih i kitajskih antroponimov = National and cultural semantics of Russian and Chinese anthroponyms / Hujej Jan, Juj Chzhan, M. S. Solov'eva // Vestnik SVFU. 2017. № 1 (57). S. 135–146.

陈松岑 礼貌语言初探 北京.商务印书馆 1989.Чэнь Сунцэнь.

顾曰国 礼貌、语用与文化[A] 文化与交际[M],北京, 外语教学与研究出版社, 1998.

Статья поступила в редакцию 01.11.2021; одобрена после рецензирования 02.11.2021; принята к публикации 23.11.2021.

The article was submitted on 01.11.2021; approved after reviewing 02.11.2021; accepted for publication on 23.11.2021

Научная статья
УДК 811.161.1 (063)
doi: 10.20323/2658-7866-2021-4-10-68-83

**Русские и китайские паремии:
лингвокультурологический аспект торгово-денежных отношений**

Анастасия Константиновна Лесинская

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
как иностранного Института филологии и языковой коммуникации
ФГБОУ ВО «Сибирский федеральный университет».
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79
pogrebnyak.n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0913-2758>

Аннотация. Статья посвящена репрезентации торгово-денежных отношений в русских и китайских паремиях. В этих текстах выделяются структурные компоненты, составляющие фреймовый сценарий концепта «торговля». Анализируется его ценностная составляющая, характеризующая участников ситуации торговли и объекты рыночных отношений. Сравнение двух лингвокультур позволяет описать общие смысловые группы и специфические для русских паремий, такие, как Прибыль, Потери и Траты. В статье продемонстрировано, что сценарий концепта «торговля» в русских и китайских пословицах и поговорках представлен как многокомпонентная ситуация, обозначенная лексемами *торговля* и *торг* в русском языке и 买卖 *mǎimài*, 生意 *shēngyì*, 生意经 *shēngyìjīng* в китайском языке. В китайских текстах преобладает номинативное лексическое выражение участников ситуации, в то время как в русских паремиях доминирует предикат: четырем номинациям продавца, трем номинациям покупателя и семи глаголам в китайских паремиях противопоставлены две номинации продавца и двенадцать глаголов в русских текстах. В статье делается вывод, что сопоставление образов продавца в двух лингвокультурах выявило разную степень детализации их этической характеристики – честности. В русских текстах содержится безобразная рекомендация «торговать правдою», в китайских текстах есть и образная рекомендация торговать честно, выраженная негативной конструкцией («не следует торговать нечестно»), и в прямом, и переносном смысле указание на хитрую, лживую сущность продавца, образ покупателя в русских текстах наделен преимущественно отрицательными коннотациями, а в китайских паремиях, напротив, покупатель выступает равноправным участником ситуации купли-продажи, отстаивающим выгодные для себя условия сделки.

Ключевые слова: ситуация купли-продажи, концепт «торговля», паремия, пословица, поговорка, русская лингвокультура, китайская лингвокультура

Для цитирования: Лесинская А. К. Русские и китайские паремии: лингвокультурологический аспект торгово-денежных отношений // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 4 (10). С. 68-83. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2021-4-10-68-83>

Original article

**Russian and Chinese proverbs:
linguocultural aspect of commercial relations**

Anastasiya K. Lesinskaya

Candidate of philological sciences, associate professor, department of Russian as a foreign language, Institute of philology and language communication, Siberian Federal University. 660041, Krasnoyarsk, Svobodny Ave., 79
pogrebnyak.n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0913-2758>

Abstract. The article is devoted to representing trade and monetary relations in the Russian and Chinese proverbs. The structural components that make up the frame scenario of the concept “trade” are identified in these texts. Its value component characterizes the participants in the trade situation and the subjects of market relations. The comparison of the two linguocultures allows us to describe common semantic groups and those specific to Russian proverbs, such as Profit, Loss and Spending. The article demonstrates that the scenario of the concept “trade” in Russian and Chinese proverbs and sayings is presented as a multicomponent situation, denoted by the lexemes trade and bargaining in Russian and 买卖 mǎimài, 生意 shēngyì, 生意经 shēngyìjīng in Chinese. The Chinese texts are dominated by the nominative lexical expression of the participants in the situation, while the Russian paremics are dominated by the predicate: the four nominations of the seller, three nominations of the buyer and seven verbs in the Chinese paremics are contrasted with two nominations of the seller and twelve verbs in the Russian texts. The article concludes that a comparison of the seller's images in the two linguistic cultures shows a different degree of detailing their ethical characteristic – honesty. The Russian texts contain the ugly recommendation to “trade in truth”, while the Chinese texts contain a figurative recommendation to trade honestly, expressed in a negative construction (“one should not trade dishonestly”), and directly and figuratively indicating the cunning, deceitful nature of the seller, the image of the buyer in Russian texts is endowed with predominantly negative connotations. In Chinese proverbs, on the contrary, the buyer is an equal participant in the buying and selling situation, defending the favorable conditions of the deal.

Keywords: buying and selling situation, concept “trade”, paroemia, proverb, saying, Russian linguistic culture, Chinese linguistic culture

For citation: Lesinskaya A. K. Russian and Chinese proverbs: linguocultural aspect of commercial relations. *World of Russian-speaking countries*. 2021; 4(10):68-83. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2021-4-10-68-83>

Введение

Как известно, торговля занимает важное место в социальной деятельности человека. Как замечает Ю. Н. Петелина, исследующая концепт «торг» в английской и русской лингвокультурах, «товарно-денежный обмен лежит в основе экономической жизни современного общества, и поэтому соответствующая понятийная область широко и вариативно представлена в языке» [Петелина, 2004, с. 3]. Объектом рассмотрения лингвистов становились концепт «купля / продажа» в русской языковой картине мира [Осипова, 2005], образ купца-предпринимателя в китайских и русских пословицах и поговорках [Тимченко, 2013], связанный с торговой деятельностью ценность «деньги» [Бредис, 2017; Алексеева, 2019], концепт «богатство» в русской, английской, немецкой, таджикской лингвокультурах [Фазилова, 2019; Денисенкова, 2020], предпринята попытка описать торговые паремии, пословицы, фразеологизмы, взятые из фразеологических и толковых словарей русского и китайского языков [Каликова, 2020; Очерedyкo, 2020].

Объектом рассмотрения лингвистов становились концепт «купля / продажа» в русской языковой картине мира [Осипова, 2005], образ купца-предпринимателя в китайских и русских пословицах и поговорках [Тимченко, 2013], связанный с торговой деятельностью ценность «деньги» [Бредис, 2017;

Алексеева, 2019], концепт «богатство» в русской, английской, немецкой, таджикской лингвокультурах [Фазилова, 2019; Денисенкова, 2020] предпринята попытка описать торговые паремии, пословицы, фразеологизмы, взятые из фразеологических и толковых словарей русского и китайского языков [Каликова, 2020; Очерedyкo, 2020]. Ю. Н. Петелина, рассматривая концепт «торг» в английской и русской лингвокультурах, описывает фреймовый сценарий концепта «торг», состоящий из 13 компонентов [Петелина, 2005].

Целью данного исследования является лингвокультурологическое сопоставление представлений о торгово-денежных отношениях, содержащихся в русских и китайских паремиях.

Актуальность исследования определяется значимостью проблемы взаимосвязи языка и культуры, паремиологии и культуры, в частности. Пословицы и поговорки отражают совокупность мнений и представлений, выработанных народом как лингвокультурной общностью. Сопоставление пословиц и поговорок разных этносов позволяет обнаружить смысловые соответствия и национально-специфические структуры. В рамках когнитивного исследования формируется такое понятие, как «пословичный концепт». Е. В. Иванова, сопоставляя английские и русские пословицы с позиций когнитивной лингвистики, называет

пословичным концептом «все знание, которое можно получить на основе анализа пословиц о той или иной мыслительной сущности, обозначенной словом» [Иванова, 2002, с. 64]. Исходя из того, что «пословицы, будучи фрагментами национальной картины мира и являясь воплощением языкового менталитета, участвуют в формировании ценностных установок личности» [Пармиология без границ, 2020, с. 67], мы предприняли получить все знание, а точнее ценностные представления об одной конкретной мыслительной сущности, обозначенной концептом «торговля», в русской и китайской лингвокультурах.

Материалом настоящего исследования послужили 81 русская паремия, извлеченная из «Словаря-тезауруса русских пословиц, поговорок и метких выражений» В. И. Зимина и 43 китайские паремии, содержащиеся в сборнике А. Тишкова «Китайские легенды, сказки, пословицы, поговорки» и сети Интернет. Термин «паремия» в данном исследовании мы используем как синоним словосочетания «пословица и поговорка». В китайской пармиологии используются термины 谚语 яньюй и 俗语 суюй, но они не имеют одинакового понимания и, соответственно, существуют разные классификации народных речений.

Одним из основных составляющих концепта «торговля» является конверсивная пара предикатов «купить/продать». А. Г. Осипова опи-

сывает ситуацию купли-продажи следующим образом: «Один из участников ситуации включает в свою собственность тот или иной объект, компенсируя партнеру стоимость этого объекта имеющимися в его распоряжении денежными средствами. Второй участник ситуации – лицо, обладающее каким-либо объектом, – совершает передачу этого объекта, получая взамен эквивалент его стоимости в виде денежных знаков» [Осипова, 2005, с. 168]. Следовательно, участники ситуации купли-продажи выполняют функцию по отторжению и приобщению объекта и являются одновременно субъектами и контрагентами действия. В свою очередь, это означает, что в процессе передачи оказываются задействованными два объекта: товар и эквивалент его стоимости – денежные знаки. Специфическое содержание ролей двух субъектов рассматриваемой ситуации имеет специальные лексические средства номинации: продавец и покупатель [Осипова, 2005]. Таким образом, ситуация купли-продажи представлена четырьмя участниками: покупателем, товаром, продавцом и ценой.

Ю. Н. Петелина, рассматривая концепт «торг» в английской и русской лингвокультурах, утверждает, что фреймовый сценарий данного концепта состоит из 13 компонентов: «1) процесс взаимодействия – «торговаться»; 2) форма этого процесса – «договариваться об условиях взаимодействия»; 3) мотивиро-

ванность процесса – «выгода»; 4) цель взаимодействия – «купля-продажа»; 5) место взаимодействия – «место свободной торговли»; 6) участник 1 и его характеристики – «продавец», «продавать товар»; 7) участник 2 и его характеристики – «покупатель», «покупать товар»; 8) предмет взаимодействия – «товар»; 9) характеристика предмета взаимодействия – «наличие цены и качества», «дорого – дешево»; 10) средство взаимодействия – «деньги»; 11) функция денег – «оплата»; 12) результат взаимодействия – «соглашение»; 13) сфера взаимовыгодного взаимодействия – «торговля» [Петелина, 2005, с. 299-300].

**Лексические средства
выражения концепта «Торговля»
в русских и китайских паремиях**

Анализ русских и китайских пословиц и поговорок, репрезентирующих концепт «торговля», выявил, что ситуация товарно-денежного обмена в русских текстах состоит из **11 компонентов**, а в китайских – из **7**. Выделим общие компоненты для русской и китайской лингвокультур на материале рассматриваемых текстов.

1. Обязательными компонентами ситуации торговли являются её основные участники – продавец и покупатель. **Продавец** – это лицо, которое обладает каким-либо объектом и совершает его передачу, получая взамен эквивалент его стоимости в виде денежных знаков.

В русских паремиях он называется *купцом* и *хозяином*, что характеризует его как лицо, которое приобретает товар, владеет правом собственности на него и сбывает его в разных торговых местах (в отличие, например, от продавца, который занимается только продажей) [Петелина 2004]: *Всяк купец свой товар хвалит; Без хозяина товар сирота.*

В китайских текстах обнаруживаются четыре номинации:

- 賣主 mǎizhǔ «продавец»;
- 生意人 shēngyìrén «коммерсант, делец, бизнесмен»;
- 同行 tóngxíng «коллега, человек той же профессии»;
- 主 zhǔ «хозяин; владелец; собственник».

К тем же смыслам, что представлены в русских паремиях, добавляется характеристика соучастника торговой деятельности – человек одной профессии: *生意做到同行想不到的地方。 – Если хочешь чего-то добиться в торговле, не находишься в одном месте с другим продавцом (бизнесменом).*

Действия, совершаемые продавцом, обозначены в русских текстах четырьмя глаголами *продать, дать / взять, торговать, поторговать* (торговать некоторое время), и существительным *подача* (предложение).

В китайских паремиях действия продавца также детализированы и выражены следующими шестью глаголами: 賣 mǎi «продавать; торго-

вать»; 经商 jīngshāng «заниматься торговлей, вести торговлю, торговать»; 做生意 zuòshēngyì «торговать, заниматься бизнесом»; 记帐 jìzhàng «вести бухгалтерию (счетоводство)»; 放债 fàngzhài «давать деньги в долг (под проценты)»; 销 xiāo «сбывать, реализовать, продавать (товар)»: 要经商, 走四方 – *Хочешь заниматься торговлей, направляйся во все четыре стороны света*; 人进货百人销 – *Один человек возит товар, а сто сбывает*.

2. Второй участник ситуации, который включает в свою собственность тот или иной объект, компенсируя партнеру стоимость этого объекта имеющимися в его распоряжении денежными средствами, является **покупателем**. В то время как в русских паремиях он не обозначен, в китайских текстах ему соответствуют три номинации:

– 买主 mǎizhǔ «покупатель (в сделке); клиент»;

– 顾客 gùkè «клиент, покупатель, потребитель, заказчик»;

– 头客 tóukè «гость; посетитель; путешественник, чужеземец; проезжий, прохожий»: 卖主怪脚 · 买主怪鞋。 – *Продавец винит ноги, покупатель винит ботинки*; 顾客是衣食父母。 – *Клиент благодетель*; 买卖得有回头客。 – *Торговля должна*

иметь постоянных клиентов. Как видим, в китайском языке «клиент» и «покупатель» обозначаются одним словом и не различаются по своей семантике, тогда как в русском языке *клиент* обозначает человека, который постоянно покупает товар в одном и том же месте, а *покупатель* является случайным [Петелина, 2004].

Если в китайских текстах преобладает номинативная характеристика покупателя (его действия обозначены лишь одним глаголом 买 mǎi «купить; покупать, приобретать»), то в русских доминирует его предикативное описание. Покупатель выступает как активно действующий персонаж, который покупает, платит, просит, сообщает о своей потребности в некоторых товарах или услугах (*купить, покупать, устаревшее торговать* в значении «сговариваться о цене, прицениваться, собираясь купить», *платить, запрос (спрос), просить*): *Купишь лишнее – продашь нужное; И плачешь, а платишь; Проси много, а бери, что дают*.

3. Третьим обязательным компонентом ситуации товарно-денежного обмена является **товар**: *Товар полюбится – ум расступится*.

В китайском языке он представлен словами 货 huò «товар, груз, предмет; вещь» и 牌 pái «торговая марка; фабричный знак; этикетка, ярлык»: 做生意三件宝, 人好货好信誉好。 – *В торговле есть три цен-*

ности: *добрые люди, хорошие вещи и хорошая репутация*; 名牌莫冒牌, 冒牌毁招牌。 – Известный бренд не подделывает чужую марку, а если подделает – потеряет репутацию.

4. Четвертый компонент – **оценка товара** – также представлен в обеих лингвокультурах: в русской – существительным *цена*, наречиями *дорого* и *дешево* и глаголом *дорожиться* («дорого продавать»): *У купца своя цена, у покупателя другая; Дорого, да люблю, дешево, да грубо; Дорожится – хочет разжиться.*

В китайских текстах оценка товара обозначена словом 物价 wùjià «цена [товара]; товарные цены»: 物价稳定, 人心安定。 – Цена стабильна, и люди живут стабильно.

5. В обеих лингвокультурах обозначена **мотивация продавца**, но лексически разнообразней она представлена в русских текстах: устаревшим разговорным словом *барыш*, разговорными *прибыток*: *Без накладу барыш не живёт; Нажитки жидки, прибыли не прытки.* Активна словообразовательная модель с корнем *жить*. Слова с приставкой *на-* (*нажиток, наживное, наживаться*) акцентирует на постепенном приобщении ценностей, предметов в течение жизни в результате торговой деятельности: *Наше наживное – по дыре в кармане.* Приставка *раз-* в слове *разжиться* указывает на область распространения, широкий охват пред-

метов обладания: *Дорожится – хочет разжиться.* Получение прибыли сравнивается с охотой, поэтому она также называется *добычей*: *Большая добыча хуже малой.*

В китайских текстах мотивация продавца выражена словом 卖钱 màiqián «деньги, вырученные от продажи (чего-либо), выручка»: 不怕不卖钱, 就怕货不全。 – Не бойся не иметь выручку, а бойся нехватки товара.

6. Общим компонентом является обозначение **места** – на открытом пространстве в русских текстах *базар* и на закрытом – в китайских 店 diàn «магазин; лавка»: *Базар деньги любит; 三分生意七分谈, 人无笑脸休开店。* – Дели торговлю на три части, а беседу – на семь частей, человеку без улыбки не надо открывать магазин.

7. **Процесс купли-продажи** в русских паремиях выражен существительными *торговля* и *торг* и глаголами *торговаться* и *расторговаться*, обозначающим интенсивность действия: *На торг поехал – свою цену дома покинул; Родство – дело святое, а торговля – дело иное; Торгуется как жид; От иглы расторговался.*

8. В китайских паремиях процесс обозначен тремя словами: 买卖 mǎimài «торговля, торговое дело»; 生意 shēngyì «торговля, коммерция, бизнес; сделка; коммерческий, деловой»; 生意经

shēngyìjīng «приемы торговли, бизнеса; путь успеха в бизнесе»: 不懂生意经, 买卖做不通。 – Если не разбираться в приёмах торговли, то концы с концами не сойдутся; 信息灵通, 生意兴隆。 – Кто хорошо осведомлён, у того бизнес процветает.

Кроме названных общих компонентов, в русских текстах представлены дополнительные характеристики продавца, а также средство и цель взаимодействия:

9. **Потери продавца** обозначаются словом убыток и разговорным сниженным синонимом наклад: В убытки торговать нельзя; Барыш с накладом на одних санях ездят.

10. **Траты продавца**, предполагающие намеренный расход полученной прибыли, выражены глаголами *прожи(ва)ть, прожиться* в значении «много тратить на жизнь и развлечения»: *Что наживёшь, то и проживёшь*; а также *проест, пропить*. Глаголами *проест, пропить* целью растрат называются физиологические потребности: *Продав на деньгу, а проел на алтын*; *Что привёз, то продал; что продал, то пропил*.

11. **Средство взаимодействия** выражено в основном обобщенно – *деньги*, реже употребляются названия монет (*деньга, копеечка, алтын*) или метонимическое обозначение денег *карман*, основанное на ассоциации по смежности: *Товар мой – карман твой*. Действие, производимое с деньгами, называется

существительным *счёт* и глаголом *расчесться* («рассчитаться»): *Чаще счёт – крепче дружба; Сошлись да разочлись, так ни с чем и разошлись*.

В китайских паремиях употребляется глагол 记帐 jìzhàng «вести бухгалтерию (счетоводство)», однако, на наш взгляд, он служит характеристикой продавца: 往来要记帐, 事后免思量。 – Если текущий счёт записываешь, потом не думаешь о нём.

12. **Цель взаимодействия** выражена существительными *купля и продажа*: *Не купля учит, а продажа*.

Семантика русских и китайских паремий, репрезентирующих концепт «торговля»

Рассмотрим ценностную составляющую концепта «торговля», содержащуюся в семантике русских и китайских пословицах и поговорках. Нами выделено семь общих для обеих лингвокультур групп, характеризующих обозначенное ими понятие (Продавец, Прибыль, Покупатель, Товар, Счет, Цена, Торговля) и две специфически русские (Потери и Траты).

1. В русских текстах **Продавец** наделен такими качествами, как честность; расторопность, профессионализм: *Торгуй правдою – больше барыша будет; Торговать, так по сторонам не зевать; Без ума торговать – только деньги терять*. Продавец своевременно реагирует на запрос покупателя и в торговле проявляет свои интеллектуальные

способности и речевые умения, акцентируя на достоинствах товара: *Всяк купец свой товар хвалит; Не хвалишь – не продашь.*

В китайских паремиях акцентируется на приветливости, гостеприимности и радушии продавца: *面带三分笑, 生意跑勿了。 – На лице тройная улыбка – сделка не убежит; 主好客来多。 – К гостеприимному продавцу приходит много покупателей; 顾客进门, 烟茶相迎。 – Покупатель приходит – сигареты и чай предлагаем, радушно принимаем; 卖砂锅的要有水, 卖衣服的要镜, 卖鞋的应该有凳。 – Чтобы продать горшок, нужна вода, чтобы продать одежду, нужно зеркало, чтобы продать обувь, нужен стул. Приветливость и улыбчивость китайского продавца, по мнению А. С. Тимченко, указывает на хитроумное поведение, которое, например, не выражено в русских пословицах, где предпринимательский талант связывается с внутренними качествами продавца [Тимченко, 2013].*

Китайский продавец одинаково услужлив любому покупателю, вне зависимости от его возраста, и терпелив в общении с вопрошающим и нерешительным покупателем: *生意人无大小。 – Бизнесмен безразличен к старым и малым; 百问不烦, 顾客开颜; 百选不厌, 顾客称便 – Сто раз спросить и не надоест – покупатель сияет от радости; сто раз выбирать и не надоест – покупатель считает удобным.*

Китайский продавец уверен в успехе и ищет собственное направление деятельности, отличное от других: *无信不立, 店无信不兴。 – Человек без веры не устоит на ногах, магазин без веры не расцветёт; 生意做到同行想不到的地方。 – Если хочешь чего-то добиться в торговле, не находишься в одном месте с другим продавцом (бизнесменом). Он заботится о собственной репутации: 做生意三件宝, 人好货好信誉好。 – В торговле есть три ценности: добрые люди, хорошие вещи и хорошая репутация.*

Русской рекомендации торговать честно противопоставлено в китайских текстах представление о том, что продавец обманывает покупателя, он умалчивает о недостатках товара или приписывает ему несвойственные качества: *生意人无真话。 – Бизнесмен не говорит правды; 种田靠天, 做生意靠骗。 – Занимайся земледелием по милости неба, занимайся бизнесом, обманывая; 卖瓜不说瓜苦, 卖盐不说盐淡。 – Продаёт дыню и не говорит, что дыня горькая, продаёт соль и не говорит, что соль несолёная; 羊肉不当狗肉卖。 – Баранину не следует как собачье мясо продавать.*

Китайский продавец получает также качественную характеристику: *一人进货百人销。 – Один человек возит товар, а сто сбывает.*

2. С образом продавца связаны такие группы, как **Прибыль**, **Траты** и **Потери**. Хорошая торговля

считается прибыльной, плохая – убыточной: *Торговать, так барыши получать; В убыток торговать нельзя.* Отрицательно оценивается малая прибыль или её отсутствие: *Нажитки жидки, прибыли не прытки; Наше наживное – по дыре в кармане; Торговал и кирпичом, да остался ни при чём.* Но и большая прибыль оценивается отрицательно, так как она вызывает зависть: *Большая добыча хуже малой.*

Прибыль в русских текстах связывается с тратами и потерями: Без накладу барыш не живёт; Барыш с накладом на одних санях ездят. Продавец всегда имеет прибыль и много тратит: И дешево продают, да наживаются; и дорого продают, да проживаются; Что наживёшь, то и проживёшь. Труднее заработать, приобрести, чем потратить, и человек тратит больше, чем зарабатывает: Скоро проживается, не скоро наживается; Легче прожить, чем нажить; Продал на деньги, а проел на алтын; Что привёз, то продал; что продал, то пропил.

Прибыль возмещает потери: *Не бойся убытка как придут барыши.* Они в свою очередь не зависят от воли человека: *В накладе волен бог, а в убытке батюшка. Так говорил сын, торгуя за отца.* Пословицы в целом дают положительную оценку потерям (*Убытки ум дают*) и советуют не переживать об утрате чего-либо незначительного: *Малога пожалеешь – больше потеряешь; Пропадай яйцо, а не курица!*

В китайской поговорке акцент делается на противопоставлении

прибыли и товара. Считается, что отсутствие товара хуже, чем отсутствие прибыли: *Не бойся не иметь выручку, а бойся нехватки товара.*

3. **Покупатель** в русских текстах безрассудно покупает, что ему не нужно: *Купишь лишнее – продашь нужное; И плачешь, а платишь; Товар полюбится – ум расступится.* Он хочет приобрести много, но его выбор ограничен предложением: *Проси много, а бери, что дают.* По низкой цене покупатель приобретает товар плохого качества: *Дёшево покупать – деньги терять.* Покупатель в процессе покупки говорит о недостатках товара, а приобретая – о его достоинствах: *Торгуешь – хаешь, купишь – похвалишь.*

Китайский покупатель также получает речевую характеристику – он много говорит, но не решителен в своем выборе: *多听顾客言, 生意在眼前.* – *Много слушать речи покупателя – торговля будет перед глазами; 百问不烦, 顾客开颜; 百选不厌, 顾客称便.* – *Сто раз спросить и не надоест – покупатель сияет от радости; сто раз выбирать и не надоест – покупатель считает удобным.*

Положительно маркирован постоянный покупатель, а отрицательно – его малое количество: *买卖得有回头客.* – *Торговля должна иметь постоянных клиентов;*

不怕生意小，就怕顾客少。 – *Не бойся маленькой торговли, а бойся малого количества клиентов.*

Таким образом, китайский покупатель является активным участником процесса купли – продажи, обеспечивающего средствами к существованию продавца: *顾客是衣食父母。 – Клиент благодетель.*

4. Русскую и китайскую лингвокультуры объединяет представление о хорошем **товаре** и необходимости его иметь в достаточном количестве: *Хороший товар сам себя хвалит; У хорошево товару не бывает накладу; 百货中百客 · 好货迎远客。 – Сто товаров внутри – будет сто клиентов, хороший товар встречает клиента издалека; Не тогда товар запасать, когда покупатель на торгу стоит; 不怕不卖钱, 就怕货不全。 – Не бойся что-то не продать, а бойся нехватки товара.*

Важно представить товар с лучшей стороны, причем в русских текстах акцент делается на речевой характеристике и внешних качествах, а в китайской лингвокультуре описание товара начинается с красивой упаковки: *Товар подачу любит; Товар лицом продают; 人要衣装, 货要装潢。 – Человек наряжается, товар упаковывается.*

Следует отметить, что в китайских текстах образ товара детализируется: *鸡卖叫 · 鱼卖跳 · 菜卖鲜, 粮卖干 · 卖药会郎中 · 卖布会裁衣。 – Продай кричащую курицу, продай*

прыгающую рыбу, продай свежие овощи, продай сухой хлеб, продай лекарство и сумей быть врачом, продай ткань и сумей скроить одежду. Он может обладать как положительными (свежие овощи), так и отрицательными (кричащая курица, прыгающая рыба, сухой хлеб) свойствами, а также быть предметом собственного производства. В приоритете находятся основополагающие товары: *买千买万, 先要买米做饭。 – Купи хоть тысячу, хоть десять тысяч, но сначала купи рис и приготовь его. Продавец и покупатель имеют разное мнение о причине отрицательного воздействия предмета купли-продажи: 卖主怪脚, 买主怪鞋。 – Продавец винит ноги, покупатель винит ботинки. Товар не подходит покупателю, по мнению продавца, из-за размера покупателя, а по мнению покупателя, из-за параметров товара.*

Специфическими русскими смыслами являются:

1) товар находится в собственности продавца: *Без хозяина товар сирота;*

2) он должен продаваться и обмениваться на деньги: *Лежачий товар не кормит; Товар – работник: лёжа на себя наедает; Товар места не пролежит; Товар мой – карман твой;*

3) о совсем дешёвом товаре говорят: *Не купля, а даровое.*

5. Представление о **Счёте** в китайских и русских паремиях совпадает: важно его вести, не отклады-

вая: Торг любит счёт; Деньга счёт любит, а хлеб меру; Счёт не обманет; Без счёту и денег нету; 往来要记帐·事后免思量。 – Если текущий счёт записываешь, потом не думаешь о нём.

Денежные отношения в русских текстах не связываются с родственными и влияют на дружественные: Чаше счёт – крепче дружба; Кум – кум, а деньги не кум.

6. **Цена** товара преимущественно представлена в русских текстах. Она определяется ситуацией на рынке: Базар цену скажет; Деньга торгу голова; На торг поехал – свою цену дома покинул. Покупателю и продавцу трудно сойтись в цене: У купца своя цена, у покупателя другая. Добиваться уступки, договариваясь в цене, оценивается отрицательно: Торгуется как жид.

Китайская пословица 物价稳定, 人心安定。 – Цена стабильна, и люди живут стабильно акцентирует на благополучии людей, связанном со стабильностью цены, устойчивостью ситуации на рынке.

Цена в русских паремиях квалифицируется по параметру высокая / низкая, дорого / дешево: Где дешево, там и дорого. Высокая цена свойственная необходимому товару высокого качества и представленному в малом количестве. Низкая цена характеризует, соответственно, товар ненужный, низкого качества, имеющийся в большом количестве: Дорого, да люблю, дешево, да грубо; Чего нет, то дорого; чего много, то дё-

шево; То и дешево, чего не надо; а что нужно, то дорого.

Об очень высокой цене говорят: Дороже себя; И нас-то продать, так этого не купить. Считается, что, продавец хочет нажиться, разбогатеть, устанавливая слишком высокую цену: Дорожится – хочет разжиться. Но покупатель готов платить много, если товар того стоит: Хоть дорого купи, только было бы в пути. О том, что не имеет ценности, говорят Ломаного гроша не стоит.

Всякая цена кажется высокой бедному человеку: Денег нет – всякая цена дорога; Нужда цены не ждёт (не знает). Товар по высокой цене локализован в Петербурге и Москве: В Москве толсто звонят, да тонко едят; Питер бока повытер, да и Москва бьёт с носка.

7. **Торговля** в русских пословицах и поговорках – это двусторонние отношения, участниками которых являются покупатель и продавец: Мой запрос, твоя подача; Ваши деньги, наш товар; Одно купи, другое продай! Одно продай, другое купи! На всяком рынке действуют свои правила: Базар на базар не придётся; Вольнее торгу нет, а и там неволя живёт. Но не каждая сделка бывает успешной: Сошлись да разошлись, так ни с чем и разошлись.

В процессе торговли родственные отношения не учитываются: Родство – дело святое, а торговля – дело иное. Как и в русских пословицах, торговля и близкие отношения разделяются в китайских паремиях: считается, что можно не прийти к договорённости в делах,

но дружеские отношения сохранить: 买卖不成仁义在。 – *Сделка не удалась, но дружба сохранилась.*

Торговля в китайской лингвокультуре – это наука, которую надо изучать и иметь четкое представление о том, как вести дела: 买卖不懂行, 瞎子撞南墙。 – *Не разбираешься в торговле – слепой врежется в кирпичную стену;不懂生意经, 买卖做不通。 – Если не разбираться в приёмах торговли, то концы с концами не сойдутся; 信息灵通, 生意兴隆。 – Кто хорошо осведомлён, у того бизнес процветает (в русской поговорке *Не купля учит, а продажа*, напротив, говорится о том, что, продавая, человек приобретает определённые навыки, а покупая – нет). Успешность ведения бизнеса также зависит от размера начального капитала: 多大本钱, 做多生意。 – *Насколько велик основной капитал, настолько велик бизнес.**

В торговле нужно оценивать общее положение вещей в сфере оборота товаров и учитывать каждую деталь: 出门看天气, 买卖看行情。 – Выходя из дому, ориентируешься на погоду, так и в торговле – следи за ситуацией на рынке; 吃喝不计较, 买卖论分毫。 – О еде и питье не спорь, а в торговле обсуждай всякую мелочь. Торговать надо в то время, которое отвечает требованиям и условиям торговли: 买时得, 卖时得卖。 – Покупать и продавать надо в подходящее время. Важными составляющими успешной торговли являются хорошее общее

мнение о продавце, хороший покупатель и хороший товар. Занятие торговой деятельностью предполагает поездки: 要经, 走四方。 – Хочешь заниматься торговлей, направляйся во все четыре стороны света.

Всякая торговля важна: 买卖切勿分大小, 服务不要看衣衫。 – Торговлю нельзя делить на большую или маленькую, неся службу, не следует смотреть на одежду. Она помогает пережить голод и обогатиться: 荒年饿死放债的, 饿不死买卖的。 – В неурожайный год умрёт от голода тот, кто давал деньги в долг, и не умрёт, кто торговал; 农不经商不富。 – Тот земледелец небогат, кто не занимается торговлей.

Заключение

Подытоживая результаты нашего исследования, выделим основные положения. Сценарий концепта «торговля» в русских и китайских пословицах и поговорках представлен как многокомпонентная ситуация, обозначенная лексемами *торговля* и *торг* в русском языке и 买卖 *mǎimai*, 生意 *shēngyì*, 生意经 *shēngyìjīng* в китайском языке.

В китайских текстах преобладает номинативное лексическое выражение участников ситуации, в то время как в русских паремиях доминирует предикат: 4-м номинациям продавца, 3-м номинациям покупателя и 7 глаголам в китайских паремиях противопоставлены 2 номинации продавца и 12 глаголов в русских текстах. Только в них од-

ним из лексических средств выражения также выступают наречия *дорого / дешево*.

Сопоставление образных составляющих русских и китайских текстов свидетельствует, что в русских поговорках представлено отрицательное отношение к торговле, которое связано с желанием человека материально (не духовно) обогатиться, а в китайских текстах образ торговли положительный. [Каликова, 2020]. Однако наши наблюдения не выявили данного противопоставления. Безусловно, можно согласиться, что образ покупателя в русских текстах наделен преимущественно отрицательными конно-

тациями. В китайских поговорках, напротив, покупатель выступает равноправным участником ситуации купли-продажи, отстаивающим выгодные для себя условия сделки.

Сопоставление образов продавца в двух лингвокультурах показало разную степень детализации их этической характеристики – честности. В русских текстах содержится безобразная рекомендация «торговать правдою», в китайских текстах есть и образная рекомендация торговать честно, выраженная негативной конструкцией («не следует торговать нечестно»), и в прямом и переносном смысле указание на хитрую, лживую сущность продавца.

Библиографический список

Алексеева Т. Е. Английские поговорки о богатстве и деньгах: семантический и прагматический аспекты / Т. Е. Алексеева, Л. Н. Федосеева // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2019. № 6. С. 168–172.

Ангелова М. М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики : сборник научных трудов. Выпуск 3. Москва : Национальный книжный центр, 2004. С. 3–10.

Бредис М. А. Представления о денежных отношениях в пословицах (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук / Бредис Михаил Алексеевич. Москва, 2017. 346 с.

Денисенкова Ю. С. Сопоставительный анализ концепта «деньги» в английской и немецкой культурах // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 4А. С. 129–135.

Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. Москва : АСТ-Пресс, 2016. 729 с.

Иванова Е. В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). Санкт-Петербург : Филол. фак. Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2002. 153 с.

Исаев Э. Ш. Понятие «Концепт» в современной лингвистике / Э. Ш. Исаев, А. В. Сотникова // Интернет-журнал «Национальное Достояние». 2020. №2(3). С. 252-257.

Каликова А. М. Лингвокультурные отличия рыночных поговорок в русском и китайском языках / А. М. Каликова, Ю. Е. Чердниченко, О. Е. Боброва // Гуманитарные исследования. 2020. № 4 (76). С. 75–84.

Осипова А. Г. Купля / продажа // Антология концептов. Т. 2. Волгоград : Парадигма, 2005. С. 166-183.

Очерedyкo Ю. В. Лингвокультуpный аспект коммерческой лексики в китайском языке / Ю. В. Очерedyкo, А. М. Каликова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 11. С. 258–262.

Паремиология без границ : монография / Е. Н. Антонова, М. А. Бредис, Т. Е. Владимирова и [и др.]; под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. Москва : РУДН, 2020. 244 с.

Петелина Ю. Н. Концепт «торг» в английской и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук / Петелина Юлия Николаевна. Астрахань, 2004. 213 с.

Петелина Ю. Н. Торг // Антология концептов. Т. 2. Волгоград : Парадигма, 2005. С. 299–309.

Тимченко А. С. Образ купца-предпринимателя в китайских и русских пословицах и поговорках // Известия Алтайского государственного университета. №2-2(78). 2013. С. 249–251.

Тишков А. Китайские легенды, сказки, пословицы, поговорки. Чита : Книжное издательство, 1959. 218 с.

Фазилова Ш. К. Концепт «Богатство» в английской, русской и таджикской лингвокультурах (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок) : дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2019. 211 с.

Reference list

Alekseeva T. E. Anglijskie paremii o bogatstve i den'gah: semanticheskij i pragmaticheskij aspekty = English proverbs about wealth and money: semantic and pragmatic aspects / T. E. Alekseeva, L. N. Fedoseeva // Izvestija VGPU. Filologicheskie nauki. 2019. № 6. S. 168–172.

Angelova M. M. «Koncept» v sovremennoj lingvokul'turologii = «Concept» in contemporary linguoculturology // Aktual'nye problemy anglijskoj lingvistiki i lingvodidaktiki : sbornik nauchnyh trudov. Vypusk 3. Moskva : Nacional'nyj knizhnyj centr, 2004. S. 3–10.

Bredis M. A. Predstavlenija o denezhnyh otnoshenijah v poslovicah (na materiale russkogo, latyshskogo, litovskogo, nemeckogo i anglijskogo jazykov) = Representations of monetary relations in Russian, Latvian, Lithuanian, German, and English proverbs : dis. ... kand. filol. nauk / Bredis Mihail Alekseevich. Moskva, 2017. 346 s.

Denisenkova Ju. S. Sopostavitel'nyj analiz koncepta «den'gi» v anglijskoj i nemeckoj kul'turah = Comparative analysis of the concept “money” in English and German cultures // Kul'tura i civilizacija. 2020. Tom 10. № 4A. S. 129–135.

Zimin V. I. Slovar'-tezaurus russkih poslovic, pogovorok i metkih vyrazhenij = Thesaurus dictionary of Russian proverbs, sayings and aphorisms. Moskva : AST-Press, 2016. 729 s.

Ivanova E. V. Poslovichnye kartiny mira (na materiale anglijskih i russkih poslovic) = Picture of the world in English and Russian proverbs. Sankt-Peterburg : Filol. fak. Sankt-Peterb. gos. un-ta, 2002. 153 s.

Isaev Je. Sh. Ponjatie «Koncept» v sovremennoj lingvistike = The idea of “concept” in modern linguistics / Je. Sh. Isaev, A. V. Sotnikova // Internet-zhurnal «Nacional'noe Dostojanie». 2020. №2(3). S. 252–257.

Kalikova A. M. Lingvokul'turnye otlichija rynochnyh paremij v russkom i kitajskom jazykah = Linguistic and cultural differences in market proverbs in Russian and Chinese /

A. M. Kalikova, Ju. E. Cherednichenko, O. E. Bobrova // Gumanitarnye issledovanija. 2020. № 4 (76). S. 75–84.

Osipova A. G. Kuplja / prodazha = Buying / selling // Antologija konceptov. T. 2. Volgograd : Paradigma, 2005. S. 166-183.

Ochered'ko Ju. V. Lingvokul'turnyj aspekt kommercheskoj leksiki v kitajskom jazyke = Linguocultural aspect of commercial vocabulary in Chinese / Ju. V. Ochered'ko, A. M. Kalikova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. T. 13. Vyp. 11. S. 258–262.

Paremiologija bez granic = Proverb studies without boundaries : monografija / E. N. Antonova, M. A. Bredis, T. E. Vladimirova i [i dr.] ; pod red. M. A. Bredisa, O. V. Lomakinov. Moskva : RUDN, 2020. 244 s.

Petelina Ju. N. Koncept «torg» v anglijskoj i rusškoj lingvokul'turah = Concept «trade» in English and Russian linguistic cultures : dis. ... kand. filol. nauk / Petelina Julija Nikolaevna. Astrahan', 2004. 213 s.

Petelina Ju. N. Torg = Trade // Antologija konceptov. T. 2. Volgograd : Paradigma, 2005. S. 299-309.

Timchenko A. S. Obraz kupca-predprinimatelja v kitajskih i rusških poslovicah i pogovorkah = The image of a merchant in Chinese and Russian proverbs and sayings // Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. №2-2(78). 2013. S. 249–251.

Tishkov A. Kitajskie legendy, skazki, poslovice, pogovorki = hinese legends, fairy tales, proverbs and sayings. Chita : Knizhnoe izdatel'stvo, 1959. 218 s.

Fazilova Sh. K. Koncept «Bogatstvo» v anglijskoj, rusškoj i tadjihskoj lingvokul'turah (na materiale frazeologičeskich edinic, poslovic i pogovorok) = The «Wealth» concept in English, Russian and Tajik linguistic cultures (phraseological units, proverbs and sayings) : dis. ... kand. filol. nauk. Dushanbe, 2019. 211 s.

Статья поступила в редакцию 25.10.2021; одобрена после рецензирования 06.11.2021; принята к публикации 23.11.2021.

The article was submitted on 25.10.2021; approved after reviewing 06.11.2021; accepted for publication on 23.11.2021

Научная статья

УДК 792.8

doi: 10.20323/2658-7866-2021-4-10-84-100

Судьба как движущая сила в сюжете трагедии У. Шекспира «Гамлет»

Валерия Анатольевна Андреева¹✉, Илья Александрович Андреев²

¹Кандидат филологических наук, ассистент кафедры словесности

ОАНО «Новая школа». 119192, Москва, Мосфильмовская д. 88, к. 5.

²Магистр образования по направлению подготовки «Гуманитарные знания» онлайн-школа «Фоксфорд», 117105, Москва, Варшавское шоссе, д.1, стр.6.

¹seversnegg@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-7599-3794>

²sir.uchitel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5410-9560>

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о роли судьбы как движущей силы в сюжете трагедии «Гамлет» У. Шекспира. Судьба в пьесе представлена в виде трёх вариантов: Фортуны, Рока и Провидения. Первый даёт или отнимает удачу, второй преследует человека за совершённые преступления, третий испытывает человека, предлагая преступнику раскаяние. Сюжет трагедии совмещает две линии, связанные с судьбой: возмездия братоубийце Клавдию и возвращения земель Фортинбрасу. В статье показывается, как далёкая вначале угроза прихода молодого норвежца оказывается приманкой судьбы для Клавдия. Последний, пользуясь угрозой как предлогом, сокращает срок траура по погибшему брату и устраивает поспешную свадьбу, которая приводит к встрече Гамлета с призраком и оборачивается в итоге гибелью нового короля. Именно поспешность Клавдия ломает привычные представления принца и приводит героя к вопросу «Быть или не быть?» В борьбе с судьбой Гамлет оказывается выше её в силу благородства характера. Он, с одной стороны, исполняет долг перед своим отцом, с другой – не становится слепым орудием мщения. Следуя судьбе и борясь с ней, он побеждает её, поэтому в конце, несмотря на пролитую кровь, оказывается достоин воинских почестей и рая. Клавдий, наоборот, пытаясь изменить свою судьбу, совершает раз за разом преступления. Авторы статьи показывают, как три различных образа судьбы соединяются в ключевых эпизодах. В частности, подробно разбирается сцена дуэли Гамлета и Лаэрта. Данная статья посвящена вопросу о том, как судьба в трагедии У. Шекспира «Гамлет» ведёт главного преступника (братоубийцу Клавдия) от преступления к наказанию, а главного героя – от встречи с призраком к исполнению воли убитого. Также мы рассмотрим сюжет мщения-испытания в контексте рамочно заданного сюжета возвращения земель молодым Фортинбрасом.

Ключевые слова: У. Шекспир, «Гамлет», мотив судьбы, Фортуна, Рок, Провидение, мотив возмездия, благородство, трагедия

Для цитирования: Андреева В. А., Андреев И. А. Судьба как движущая сила в сюжете трагедии У. Шекспира «Гамлет» // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 4 (10). С. 84-100. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2021-4-10-84-100>

Original article

Fate as a driving force in the plot of W. Shakespeare's tragedy "Hamlet"

Valeria A. Andreeva^{1✉}, Ilya A. Andreev²

¹Candidate of philological sciences, lecturer at the department of literature, New School. 119192, Moscow, Mosfilmovskaya st. 88, bldg. 5.

²Master of education in the field of "Humanitarian Knowledge", online school "Foxford", 117105, Moscow, Varshavskoe shosse, 1, bldg. 6.

¹seversnegg@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-7599-3794>

²sir.uchitel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5410-9560>

Abstract. This article deals with the role of fate as a driving force in the plot of the tragedy "Hamlet" by W. Shakespeare. Fate in the play is presented in the form of three options: Fortune, Fate and Providence. The first gives or takes away luck, the second pursues a person for crimes committed, the third tests a person, offering remorse to the criminal. The plot of the tragedy combines two lines associated with fate: retribution to the fratricide Claudius and the return of the lands to Fortinbras. The article shows how the distant threat of the young Norwegian's arrival turns out to be the bait of fate for Claudius. The latter, using the threat as an excuse, reduces the period of mourning for the deceased brother and arranges a hasty wedding, which leads to the meeting of Hamlet with the ghost and eventually turns into the death of the new king. It is the haste of Claudius that breaks the usual ideas of the prince and leads the hero to the question "To be or not to be?" In his struggle with fate, Hamlet is above it by virtue of his noble character. He, on the one hand, fulfills his duty to his father, on the other hand, he does not become a blind instrument of revenge. Following fate and fighting it, he defeats it, so in the end, despite the bloodshed, he is worthy of military honors and paradise. Claudius, on the contrary, trying to change his fate, commits crimes over and over again. The author of the article shows how three different images of fate are combined in key episodes. In particular, the scene of the duel between Hamlet and Laertes is analyzed in detail. This article is devoted to the question of how fate in W. Shakespeare's "Hamlet" leads the main criminal (fratricidal Claudius) from crime to punishment, and the main character - from meeting with a ghost to fulfilling the will of the murdered. We also consider the plot of vengeance-trial in the context of the framed plot of returning the land by young Fortinbras.

Keywords: Fortune, Fate, Providence, retribution, nobility, tragedy, W. Shakespeare, "Hamlet"

For citation: Andreeva V. A., Andreev I. A. Fate as a driving force in the plot of W. Shakespeare's tragedy "Hamlet". *World of Russian-speaking countries*. 2021; 4 (10): 84-100. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2021-4-10-84-100>

Роль судьбы в произведениях великого английского драматурга У. Шекспира рассматривалась многократно. Как пишет Т. А. Шустилова, «Существует немалое количество статей, посвященных рассмотрению отдельных аспектов проблемы – философско-религиозных, исторических, лингвистических, театроведческих и собственно литературоведческих, а также отдельных представлений – о Роке, Фортуне, Провидении, звездах – в творчестве Шекспира» [Шустилова, 2017, с. 4].

Учёные порой очень по-разному оценивают роль судьбы даже в одном и том же произведении. Например, Д. Д. Уотерс полагает, что «Ромео и Джульетта» – это трагедия рока, в которой гибель героев предопределена расположением звезд [Waters, 2004]. Дж. Ф. Эндрюс, напротив, показывает, что трагический финал – результат свободного выбора человека, цепи причин и Божией воли [Andrews, 1996]. Другими словами, в произведениях Шекспира могут быть парадоксально соединены свобода и предопределённость, Рок (в античном понимании) и христианское Провидение.

За образом судьбы у Шекспира, конечно, стоит пёстрый ряд представлений, характерный для Англии XVI века. К. Кэннон среди них выделяет доктрину Кальвина о предопределении и рассматривает сценическое действие трагедии «Гамлет» как метафору человеческой жизни, в которой действия человека

лишь кажутся свободными, но при этом полностью подчинены авторскому замыслу [Cannon, 1971]. Важно, что это не отменяет личной ответственности каждого героя за свои проступки. В этой связи интересным нам представляется и мнение В. И. Силецкого, по наблюдениям которого, в «великих трагедиях», «каждая пьеса инсценирует один из семи смертных грехов. В момент максимального влияния неблагоприятной звезды... герой поддается искушению – каждый сообразно своему *humour'u* – и выбирает грех, а потому несет в финале заслуженную кару» [Силецкий, 1994, с. 234]. В определённом смысле это обозначает игру судьбы с человеком и человека с судьбой. Герои пытаются изменить то, что им предначертано, в том числе совершают преступления ради этого, но в итоге лишь реализуют то, что им предназначалось.

Мы пойдём по пути рассмотрения «Гамлета» именно с точки зрения свершения судьбы в контексте смысловой пары «преступление-наказание».

В великой трагедии вопрос об отношении человека к судьбе поставлен главным героем предельно остро:

*Быть или не быть – таков вопрос;
Что благородней духом - покоряться
Працам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут,
сразить их
Противоборством?*
[Шекспир, III, с. 1]

Принц спрашивает себя, как жить: быть борцом или тем, кто со всем смирился. При этом героический путь для него не самоценен. Хотя бы уже потому, что герой не знает вначале точно, каким должен быть смысл борьбы с судьбой. Отказаться от выбора нельзя, для этого нужно было бы «умереть, уснуть», но герою, как и всем людям, неизвестно, что именно будет в этом смертном сне, и он не готов пойти путём самоубийства. Любопытно, что для Гамлета, отвечающего на вопрос о противоборстве судьбе, важным оказывается именно благородство выбора. Благородным в итоге оказывается исполнение судьбы как долга перед отцом, но одновременно герой оставляет себе право не быть слепым орудием. Важно, что выбор пути благородства делает героя противоположностью его дяде – коварному убийце и кровосмесителю Клавдию. Вся пьеса, таким образом, может быть рассмотрена как своего рода поединок антагонистов, представляющих полюса благородства и подлости.

Что же такое благородство в контексте вопроса о судьбе? Т. К. Шах-Азизова видит в умении Гамлета «быть выше своей судьбы» главное свойство героя, отмечает, что на сцене в произведениях всё новых авторов эта драматическая борьба «продолжится в следующих столетиях» [Шах-Азизова, 1994, с. 268]. Нам представляется, что именно благородство дало герою возможность исполнить судьбу и

одновременно её победить. Он не стремился, например, сразу убить дядю, но испытывал его и сразил на поединке, когда сам был уже смертельно ранен. Другими словами, Гамлет оказался выше страсти и в итоге лишь вернул отравителю его яд. Мы впоследствии рассмотрим детали поединка во дворце, чтобы понять, в какой именно момент и почему это произошло.

Клавдий, как мы покажем, совершил убийство брата и женился на Гертруде в силу неприятия своей судьбы в целом и погружённости в страсти. Они им играют, и в этом смысле судьба играет героем, обманывает его. Но в то же время – через Гамлета – его же испытывает, давая раз за разом шанс раскаяться. Клавдий пытается переиграть судьбу на её поле, отменить её, уйти от возмездия, но именно поэтому возмездием оказывается достигнут, причём погибает без покаяния. Подлость как отличительная черта приводит героя к катастрофе – физической и моральной. Судьба опрокидывает все его попытки обмануть её и настигает во всей своей ужасающей неизбежности.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о роли младшего Фортинбраса, с угрозы появления которого начинаются события во дворце. Финал трагедии – реализация этой угрозы, причём в виде прихода норвежца как законного правопреемника датских королей. Именно Фортинбрас воздаёт почести Гамлету и завершает, с одной

стороны, земной путь главного героя, с другой – рамочный, но очень важный сюжет возвращения утраченных земель своего отца. Эта старинная история была связана с поединком и, соответственно, ролью судьбы как Фортуны. В нашей статье мы покажем, как судьба в трагедии Шекспира предстаёт в различных ипостасях (Провидения, Рока и Фортуны), которые в конце концов соединяются.

Анализ развития сюжета трагедии начнём с рассмотрения главной причины, подтолкнувшей Клавдия на совершение преступления. Очевидно, что героем двигала зависть к своему благородному, всеми почитаемому и любимому брату, «идеальному королю». Добавим, что само имя Клавдий переводится с латыни как «Хромой» и образ готового трикстера будет завершён. Гамлет постоянно подчёркивает ничтожность дяди на фоне отца. Свадьбу матери с Клавдием он объясняет тяготению человека к «отбросам». В этом смысле характерно, что вступление на престол дядя Гамлета отмечает выстрелами пушки, которые сопровождают каждый новый кубок вина, выпитый королём. Во всём этом мы видим средневековый «телесный низ», подчинённость Клавдия страстям. Дядя Гамлета в этом смысле пытается изменить, переиграть свою судьбу, хитростью и коварством становится на место своего брата. Причём Гертруда здесь для убийцы становится своего рода ключом. У брата он забирает жену,

власть и жизнь – для Клавдия принципиально получить всё. Гамлет же оказывается недостижимым, он своим существованием напоминает о преступлении и, поэтому изначально становится главным врагом.

Любопытно, что преступление Клавдия косвенно связано с победой отца Гамлета над Фортинбрасом старшим. Учтём, что король Дании много воевал, дома его часто не было. Клавдий этим воспользовался, завёл отношения с Гертрудой. Другими словами, судьба как Фортуна, давшая королю Дании новые земли, оборачивается для него же Роком, отбирающим самое дорогое и вообще всё. Самому Клавдию Рок также приготовил ловушку, и связана она оказывается опять с Фортинбрасом, но уже младшим.

Обратимся к первым сценам трагедии, где новый король Дании говорит о свадьбе. Ясно, что Клавдием, совершающим убийство и берущим в жёны Гертруду, двигают желание власти и давнее стремление поквитаться с братом, которого все считают лучше его. Обычно такого объяснения бывает достаточно для вскрытия смысла действий нового правителя. Нам эта мотивировка представляется в известной степени поверхностной. Дело не только в свадьбе и захвате трона, но именно в поспешности этого, которая, как мы покажем, и запускает основной сюжет трагедии.

По нашему мнению, толкает Клавдия на путь совершения роковых ошибок сама судьба. Первое,

что она делает – подбрасывает братоубийце формальный повод для захвата власти. Угроза со стороны младшего Фортинбраса как бы требует от Клавдия занять место короля и легализует тем самым нарушение норм длительного траура со стороны его и вдовствующей королевы. Об этом говорит тот факт, что король обсуждает в начале пьесы одновременно и свадьбу, и внешнюю угрозу. Конечно, Клавдий не говорит, что Фортинбрас становится причиной его собственной поспешности, он даже принижает значение приготовлений молодого норвежца и старается разделить две темы, говоря «теперь другое, юный Фортинбрас ...» [Шекспир, I, с. 2]. Тем не менее, можно смело утверждать, что внешняя угроза для Клавдия в этот момент выгодна и он именно благодаря ей может сказать: «И неустанно требует от нас возврата тех земель». Курсивом мы выделили слово, показывающее момент словесного присвоения Клавдием власти, статуса короля не только как мужа королевы, но и как хозяина земель, статуса правопреемника «достопамятного брата». Отметим, что Клавдий объясняет свою свадьбу её разумностью:

*Однако разум поборол природу,
И, с мудрой скорбью помня об
умершем,
Мы помышляем также о себе.*
[Шекспир, I, с. 2]

Очевидно, что здесь «разум» противоречит не только природе, но

и нравственному порядку. Это и не разум, а хитрость, способность использовать обстоятельства в корыстных целях под личиной мудрости. И когда такой «разум» впоследствии опрокидывается судьбой, этим доказывается ущербность логики, лишённой моральной основы, – логики греха. В этом плане важно, что по официальной версии отца Гамлета убила змея. Змея как аллегория зла, дьявольского начала показывает, что «разум» Клавдия – это двойственная и лицемерная логика искусителя. Характерно, что Клавдий создаёт в некотором роде «автопортрет», когда описывает своё решение о свадьбе:

*Одним смеясь, другим кручинясь
оком,
Грустя на свадьбе, веселясь над
гробом,
Уравновесив радость и унынье...*
[Шекспир, I, с. 2]

Равновесие – это признак разума, гармонии, но в глазах Клавдия мы видим иное: противоположное их выражение оказывается гротеском. «Мудрость» Клавдия состоит в смешении понятий, ценностей и в итоге в уравнении понятий добра и зла ради политической конъюнктуры. Разные глаза, кстати, как отличительный признак мы можем вспомнить у Воланда. Отметим также психологически важный момент. Для Клавдия как своего рода игрока важно пойти на нарушение привычного порядка траура, чтобы продемонстрировать ловкий

(трикстерский) ум именно в способности сочетать несочетаемое. Угроза Фортинбраса даёт ему такую возможность.

Цинизм Клавдия ставит его в один ряд с другими героями Шекспира, придерживающимися взглядов автора книги «Государь». По словам Макиавелли, правитель «всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны, то есть... по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла» [Макиавелли, 1990, с. 74]. Вот как комментирует этот фрагмент Т. А. Шустилова: «Таким образом, в трудах этого философа разрушается весьма естественная для средневекового человека оппозиция между добром как должным и злом как недолжным, что приводит к изменению содержания самих понятий добра и зла» [Шустилова, 2017, с. 14]. Клавдий похож на Макбета, который перед принятием решения о совершении преступления приходит к мысли о том, что «Добро есть зло, зло есть добро» (“Fair is foul and foul is fair” [Shakespeare, 2003, I, с. 1]).

Далее мы рассмотрим, какие последствия имела поспешная свадьба Клавдия и Гертруды для запуска сюжета возмездия. В первую очередь, нам интересна реакция Гамлета.

Прозорливость принца заключается в том, что он, ещё не зная о преступлении, видит в Клавдии тот

самый «телесный низ», «отбросы», которые, по сути, осквернили святыню. Характерно, что он с осуждением говорит Горацио о грубой традиции пальбы из пушек в связи с каждым новым кубком пирующего короля.

Конечно, Гамлет с начала пьесы обострённо настроен против своего дяди именно в силу поспешности происходящий перемен.

*Два месяца, как умер! Меньше даже.
Такой достойнейший король!*

*Сравнить их
Феб и сатур.*

[Шекспир, I, с. 2]

«Гнусная поспешность» брака обостряет для принца контраст между отцом и дядей, обнажает «гниль» в Датском королевстве, заставляет посмотреть на мать глазами оскорблённого сына:

*О боже, зверь, лишенный разума,
Скучал бы дольше!*

[Шекспир, I, с. 2]

Происходящее переворачивает привычные университетские гуманистические (в рамках позднего средневековья) представления об основах мироздания, добре и зле, Гамлет теперь видит в матери не святыню, а почти животное, в женщине – «бренность», в новой свадьбе – «одр кровосмешения». Очевидно, что это была первая ступенька к вопросу «Быть или не быть?», ведь бренность женщины как источника жизни ставит под сомнение ценность бытия самого героя. Герой, пытаясь

разобраться в своих противоречивых чувствах, вначале сдерживается и говорит себе: «смокни, сердце, скочив мой язык!»

Всё меняется, конечно, после разговора с призраком. Стоит отметить, что Клавдий, нарушив положенный срок траура, буквально заставил тень убитого явиться Гамлету. Принц утверждает, что между гибелью отца и свадьбой не прошло и двух месяцев. Легко предположить, что не минуло и 40 дней – времени траура вдовы по умершему мужу и совпадающего с ним возможного срока скитания неприкаженной души (вспомним, что король не успел причаститься). Итак, призрак к моменту свадьбы ещё бродил по земле, и теперь у него появился повод явиться сыну. О Клавдии убитый заявляет:

*Змей, поразивший твоего отца,
Надел его венец.*
[Шекспир, I, с. 5]

Но наиболее остро он переживает измену жены:

*О гнусный ум и гнусный дар, что
властны
Так обольщать! - склонил
к постыдным ласкам
Мою, казалось, чистую жену...*
[Шекспир, I, с. 5]

Мы видим, что именно предательство Гертруды для призрака оказывается главной причиной посещения принца. Это естественным образом ложится в средневековую концепцию утраты Рая в связи с

соблазнением змеем первой женщины. Призрак является сыну, чтобы тот не просто отомстил, но не допустил превращения постели датских королей в ложе «блуда и кровосмешения». При этом убитый отдельно просит: «...не умышляй на мать свою» [Шекспир, I, с. 5].

Итак, если бы не поспешность свадьбы, Призрак, возможно, после срока траура покинул мир людей. Но Клавдий своими действиями спровоцировал встречу тени с принцем и таким образом приблизил собственную гибель. При этом сам новоиспечённый король попался в ловушку, расставленную для него судьбой. Приманкой, как мы видели, оказались военные приготовления Фортинбраса. Клавдий как самонадеянный игрок, находящийся в плену своей страсти, решил, что настал час его торжества. Маккиавеллиевская закваска не дала герою увидеть в привычном порядке традиции глубинное содержание, касающееся высших и потусторонних сил. В итоге Фортуна обернулась для Клавдия (как в своё время и для отца Гамлета) Роком, а для Гамлета открывшейся необходимостью вершить суд Провидения. Отметим, что, если бы дядя Гамлета не проявил поспешность со свадьбой, трагедии бы просто не было.

Встреча с призраком меняет поведение принца. Он начинает говорить двусмысленными намёками, «эзоповым языком» из-за чего вокруг начинают говорить о болезни

и сумасшествия героя. Вспомним слова Полония:

*О, тут искусства нет.
Что он безумен,
То правда; правда то,
что это жаль...*

[Шекспир, II, с. 2]

Старый царедворец спешит поделиться с королевской четой своей версией причины этого и говорит о влюблённости Гамлета в Офелию в той же сцене, когда к королю возвращаются посланцы из Норвегии.

Малозначительный, на первый взгляд, эпизод с отчётом о посольстве на самом деле показывает слабость Клавдия как политика и полную вовлечённость его в скрытый конфликт с принцем. Престарелый правитель Норвегии, дядя Фортинбраса, очевидным образом обманывает Клавдия, уверяя в том, что с племянником согласован поход лишь против поляков. По существу, над новым королём датчан прямо издаются: военные приготовления против Дании будут продолжены, на них будут потрачены прямую деньги дяди, и при этом норвежцы требуют пропустить их войска на территорию Дании (якобы для войны с Польшей). Клавдий же даже не собирается всерьёз обдумывать эти новости, куда больше его интересует предложение Полония о наблюдении за принцем в разговоре с Офелией.

В диалоге Гамлета с царедворцем, следующем за этим эпизодом,

хорошо виден характер иносказаний и «сумасшествия» принца.

*Полоний
Вы узнаете меня, принц?
Гамлет*

Конечно; вы – торговец рыбой.

*Полоний
Нет, принц.*

Гамлет

*Тогда мне хотелось бы, чтобы вы
были таким же честным человеком.*

[Шекспир, II, с. 2]

Принц говорит о честности как о ценности, которой лишен мир:

*Да, сударь, быть честным при
том, каков этот мир, – это значит
быть человеком, выуженным из
десятка тысяч.*

[Шекспир, II, с. 2]

Полоний отказывается от роли продавца рыбы и таким образом соглашается со своей бесчестностью. Разговор о рыбе, очевидно, выводит нас также к сюжету о рыбаках-апостолах, ловцах человеческих душ, и Гамлет таким образом говорит Полонию о пути истины, на который тот мог бы встать. Но не встанет, так как не поймёт сказанного и продолжит играть свою роль соглядатая. В словах принца мы видим действие Провидения, которое могло бы освободить героев от их ведущей в никуда роли, если бы те сами захотели этого.

Особенно ярко это видно в третьем акте, где, с одной стороны, герой произносит свой знаменитый монолог, с другой происходит постановка

пьесы «Мышеловка», предвкушая которую принц произносит:

*Зрелище – петля,
Чтоб заарканить совесть короля*
[Шекспир, II, с. 2]

Гамлет нужен судьбе для того, чтобы поставить перед Клавдием зеркало совершённого преступления. Гамлет играет названием пьесы:

«Мышеловка». – Но в каком смысле? В переносном. Эта пьеса изображает убийство, совершенное в Вене.

[Шекспир, III, с. 2]

Выражение «переносный смысл», с одной стороны, служит щитом принцу, так как в пьесе «нет ничего предосудительного», с другой стороны, показывает, что переносить смысл сцены Клавдию надо на свои преступления.

Любопытно, кстати, как Офелия комментирует слова Гамлета о пьесе: «Вы отличный хор, мой принц» [Шекспир, III, с. 2]. Очевидно, здесь подразумевается хор античной трагедии, который давал оценку происходящим на сцене событиям с точки зрения, как морали полиса, так и объективного суда судьбы.

После комментария об убийстве и предупреждения Гамлета о сцене соблазнения жены Гонзаго Клавдий встаёт. Он не может вынести взгляда судьбы, устремлённого на него. Если бы Гамлет прямо выставил ему обвинения, новому королю было бы легче. Принц видит страх Клавдия и смеётся над дядей: «Что?

Испугался холостого выстрела!» [Шекспир, III, с. 2]

Пьеса потому и называется «Мышеловкой», что заставляет дядю своим поведением разоблачать себя. Клавдий испытывает страх, потому что не видит прямого врага и не знает, ни каковы сведения Гамлета о совершённом преступлении, ни того, кто принца направил. Наказание короля как преступника, как видим, должно стать, в первую очередь, моральным. Клавдий, уйдя с представления, пытается объяснить с самим собой, своей совестью. Пьеса поставила Клавдия перед лицом выбора: усугубить вину или раскаяться. Судьба (Провидение) даёт братоубийце шанс остановиться и встать на путь правды, но он, конечно, его не использует. В любом случае важно, что «Мышеловка» помогает зрителю увидеть признание Клавдия.

*О, мерзок грех мой, к небу он
смердит;
На нем старейшее из всех
проклятий –
Братоубийство!
Не могу молиться...*
[Шекспир, III, с. 3]

Клавдий колеблется между чувством вины и своими страстями, он с вызовом спрашивает у небес, неужели у них мало милости, чтобы обелить, простить его. Фактически Клавдий действительно может быть прощён прямо сейчас, но для

этого ему надо отказаться от «венца, и торжества, и королевы».

Но король может лишь заставить себя преклонить колени.

Гамлет после постановки «Мышеловки» находит короля, но не убивает его, когда видит стоящим на молитве. Он не желает, чтобы король попал в рай (вспомним, что отец принца был убит без причастия). Клавдий же, поднимаясь с колен, понимает, что мысли его «остаются тут» и раскаяться по настоящему он не может. Мышеловка захлопнулась. Дальше последует лишь обострение ситуации.

Принца после объяснения с матерью и убийства Полония Клавдий отправляет в Англию. Король пытается убить главного героя, но в итоге погибают его собственные посланники, не понимающие, в какую игру они играют.

В диалоге с Розенкранцем и Гильденстерном Гамлет предлагает им сыграть на флейте: *«Это так же легко, как лгать; управляйте этими отверстиями при помощи пальцев, дышите в нее ртом, и она заговорит красноречивейшей музыкой»* [Шекспир, III, с. 2].

Гамлет показывает, что, не умея играть на флейте, они напрасно пытаются играть на нём: «Назовите меня каким угодно инструментом, – вы хоть и можете меня терзать, но играть на мне не можете».

Образ флейты напрямую связан с судьбой. В начале трагедии принц говорит Горацио:

*... ты человек,
Который и в страданиях не
страждет
И с равной благодарностью приемлет
Гнев и дары судьбы; благословен,
Чьи кровь и разум так
отрадно слиты,
Что он не дудка в пальцах
у Фортуны,
На нем играющей.*
[Шекспир, III, с. 2]

Другими словами, Розенкранц и Гильденстерн, сами того не подозревая, как бы пытаются взять на себя роль судьбы, но, конечно, не справляются с этим. Более того, они сами с радостью становятся слепым инструментом в руках короля. Эти персонажи лишены как раз того благородства, которое делает человека свободным, способным стать выше не только человеческих манипуляций, но и игры самой Фортуны.

Гибель бывших университетских товарищей Гамлета может показаться излишней жестокостью автора, но она лишь показывает, насколько опасно брать на себя роль судьбы и при этом не понимать, в какую игру ты играешь.

Вернувшись из Англии, Гамлет в знаменитой сцене с могильщиками вспоминает шута Йорика. Мёртвый шут был похож на самого принца. Двусмысленные реплики главного героя в общении с Полонием и другими персонажами были тоже своего рода шутством: правдой под защитой каламбура.

Череп Йорика намекает на скорую гибель героя.

На кладбище Гамлет встречается с Лаэртом, прощающимся с Офелией. Они спорят о том, кто больше любил погибшую. Клавдий к этому времени уже успел убедить сына Полония в том, что именно Гамлет – его главный враг, сделав из юноши новый инструмент для уничтожения принца.

Далее мы рассмотрим в контексте сюжета возмездия кульминацию трагедии – бой Лаэрта и Гамлета.

Чтобы наверняка убить Гамлета, Клавдий использует яд. Это важно, потому что именно ядом был убит старый король. Клавдий решает снова использовать средство, которое однажды сработало. Очевидно, что по средневековым представлениям поединок должен был стать не только средством защиты чести, но и божьим судом. Вспомним знаменитую сцену боя Тьедри и Пинабеля в «Песне о Роланде», где защитник Ганелона оказывается побеждён, в первую очередь потому, что представлял предателя. Итак, в сцене дуэли мы увидим, не просто бой двух героев, но то, как сойдутся Провидение и человеческое коварство. Точками соприкосновения этих двух сил становятся «случайные» события: дуэлянты меняются мечами, Гертруда пьёт вино, предназначавшееся Клавдием для её сына. Случай – это, конечно, основной инструмент судьбы, который ломает человеческие стратегии и позволяет свершится правосудию.

Гамлет оказывается ранен отравленным клинком Лаэрта и, соответственно, оказывается убит сыном Полония. Почему именно так? Гамлет наказан за грех гнева, итогом которого стала смерть отца Лаэрта. В этом смысле гибель главного героя – это справедливое наказание. Но тут важно то, что уже после того, как Гертруда выпила отравленное вино, а Гамлет заколол короля, умирающий Лаэрт обращается к противнику с просьбой о взаимном прощении:

*Простим друг друга, благородный
Гамлет.*

*Да будешь ты в моей безвинной
смерти*

И моего отца, как я в твоей!

[Шекспир, 8, IV, 2]

С точки зрения позднего средневековья, это очень важно. Ведь таким образом отчасти снимался грех с принца, а для Гамлета был важен вопрос о «посмертных снах».

Интересной оказывается и логика смерти Гертруды. Она изменила отцу Гамлета и должна была быть наказана, но призрак запретил Гамлету мстить ей. Убивает королеву тот, кто благодаря ей стал королём. Важно при этом, что Клавдий, хотя и говорит: «Не пей вина, Гертруда» [Шекспир, 8, V, 2], не пытается реально её защитить. Король совершает предательство по отношению к жене и ведёт себя, как трус.

*Король
(в сторону)*

Отравленная чаша. Слишком поздно.

[Шекспир, V, с. 2]

Клавдий при желании мог бы остановить королеву. Достаточно было выбить кубок или хотя бы не попросить, а потребовать, чтобы она не пила вино. Очевидно, что братоубийца этого не делает, так как боится разоблачения. Итак, дуэль принца с Лаэртом оборачивается испытанием, в том числе, для Короля. Здесь у него был выбор действий, такой же, как после просмотра «Мышеловки», но времени на принятие решений стало гораздо меньше. И само испытание приходит неожиданно. В прошлый раз Клавдий мог ещё торговаться. Он полагал, что сможет сохранить венец, и торжество, и королеву. Но теперь он теряет всё и сразу. В тот момент, когда Гертруда собирается выпить отравленное вино, король мог ещё признаться в преступлении. Его скорее всего судили бы и казнили даже, но он спас бы, по крайней мере, душу. Впрочем, для политика, следующего заповедям Маккиавелли, душа – это абстракция. Итак, для Клавдия кубок Гертруды оказывается последним тестом на раскаяние и готовность признания своей вины. Тест этот король не проходит, показывая зрителю, автору, Богу свою полную несостоятельность как человека. В итоге Клавдий оказывается заколот отравленным клинком. Яд вернулся

к тому, кто его использовал. Судьба как Фартуна отвернулась от героя, как Рок с неизбежностью его настигла, как Провидение испытывала до конца. Клавдий погибает не только без покаяния, но и в момент глубочайшего падения, что, с точки зрения средневековой модели мироздания, обозначает самое страшное воздаяние после смерти.

Любопытно, что в сцене дуэли все остальные герои так или иначе искупают свою вину. Например, Гертруда спасает сына, выпив его чашу с ядом. В этом смысле предупреждение призрака не мстить матери оказывается судьбоносным. Если говорить о Лаэрте, который был виновен, в частности, в использовании отравленного оружия, он вину искупает тем, что перед смертью раскрывает Гамлету коварство короля и опять же просит принца о примирении. Полоний, Розенкранц и Гильденстерн, погибшие раньше, как нам представляется, в своей смерти уже понесли наказание. И только Клавдий погибает не как жертва, но как настоящий преступник.

После разбора сцены дуэли естественным и необходимым будет разобраться в финале трагедии. Как мы помним, после битвы Гамлета и Лаэрта, гибели всех главных героев и фактического уничтожения родового гнезда датских королей на опустевшей сцене появляется, наконец, Фортинбрас. Далёкая и незначительная когда-то угроза, которую Клавдий использовал как

повод для утверждения своей власти, наконец оказалась реализована. Важно, что молодой норвежец фактически не прикладывает никаких усилий для этого. Захват власти происходит бескровно, потому что ведёт героя судьба:

*А я, скорбя, свое приемлю счастье;
На это царство мне даны права,
И заявить их мне велит мой жребий.*
[Шекспир, V, с. 2]

Эти слова являются вариацией на тему подобного высказывания Клавдия в начале трагедии. Вспомним о «мудрой скорби» лукавого короля-временщика. Скорбь Фортинбраса искренняя, так как он хоронит Гамлета, который в его глазах был достоин высших почестей:

*Пусть Гамлета поднимут на помост,
Как воина, четыре капитана;
Будь призван он, пример бы он явил
Высокоцарственный; и в час отхода
Пусть музыка и бранные обряды
Гремят о нем.*
[Шекспир, V, с. 2]

Погибший принц признаёт молодого Норвежца достойным датской короны:

*Вестей мне не узнать. Но предрекаю:
Избрание падет на Фортинбраса;
Мой голос умирающий – ему...*
[Шекспир, V, с. 2]

Похороны Гамлета, которые завершают трагедию, с очевидностью рифмуются с похоронами его отца, на которые опоздал Гораций. Первой по времени траурной процес-

сии мы, по сути, не видим. Отцу Гамлета не были отданы настоящие почести, ибо сделать это не мог преступник. Теперь похороны торжественные и настоящие.

Фортинбрас становится королём, потому что судьба должна восстановить равновесие, нарушенное старым правителем Дании. Да, тот честно победил отца молодого норвежца, но тем самым обездолил его сына. Судьба как Фортуна непостоянна, она запускает неявный вначале процесс подготовки гибели героя и возвращения земель сыну его противника, оборачивается Роком. Любопытно, что такое развитие сюжета становится, в том числе, иллюстрацией к известному выражению из Евангелия от Матфея: «дом, разделившийся сам в себе, не устоит». Дом королей Дании разрушается через коварство брата и измену жены.

Фортинбрас младший получает права на престол, во-первых, потому что достоин этого по оценке Гамлета, во-вторых, – потому что умер тот, кто получил права на земли после победы в бою. Вполне вероятно, что Клавдий, даже став мужем Гертруды, не имел прав на земли, добытые в поединке его предшественником. Их мог наследовать только Гамлет как сын. Значит, Клавдий является вдвойне узурпатором. Нельзя обойти вниманием и тот факт, что помогает молодому норвежцу его дядя. Этот внесценический персонаж является антиподом дяди Гамлета, зеркально

отражает его. Неслучаен диалог Клавдия и старого норвежца через послы в первом акте трагедии.

Отдельно нужно сказать и о роли Горацио в инициации и завершении сюжета трагедии. Именно он приводит Гамлета к призраку и потом появляется вместе с молодым норвежцем. Горация Гамлет оценивает как человека, независимого от судьбы. Этого героя можно назвать медиатором. Он не подчиняется судьбе, как, например, Клавдий – отягчённый страстями человек, но является её прямым проводником, посланником. Имя героя, очевидно, отсылает нас к известному древнеримскому поэту. Другими словами, этот персонаж освещает весь сюжет трагедии литературной традицией. Кроме этого, именно Горацио даёт самую личностную оценку погибшему принцу:

Почил высокий дух.

– Спи, милый принц.

Спи, убаюкан пеньем херувимов!

[Шекспир, V, с. 2]

Фактически устами друга Гамлета говорит сам Шекспир. Мы видим, что благородство главного героя вновь показано как главная отличительная черта, которая позволила ему среди страстей, преступлений и крови, пролитой в том числе им самим, оказаться выше Рока и быть достойным рая.

Итак, мы предприняли попытку рассмотрения сюжета трагедии

«Гамлет» в рамках вопроса о роли судьбы как движущей силы в произведении. Выводы представим в виде ряда положений.

1. Судьба является активно действующей силой, которая провоцирует и испытывает героев. Она представлена в виде трёх вариантов: Фортуны, Рока и Провидения. Первый даёт или отнимает удачу, второй преследует человека за совершённые преступления, третий испытывает человека, предлагая преступнику раскаяние.

2. Сюжет трагедии совмещает две линии, связанные с судьбой: возмездия братоубийце Клавдию и возвращения земель Фортинбрасу.

3. Ключевым моментом, из-за которого на сцене появляется призрак отца Гамлета, сам принц оказывается на острие вопроса «Быть или не быть?» и, собственно, складывается трагедия, является поспешная свадьба Клавдия и Гертруды, которую можно рассматривать как роковую ловушку судьбы для преступника.

4. Гамлет оказывается выше судьбы в силу благородства характера. Он, с одной стороны, исполняет долг перед своим отцом, с другой – не становится слепым орудием мщения. Следуя судьбе и борясь с ней, он побеждает её, поэтому в конце, несмотря на пролитую кровь, оказывается достоин воинских почестей и рая.

Библиографический список

Макиавелли Н. Государь: [Перевод] / Никколо Макиавелли. Москва : Планета, 1990. 79 с. : ил.

Силецкий В. И. Превратности Лахесис (доля-случай-рок) // Понятие судьбы в контексте разных культур. Москва : Наука, 1994. С. 234-236.

Шах-Азизова Т. К. Линия Гамлета, или герой драмы перед лицом рока / Т. К. Шах-Азизова // Понятие судьбы в контексте разных культур / РАН, Науч. совет по истории мировой культуры, Проблем. группа «Лог. анализ яз.» Ин-та языкознания; отв. ред. Н. Д. Арутюнова; [сост. Т. Б. Князевская]. Москва : Наука, 1994. С. 268–277.

Шекспир У. Трагедия о Гамлете, принце Датском / пер. с англ., вступ. статья и примеч. М. Л. Лозинского. URL: <http://lib.ru/SHAKESPEARE/hamlet5.txt>. (Дата обращения: 25.09.2021).

Шустилова Т. А. Проблема судьбы и воли в драматургии У. Шекспира: («Ромео и Джульетта», «Макбет», «Буря»): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.01.03 Литература народов стран зарубежья / Шустилова Татьяна Антоновна. Москва, 2017. 26 с.

Andrews, John P. Falling in Love: The Tragedy of Romeo and Juliet // Classical, Renaissance, and Postmodernist Acts of the Imagination: Essays Commemorating O. B. Hardison, Jr. University of Delaware Press, Newark 1996. P. 177-194.

Cannon Charles K. "As in a Theater": Hamlet in the Light of Calvin's Doctrine of Predestination // Studies in English Literature, 1500-1900, Vol. 11, No. 2, Elizabethan and Jacobean Drama (Spring, 1971). Houston: Rice University Press, 1971. P. 203-222.

Shakespeare William. Macbeth. New York: Simon & Schuster, 2003. 304 p

Waters D. D. Fate and Fortune in Romeo and Juliet // Shakespearean Criticism. Vol. 81. Gale, Detroit, 2004. P. 74-90.

Reference list

Machiavelli N. Gosudar' = Sovereign: [Perevod] / Nikkolo Machiavelli. Moskva : Planeta, 1990. 79 s. : il.

Sileckij V. I. Prevratnosti Lahesis (dolja-sluchaj-rok) = Lachesis's misfortunes (lot-chance-fate) // Ponjatje sud'by v kontekste raznyh kul'tur. Moskva : Nauka, 1994. S. 234-236.

Shah-Azizova T. K. Linija Gamleta, ili geroj dramy pred licom roka = The Hamlet line, or the drama hero facing the fate // Ponjatje sud'by v kontekste raznyh kul'tur / RAN, Nauch. sovet po istorii mirovoj kul'tury, Problem. gruppa «Log. analiz jaz.» In-ta jazykoznanija; otv. red. N. D. Arutjunova; [sost. T. B. Knjazevskaja]. Moskva : Nauka, 1994. S. 268–277.

Shekspir U. Tragedija o Gamlete, prince Datskom = The tragediy of Hamlet, Prince of Denmark / per. s angl., vstup. stat'ja i primech. M. L. Lozinskogo. URL: <http://lib.ru/SHAKESPEARE/hamlet5.txt>. (Data obrashhenija: 25.09.2021).

Shustilova T. A. Problema sud'by i voli v dramaturgii U. Shekspira: («Romeo i Dzhul'etta», «Makbet», «Burja») = The problem of fate and will in Shakespeare's drama: («Romeo and Juliet», «Macbeth», «The Tempest»): avtoreferat dissertacii na soiskanie

uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk: special'nost' 10.01.03 Literatura narodov stran zarubezh'ja / Shustilova Tat'jana Antonovna. Moskva, 2017. 26 s.

Andrews John P. Falling in Love: The Tragedy of Romeo and Juliet // Classical, Renaissance, and Postmodernist Acts of the Imagination: Essays Commemorating O. B. Hardison, Jr. University of Delaware Press, Newark 1996. P. 177-194.

Cannon Charles K. "As in a Theater" : Hamlet in the Light of Calvin's Doctrine of Predestination // Studies in English Literature, 1500-1900, Vol. 11, No. 2, Elizabethan and Jacobean Drama (Spring, 1971). Houston: Rice University Press, 1971. P. 203-222.

Shakespeare William. Macbeth. New York : Simon & Schuster, 2003. 304 p.

Waters D. D. Fate and Fortune in Romeo and Juliet // Shakespearean Criticism. Vol. 81. Gale, Detroit, 2004. P. 74-90.

Статья поступила в редакцию 10.10.2021; одобрена после рецензирования 28.10.2021; принята к публикации 23.11.2021.

The article was submitted on 10.10.2021; approved after reviewing 28.10.2021; accepted for publication on 23.11.2021

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.161.1-93/930.253
doi: 10.20323/2658-7866-2021-4-10-101-111

Мифологемы Востока в художественном сознании М. Горького

Николай Николаевич Иванов

Доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1.
Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Аннотация. Целью работы является актуальная научная историко-литературная проблематика: роль мифопоэтического культурного кода Востока в художественном сознании выдающегося представителя русского неореализма М. Горького. Задачи работы: уточняя дефиницию *культурный мифопоэтический код Востока*, связать мифологемы Востока и художественное сознание, философию, эстетику, образность прозы Горького.

Влияние мифологем Востока на Горького рассмотрено в контексте развития русского неореализма, его художественно-онтологических и эстетических поисков. Обнаружено многообразное воплощение мифологем Востока в виде мотивов, архетипов, образов сочинений Горького.

В статье описаны историко-литературные и лично-биографические мотивы влечения Горького к культурному мифу Востока; установлены порождённые означенным влечением художественные типы произведений Горького; последние представлены в контексте его творческой эволюции. Подходы к художественно-публицистическому наследию, эпистолярию Горького обусловили оригинальный взгляд на проблему писательского мастерства и позволили раздвинуть сложившиеся представления о типе художественного мышления Горького. В работе даны новые оценки ряду известных произведений. Мастерство Горького осмыслено в контексте актуального для русской прозы XX века неомифологизма. Дополнены научные представления о сложных явлениях в русской литературе первой трети XX столетия.

Раскрытые тесные и плодотворные связи мироощущения и творчества Горького с мифом Востока позволили увидеть совсем другие, нежели было принято считать, мировоззренческие и эстетические ориентиры писателя, понять

главное его устремление – ответить на вечные вопросы бытия, мироздания, национального характера.

Работа адресована филологам, литературоведам, исследователям русской литературы, культуры XX века, преподавателям, студентам.

Ключевые слова: русский неореализм, рецепция культурного кода Востока в русской литературе, биография и творчество М. Горького, мифопоэтика, мотив, архетип

Для цитирования: Иванов Н. Н. Мифологемы Востока в художественном сознании М. Горького // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 4 (10). С. 101-111. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2021-4-10-101-111>

CULTURAL SCIENCE

Original article

Mythologems of the East in M.Gorky's artistic consciousness

Nikolai N. Ivanov

Doctor of philological sciences, professor, department of theory and methodology of teaching philological disciplines, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st.,108/1. Claus758@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Abstract. The aim of the work is an important scientific historical and literary problem: the role of the mythopoetic cultural code of the East in the artistic consciousness of M. Gorky, an outstanding representative of Russian neorealism. The objectives of the work are to clarify the definition of the cultural mythopoetic code of the East, to link the mythologems of the East and artistic consciousness, philosophy, aesthetics and imagery of Gorky's prose.

The influence of the mythologems of the East on Gorky is considered in terms of Russian neorealism evolution, its artistic, ontological and aesthetic searches. The author identifies a diverse embodiment of the mythologems of the East in the form of motifs, archetypes, images in Gorky's works.

The description is given of the historical-literary and personal-biographical motives of Gorky's fascination with the Eastern cultural myth; the artistic types of Gorky's works generated by this fascination are established; the latter are presented in the context of his creative evolution. The approaches to Gorky's artistic and journalistic heritage, his epistolary works have given rise to an original view of the writer's creativity and allowed us to broaden the existing ideas about the type of Gorky's artistic thinking. The paper gives a new evaluation to a number of well-known works. Gorky's artistry is considered in the context of neo-mythologism relevant to Russian prose of the XX century. The author has enriched scientific understanding of the complex phenomena in Russian literature in the first third of the XX century.

The close and fruitful connections of Gorky's worldview and creative work with the myth of the East allowed us to see quite a different worldview and aesthetic guidelines

of the writer, to understand his main aspiration, which is to answer the eternal questions of existence, the universe and the national character.

The work is addressed to philologists, literary critics, researchers of the XX century Russian literature and culture, to teachers and students.

Keywords: Russian neorealism, perception of the cultural code of the East in Russian literature, biography and creative work of M. Gorky, mythopoetics, motive, archetype

For citation: Ivanov N. N. Mythologems of the East in M. Gorky's artistic consciousness. *World of Russian-speaking countries*. 2021;4(10):101-111. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2021-4-10-101-111>

Пройдя три круга жизни, найдя благостные силы, автобиографический герой разомкнул «душный круг жутких впечатлений», в который, казалось, навсегда попал в «Детстве», преодолел сиротство. Входя в Большой Мир, он плыл из Астрахани в Нижний, в финале трилогии – обратно, вступил в новый круг, ещё более широкий: «Благополучно доплыли до берегов Каспия» [Горький, 1949–1955. Т. 13, с. 638].

Восток – культурные коды и смыслы, мифологемы – существенно влиял на творческое сознание М. Горького, отразился в его художественном мире. Восток важен для Горького как один из полюсов культуры мировой, в его противопоставлении Западу. И Восток интересен Горькому как ёмкое образное воплощение одной из ведущих национальных духовных черт русского человека. Горький сумел проецировать русский менталитет на тот огромный мир, который мы называем Востоком. Представления Горького о Востоке, как и о Западе, как и о национальном менталитете

русского народа, следует оценивать в контексте его художественных поисков, определяя тем самым самобытное восприятие Горьким Востока, обнаруживая многообразное воплощение его в творчестве.

Творчество Горького, центральное его творение, повесть «Жизнь Клима Самгина», активно осваиваются в Китае [Гуансюань Жэнь, 2020; Ван Цзе-чжи, 2020; Ли Цзяньган, 2020]. Переосмысливаются отечественными учёными [Крюкова, 2020], [Спиридонова, Спиридонова, 2016а; Спиридонова, 2016б], [Иванов, 1997; Иванов, 2019] и европейскими [Lauer, 2008; Kasack, 1988; Kasack, 1991]. В последние годы много и разноаспектно написано о национальных, образующих русский менталитет ценностях [Бородкин, 2018], [Нежданый, как цветок ... , 2020], о роли национальной культуры [Иванов, 2017б], дохристианской, внехристианской языческой культуры в формировании художественных типов Горького [Иванов, 2017в], о собственно мифопоэтической парадигме его художественно-

го сознания и творчества [Иванов, 2017а; Иванов, 2018].

Говоря о влиянии религиозных представлений на «строй поэзии древних», начинать надо, писал Горький, «и с древнейших мифов Востока» [Горький, 1949–1955. Т. 27, с. 494]. Писатели активно интересовались религиозными течениями и философскими концепциями. Среди продуктивных в художественном мире Горького мифологем выделим долю и судьбу, поиски иного царства. О масштабности таких увлечений можно судить по материалам Личной библиотеки в московском Доме-музее писателя, по упоминаниям книг религиозного, философского характера, по эпистолярному наследию. В 1899 году, посетовав И. Е. Репину на нехватку в современной литературе «оригинально русского, исключительно русскому духу присущего», Горький заявил о своей вере в «национальность характера» [Переписка М. Горького, 1986. Т. 1, с. 118]. В письме Харциеву (май 1912) акценты расставлены точнее: «Странное дело: века народ русский поет и плачет о Доле, века тщится одолеть Судьбу и подчиняется ей, побежденный, а наши фольклористы по сей день не дали сборника «Песен о Доле», и нет книги «Национальное представление славян о Доле и Судьбе» <...> Надобно бы нам заняться изучением корней психики и мироощущения народа-то нашего!» [Горький, 1949–1955. Т. 29, с. 241]. Половину

психики и мироощущения русского народа Горький возводил к Востоку.

В письме Б. А. Верхоустинскому (август 1910) раскрыл свое понимание связей народного характера и мифологемы Опоньского (Японского) царства, воспринятую русским национальным сознанием из культуры Востока: «Лука». Превосходная тема <...> Очень опасная <...> Искания «Опоньского царства – исконное русское дело <...> из-за этого-то искания мы и безжизненны с европейской точки зрения, оно-то и объясняет наш пагубный пассивизм. Это – национальная болезнь, нечто историческое и неотъемлемо присущее нам» [Горький, 1949–1955. Т. 29, с. 124].

В ценностной оппозиции Запад – Восток как формуле, погружающей в глубины национального бытия, Горький противопоставил Франциска из Ассизи и тех русских святых, которые «не любят жизни», потому что «Восток – пессимистичен, пассивен» [Переписка М. Горького, 1986. Т. 2, с. 112]. Многие ментальные ценности славянского мира осмыслены Горьким критически, что отразило его концепцию духовного развития России. Созерцательная позиция, пассивизм, склонность пращуров русского народа к поэтизации неспешной жизни преодолеваются, с сожалением отмечал Горький, временно, в ситуации опасности. Не менее критично расценено им убеждение древних в неколебимой предрасположенности сущего, стимулиро-

вавшее фатализм как национальную черту, мешающую, по мнению Горького, торжеству духовной энергии. В письме Е. П. Пешковой (1910) он назвал Россию страной, «насквозь пропитанной фатализмом» [Переписка М. Горького, 1986. Т.1, с. 425]. В 1911 году Горький обратил внимание А. В. Луначарского на особенности русского фольклора, который «пропитан фатализмом <...> учение о судьбе, Долях, Горе-Злочастье и общее, всюду в сказках и песнях выраженное убеждение в том, что воля человека – бессильна в борьбе с окружающими её таинственными и непобедимыми волями» [Переписка М. Горького, 1986. Т.1, с. 441]. Отсюда – получившая мистическое звучание горьковская концепция «двух душ» русских людей, развернутая в статье «Две души» [Горький. Две души, 1915], замечания о «безалаберной русской крови» [Переписка М. Горького, 1986. Т.2, с. 246] и мн. др. Неудивительно, что у писателя, с давних лет мечтавшего о Солнце, Свободе, подобные впечатления окрашены страдальческими эмоциями. В том же письме Луначарскому: «У лучших представителей нашей литературы – преобладает мироощущение фаталистическое <...> такие колоссы, как, например. Толстой, – вполне национальны <...> русская интеллигенция наиболее дееспособна и духовно бодр именно тогда, когда она живет активными идеями и настроениями Запада. Тут – как бы борьба

двух кровей: арийской-славянской, побуждающей к возрождению и слиянию с Западом – и монгольской – отравленной фатализмом, стремящейся к покою» [Переписка М. Горького, 1986. Т. 1, с. 441, 442]. В означенном ракурсе им была воспринята и смерть Толстого: «Ты знаешь, как ненавистна мне эта проповедь пассивного отношения к жизни, ты должна понять, как пагубны буддийские идеи в стране, насквозь пропитанной фатализмом», – поделился Горький с Е. П. Пешковой. Но в чем же состоит фатализм страны? Не придумал ли его сам Горький? В том же письме о Толстом: «Но, как национальный гений, он отразил в себе все дурные свойства нации, все уродства, нанесенные ей историей, и его проповедь – отрывка древности глубокой, кипение татаро-финской крови, коя, видимо, химически враждебна Западу» [Переписка М. Горького, 1986. Т.1, с. 425].

Приведенные рассуждения противоречивы и полемичны, они воспроизводят убеждения Горького. Или русская интеллигенция понимается им субъективно, или «лучшие представители нашей литературы» к русской интеллигенции не принадлежат; вероятно, Л. Толстой и Ф. М. Достоевский жили «активными идеями и настроениями Запада». И в каких книгах самого Алексея Максимовича выведена такая интеллигенция? Не Самгин ли стремится к слиянию с Западом?

Или сам Горький? И у которого из них арийская кровь?

В творчестве очерченные идеи реализованы последовательно, разносторонне: в Окуровской диалогии, в рассказах цикла «По Руси», в автобиографической трилогии и в повести «Жизнь Клим Самгина». «Федосова начала сказывать о ссоре рязанского мужика Ильи Муромца с киевским князем Владимиром. Самгин, снова очарованный, смотрел на колдовское, всеми морщинами говорящее лицо <...> Умом он понимал, что ведь матёрый богатырь из села Карачарова, будучи прогневан избалованным князем, не так, не этим голосом говорил, и, конечно, в зорких степных глазах его не могло быть такой острой иронической усмешечки...» [Горький, 1987. Т. 8, с. 773]. Почему вдруг Илья Муромец – рязанский мужик? Неосведомленность Самгина в вопросах былинной географии? Муром, Карачарово – севернее. Желание Горького открыть в мифологизированном персонаже былинного эпоса те свойства и черты, которых в нём, возможно, отсутствуют? Двинуть Илью из леса ближе к степи. Вот уже и глаза у него «зоркие степные». А, вдруг, раскосые? Почему бы и нет? Еще немного, и закипит в жилах Ильи наряду с арийской какая-нибудь степная кровь: «татарская» ли, полонецкая – всё едино. Главное, что степная. В статье «Две души» читаем: «Европеец – вождь и хозяин своей мысли; человек Востока –

раб и слуга своей фантазии <...> я слишком глубоко верю в силы разума, исследования, деяния, для того, чтобы считать временное – вечным <...> Отношение человека к деянию – вот что определяет его культурное значение, его ценность на земле» [Горький. Две души, 1915, с. 123, 126, 129]. И далее: «У нас, русских, две души: одна – от кочевника-монгола, мечтателя, мистика, лентяя, убежденного в том, что «Судьба – всем делам судья» <...> а рядом с этой бессильной душой живет душа славянина, она может вспыхнуть красиво и ярко, но недолго горит, быстро угасая, и мало способна к самозащите от ядов, привитых ей, отравляющих ее силы» [Горький. Две души, 1915. с. 132, 133].

В статье «Две души» писатель назвал человека Востока творцом основных религий; но и мысль автора «Двух душ» приведена в соответствии эталону Востока. Объяснение души человека кровью – черта восточного менталитета, восточной культурной традиции: «Душа тела в крови» [Лев. XVII, 11]; «Кровь есть душа» [Втор. XVI, 23].

«Он сам, своими «Двумя душами» и своей «Летописью», не оказывается ли тем пассивным и бездеятельным славянином, мрачный пессимизм, слабоволие и пассивность которого столь настойчиво противопоставляются яркой активности воюющего Запада?» – откликнулся на статью Горького Л. Н. Андреев [Андреев. О «Двух душах»

М. Горького, 1916, с. 110]. 9 марта 1916 года Горький писал В. Брюсову по поводу обсуждаемой статьи «Две души»: «Я знаю, что статья написана неумело и что вообще публицистика – не моя работа. Я чувствую лучше, чем говорю и делаю, – несчастье многих» [Горький, 1949–1955. Т. 29, с. 354]. Перефразируя, допускаем, что автор приведенных строк «раб и слуга своей фантазии». Творчество подтверждает, что на главные для себя вопросы Горький однозначно не ответил: «Все это – «никудашный народ», мечтатели, ожидающие счастливого случая, доброй улыбки судьбы, или – лентяи, опьянённые широким простором богатой земли, пленники русской страсти к бродяжеству» [Горький, 1987. Т. 4, с. 406, 407]. Эти типы существуют по своей географии: «По стене хаты расползлись трещины и вместе с язвами выкрошившейся известки сделали стену картой какой-то неведомой страны» [Горький, 1987. Т. 4, с. 433]. С. В. Максимов писал, что русское странничество выше логики и здравого смысла [Максимов, 1903]. Автобиографический герой Горького стремится «уйти поскорее в тихую пустынную степь и <...> шагать одиноко по твердой дороге к серебряной стене утонувших в небегор» [Горький, 1987. Т. 4, с. 435]. Трагизм горьковских искателей иного (опоньского) царства в том, что их «начальная беда» или «недостача» редко ликвидируются, а душевное смятение толкает в путь.

Критик А. Басаргин (А. И. Введенский) объяснял тоску героев Горького «аскетическим стремлением русского человека уйти из мира» [Моск. ведомости, 1898]. У Горького это влечение более сложное и активное: он заставляет героев искать неведомую землю и вовне, и внутри себя. «У меня в сердце птица поёт – иди, иди!» [Горький, 1987. Т. 4, с. 473]; «зовет сердце» [Горький, 1987. Т. 4, с. 851] куда-то. Душа ли, земля толкают и направляют людей; и они, сдавшись, тянутся на юг – к морю, Кавказскому хребту, «иным чудесным землям» [Горький, 1987. Т. 4, с. 405], или в Сибирь, или ещё дальше на Восток. Обретение себя, земли дается внезапно, как желанное откровение, а красота природы становится тогда критерием внутреннего богатства человека. «Степь точно шелками вышита; когда смотришь на неё и в синеву над нею – невольно, сами собою напрягаются мускулы, хочется встать и, закрыв глаза, – идти, без конца идти, с тихой, о чем-то грустном песней на устах» [Горький, 1987. Т. 4, с. 450]. Степь – атрибут восточного, не европейского пейзажа. Величие Большого Мира (степь, синева над нею) побуждает рассказчика закрыть глаза и устремить взор в себя, иначе говоря, прекрасное извне – импульс для само- и миро-созерцания. Сходное мироощущение растворено в художественности называвшихся Окуровской диалогии,

рассказах «По Руси» и других произведениях.

Горький, реализуя своё интуитивное влечение к духовным первоистокам национального бытия, черпал знания и в мифопоэтике Востока. И это привело его к ярким творческим достижениям. Избранная тема думается, активно, содей-

ствует реализации повсеместно ныне признанного исследователями устремления – создать целостную картину литературы XX века без купюр и умолчаний, обнаружить духовные стимулы её развития, преодолеть порочные, исходящие от идеологии социологические подходы к литературе.

Библиографический список

Андреев Л. О «Двух душах» М. Горького // Современный мир. 1916. №1. С. 108-112.

Бородкин А. В. Духовное наследие Афона в отечественной и переводной исследовательской литературе и публицистике // Дошкольное и начальное образование: расширение образовательной среды: Сборник статей Международной научной конференции «Чтения К. Д. Ушинского» (март 2018). Часть 1. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. С. 181–186.

Ван Цзе-чжи. Значение творчества Максима Горького в современной китайской литературе // Мировое значение М. Горького / Международная научная конференция, приуроченная к 150-летию со дня рождения писателя / Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Москва. 28–30 марта 2018 г. Москва : ИМЛИ РАН, 2020. 384 с.

Горький М. Две души // Летопись. 1915. №1 (декабрь). С. 123-134.

Горький М. Собрание сочинений : [в 30 томах]. Москва : ГИХЛ, 1949–1955. 15240 с.

Горький М. Собрание сочинений : [в 12 томах]. Москва : Современник, 1987. 10000 с.

Гуансюань Жэнь Преподавание творчества М. Горького в университетах Китая // Мировое значение М. Горького / Международная научная конференция, приуроченная к 150-летию со дня рождения писателя ; Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Москва, 28–30 марта 2018 г. Москва : ИМЛИ РАН, 2020. 384 с.

Иванов Н. Н. М. Горький путешественник и философ: мифопоэтическая парадигма художественного мира : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. 107 с.

Иванов Н. Н. Мифопоэтика в художественном сознании М. Горького // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 2. С. 40–47.

Иванов Н. Н. Мифопоэтическая парадигма художественных поисков в литературе русского неореализма // Верхневолжский филологический вестник. 2017а. № 1. С. 28–31.

Иванов Н. Н. Мифотворчество русских писателей. М. Горький, А. Н. Толстой : монография. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 1997. 145 с.

Иванов Н. Н. Мотивы и образы национальной культуры в прозе русского неореализма // Вестник Костромского государственного университета: научно-

методический журнал. Том 23. 2017г. Volume 23. № 4. Октябрь – Декабрь. С. 101–104.

Иванов Н. Н. Языческая культура в прозе М. Горького // Верхневолжский филологический вестник. 2017г. № 3. С. 16–19.

Крюкова О. С. Репрезентация доминант национальной идентичности в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Мировое значение М. Горького / Международная научная конференция, приуроченная к 150-летию со дня рождения писателя / Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Москва, 28–30 марта 2018 г. Москва : ИМЛИ РАН, 2020. 384 с.

Ли Цзяньган Переосмысление мирового значения М. Горького в Китае // Мировое значение М. Горького / Международная научная конференция, приуроченная к 150-летию со дня рождения писателя / Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН. Москва, 28–30 марта 2018 г. Москва : ИМЛИ РАН, 2020. 384 с.

Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Санкт-Петербург : т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 526 с.

Московские ведомости, 1898. 10 окт.

Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют: семейный дискурс русской и мировой литературы: монография / научн. ред. Е. М. Болдырева. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 271 с.

Переписка М. Горького : [в 2 томах]. Москва : Художественная литература, 1986. 928 с.

Спиридонова Л. А. Горьковедение на рубеже веков. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/533633.html>. (Дата обращения: 02.12.2021).

Спиридонова Л. А. Горьковедение на современном этапе развития // Studia Litterarum. 2016а. Том 1, № 3–4. Научная жизнь. С. 419–433.

Спиридонова Л. А. Настоящий Горький: мифы и реальность. 2-е изд., измен. Нижний Новгород : ООО «БегемотНН», 2016б. 384 с.

Kasack Wolfgang. Die Russische Literatur des 20. Jahrhunderts in deutscher Sprache : Band 2. 450 Kurzrezensionen von Uebersetzungen 1984-1990 / Wolfgang Kasack . Muenchen : Otto Sagner, 1991. 283 s.

Kasack Wolfgang. Lexikon der russischen Literatur ab 1917», London : Overseas Publications Interchange, 1988. 922 s.

Lauer Reinhard : Geschichte der russischen Literatur. Sonderausgabe. 2. München: Auflage. C. H. Beck, 2008.

Reference list

Andreev L. O «Dvuh dushah» M. Gor'kogo = On M. Gorky's Two Souls // Sovremennyj mir. 1916. №1. S. 108-112.

Borodkin A. V. Duhovnoe nasledie Afona v otechestvennoj i perevodnoj issledovatel'skoj literature i publicistike = The spiritual heritage of Mount Athos in Russian and translated scientific literature and journalism // Doshkol'noe i nachal'noe obrazovanie: rasshirenie obrazovatel'noj sredy: Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Chtenija K. D. Ushinskogo» (mart 2018). Chast' 1. Jaroslavl' : RIO JaG-PU, 2018. S. 181–186.

Van Cze-chzhi *Znachenie tvorcestva Maksima Gor'kogo v sovremennoj kitajskoj literature = The significance of Maxim Gorky's work in modern Chinese literature // Mirovoe znachenie M. Gor'kogo / Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija, priurochennaja k 150-letiju so dnja rozhdenija pisatelja / Institut mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo RAN. Moskva. 28–30 marta 2018 g. Moskva : IMLI RAN, 2020. 384 s.*

Gor'kij M. *Dve dushi = Two souls // Letopis'. 1915. №1 (dekabr'). S. 123-134.*

Gor'kij M. *Sobranie sochinenij = Collected works : [v 30 tomah]. Moskva : GIHL, 1949–1955. 15240 s.*

Gor'kij M. *Sobranie sochinenij = Collected works: [v 12 tomah]. Moskva : Sovremennik, 1987. 10000 s.*

Guansjuan' Zhjen' *Prepodavanje tvorcestva M. Gor'kogo v universitetah Kitaja = Teaching M. Gorky's work at Chinese universities // Mirovoe znachenie M. Gor'kogo / Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija, priurochennaja k 150-letiju so dnja rozhdenija pisatelja ; Institut mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo RAN. Moskva, 28–30 marta 2018 g. Moskva : IMLI RAN, 2020. 384 s.*

Ivanov N. N. *M. Gor'kij puteshestvennik i filosof: mifopojeticheskaja paradigma hudozhestvennogo mira = M. Gorky, a traveler and philosopher: the mythopoetic paradigm of the artistic world : monografija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019, 107 s.*

Ivanov N. N. *Mifopojetika v hudozhestvennom soznanii M. Gor'kogo = Mythopoeitics in M. Gorky's artistic consciousness // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. № 2. S. 40–47.*

Ivanov N. N. *Mifopojeticheskaja paradigma hudozhestvennyh poiskov v literature ruskogo neorealizma = Mythopoetic paradigm of artistic pursuits in the literature of Russian neorealism // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2017a. № 1. S. 28–31.*

Ivanov N. N. *Mifotvorcestvo russkih pisatelej. M. Gor'kij, A. N. Tolstoj = Mythmaking of Russian writers. M. Gorky, A. N. Tolstoy : monografija. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 1997. 145 s.*

Ivanov N. N. *Motivy i obrazy nacional'noj kul'tury v proze ruskogo neorealizma = National culture motifs and images in the prose of Russian neorealism // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta: nauchno-metodicheskij zhurnal. Tom 23. 2017b. Volume 23. № 4. Oktjabr' – Dekabr'. S. 101–104.*

Ivanov N. N. *Jazycheskaja kul'tura v proze M. Gor'kogo = Pagan culture in the prose of M. Gorky // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2017v. № 3. S. 16–19.*

Krjukova O. S. *Reprezentacija dominant nacional'noj identichnosti v romane M. Gor'kogo «Zhizn' Klima Samgina» = Representation of national identity dominants in M. Gorky's novel Klim Samgin's Life // Mirovoe znachenie M. Gor'kogo / Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija, priurochennaja k 150-letiju so dnja rozhdenija pisatelja / Institut mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo RAN. Moskva, 28–30 marta 2018 g. Moskva : IMLI RAN, 2020. 384 s.*

Li Czjan'gan *Pereosmyslenie mirovogo znachenija M. Gor'kogo v Kitae = Redefining the global significance of M. Gorky in China // Mirovoe znachenie M. Gor'kogo / Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija, priurochennaja k 150-letiju so dnja rozhdenija pisatelja / Institut mirovoj literatury im. A. M. Gor'kogo RAN. Moskva, 28–30 marta 2018 g. Moskva : IMLI RAN, 2020. 384 s.*

Maksimov S. V. Nechistaja, nevedomaja i krestnaja sila = Evil, unknown, and divine powers. Sankt-Peterburg : t-vo R. Golike i A. Vil'borg, 1903. 526 s.

Moskovskie vedomosti = Moscow bulletin. 1898. 10 okt.

Nezhdannij, kak cvetok nad bezdnoj, ochag semejnij i ujut: semejnij diskurs russkoj i mirovoj literatury = Unexpected, like a flower above the abyss, family hearth and comfort: the family discourse of Russian and world literature : monografija / nauchn. red. E. M. Boldyreva. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. 271 s.

Perepiska M. Gor'kogo = M. Gorky's correspondence : [v 2 tomah]. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1986. 928 s.

Spiridonova L. A. Gor'kovedenie na rubezhe vekov = Gorky studies at the turn of the centuries. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/533633.html>. (Data obrashhenija: 02.12.2021).

Spiridonova L. A. Gor'kovedenie na sovremennom jetape razvitija = Gorky studies at contemporary stage // Studia Litterarum. 2016a. Tom 1, № 3–4. Nauchnaja zhizn'. S. 419–433.

Spiridonova L. A. Nastojashhij Gor'kij: mify i real'nost' = Real Gorky: myth and reality. 2-e izd., izmen. Nizhnij Novgorod : OOO «BegemotNN», 2016b. 384 s.

Kasack Wolfgang. Die Russische Literatur des 20. Jahrhunderts in deutscher Sprache : Band 2. 450 Kurzrezensionen von Uebersetzungen 1984-1990. Muenchen : Otto Sagner, 1991. 283 s.

Kasack Wolfgang. Lexikon der russischen Literatur ab 1917», London : Overseas Publications Interchange, 1988. 922 s.

Lauer Reinhard Geschichte der russischen Literatur. Sonderausgabe. 2. München: Auflage. C. H. Beck, 2008.

Статья поступила в редакцию 25.10.2021; одобрена после рецензирования 05.11.2021; принята к публикации 23.11.2021.

The article was submitted on 25.10.2021; approved after reviewing 05.11.2021; accepted for publication on 23.11.2021

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.20323/2658-7866-2021-4-10-112-126

**Лианозовский биографический миф
в романе Владимира Сорокина «Голубое сало»**

Юлия Витальевна Ткачук¹, Алексей Сергеевич Бокарев²[✉]

¹Студентка филологического факультета ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

²Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1.

¹julia1732000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1755-5286>

²asbokarev@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

Аннотация. В статье в ракурсе биографического мифа исследуется один из ключевых эпизодов романа В. Сорокина «Голубое сало» (1999), где в качестве персонажей фигурируют видные представители советского неподцензурного искусства – участники лианозовской группы Евгений Кропивницкий, Оскар Рабин, Игорь Холин, Генрих Сапгир и Всеволод Некрасов. Доказывается, что культивируемая в произведении лианозовская «биографическая легенда» формируется на основе трех равноправных и взаимосвязанных сем: «маргинальности», «оппозиционности официальному искусству» и «претензии на эстетическое превосходство». Первая сема «высвечивает» тюремное прошлое И. Холина и непростые отношения с законом О. Рабина; вторая акцентирует противопоставленность андеграундного искусства любым «разрешенным» формам словесности; третья абсолютизирует его художественное первенство и авангардистский характер. В качестве источников обрисованного в романе мифа анализируются мемуарные свидетельства, собранные В. Пивоваровым в альбоме «Холин и Сапгир ликующие», метапоэтические тексты лианозовцев, характеризующие литературный быт эпохи (например, статья Вс. Некрасова «<В Лианозово меня привезли осенью 59...>»), а также их художественное творчество (стихи и картины). Выявляется мифотворческая стратегия В. Сорокина, предполагающая, с одной стороны, редукцию биографических образов до нескольких наиболее выразительных качеств (в силу чего они получают одномерными), с другой – подмену конвенциональных кодов окказиональными или их «удвоение» (доведение до смыслового предела).

Ключевые слова: авангард, Лианозовская группа, Е. Кропивницкий, Вс. Некрасов, О. Рабин, Г. Сапгир, И. Холин, В. Сорокин, «Голубое сало», биографический миф

Для цитирования: Ткачук Ю. В., Бокарев А. С. Лianoзовский биографический миф в романе Владимира Сорокина «Голубое сало» // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 4 (10). С. 112-126. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2021-4-10-112-126>

Original article

Lianozovo biographical myth in Vladimir Sorokin's novel “Blue Lard”

Yulia V. Tkachuk¹, Aleksey S. Bokarev²[✉]

¹Student at the faculty of philology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st.,108/1.

²Candidate of philological sciences, associate professor, department of Russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st.,108/1.

¹julia1732000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1755-5286>

²asbokarev@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

Abstract. The article examines one of the key episodes of V. Sorokin's novel “Blue Lard” (1999) from the perspective of the biographical myth. In the novel, some prominent representatives of Soviet uncensored art appear as characters. They are members of the Lianozovo group Evgeny Kropivnitsky, Oskar Rabin, Igor Kholin, Genrikh Sapgir, and Vsevolod Nekrasov. It is argued that the Lianozovian “biographical legend” cultivated in the work is formed on the basis of three equal and interrelated semes: “marginality”, “opposition to official art”, and “claims of aesthetic superiority”. The first seme “highlights” I. Holin's past as a prisoner and O. Rabin's complicated relationship with the law; the second emphasizes the opposition of underground art to any “permitted” forms of literature; the third absolutizes its artistic primacy and avant-garde character. The sources of the myth outlined in the novel are analyzed through the memoirs collected by V. Pivovarov in his album Holin and Sapgir jubilant, metapoetic texts by the Lianozovites featuring the literary life of the era (for example, V. Nekrasov's article “<They brought me to Lianozovo in autumn 59...>”) and their literary works (poems and paintings). V. Sorokin's myth-making strategy involves, on the one hand, reducing biographical images to a few of their most expressive qualities (which makes them one-dimensional) and, on the other hand, replacing conventional codes with occasional ones or “doubling” them (bringing them to their semantic limit).

Keywords: avant-garde, Lianozovo group, E. Kropivnitsky, V. Nekrasov, O. Rabin, G. Sapgir, I. Holin, V. Sorokin, “Blue Lard”, biographical myth

For citation: Tkachuk Y. V., Bokarev A. S. Lianozovo biographical myth in Vladimir Sorokin's novel “Blue Lard”. *World of Russian-speaking countries*. 2021;4(10):112-126. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2021-4-10-112-126>

**Введение: принципы изучения
биографии писателя
и семный состав
лианозовского мифа**

Изучение творческой биографии писателя в современном литературоведении опирается на суждения Б. В. Томашевского и Ю. М. Лотмана о соотносительности в ней «жизненной правды» и «художественного вымысла». Общеизвестно, что в эпохи «индивидуализации творчества» (например, в романтизме или модернизме) на передний план выдвигаются имя и личность автора, а «интерес читателя от произведения простирается и на творца» [Томашевский, 1923, с. 6]. Осознавая биографическую реальность как «постоянный экран для... произведений», пишущий, с одной стороны, «инсценирует» мотивы своего творчества в собственной жизни, с другой – создает себе «искусственную биографию-легенду с намеренным подбором реальных и вымышленных событий» [Томашевский, 1923, с. 6–7]. Именно «биографическая легенда» оказывается важнейшим фактором, определяющим не только писательское поведение, но и восприятие публикой как самого этого поведения, так и литературных текстов – в особенности лирических [Лотман, 1992]. Отсюда представление о двух типах биографии: творимый художником миф о себе противопоставляется «послужному списку» частного человека. Тогда как «документальные» жизнеописания неизбежно

«отходят в область истории культуры», замещающие их «предания» продолжают пользоваться читательским спросом и могут становиться объектом литературоведческого анализа [Томашевский, 1923, с. 9].

На основании характера и степени участия писателя в мифологизации собственной судьбы принято разграничивать автобиографический и биографический мифы [Доманский, 2000; Никитина, 2006]. По мнению Ю. В. Доманского, первый конструируется самим автором и интерпретируется как «исходная сюжетная модель», соотносимая с «событиями его жизни» и «получающая многообразные трансформации в <...> творчестве»; второй же создается «не только и не столько... художником, сколько его (в самом широком смысле) биографами» – мемуаристами, литературными критиками, представителями СМИ... (*в понимании автобиографического мифа Ю. В. Доманский придерживается определения Д. М. Магомедовой – Ю. Т., А. Б.*) [Доманский, 2000, с. 3–4; Магомедова, 1998, с. 7]. Иными словами, «биографический миф оказывается безусловно шире мифа автобиографического, ибо творится в соавторстве», являя собой «акт сотворчества художника и читательской аудитории» [Доманский, 2000, с. 4]. Источниками его могут служить как реальные факты из жизни писателя, так и разнообразные фикциональные (стихи и проза) и нефикциональные

(дневники, письма, интервью и проч.) тексты. Структуру подобных мифов удобно рассматривать как набор системно организованных сем – например, главной и второстепенных, – складывающихся из целого ряда мотивов (так, центром биографического мифа о советском рок-музыканте А. Башлачеве становится сема «поэт», которой сопутствуют, наряду с другими, «смерть» и «самоубийство», – формируемые мотивами предощущения гибели, вечного сна, любви и т. д. [Доманский, 2000, с. 8, 24–26]).

В настоящей статье в ракурсе биографического мифа рассматривается один из ключевых эпизодов романа Владимира Сорокина «Голубое сало», где в качестве персонажей фигурируют видные представители советского неподцензурного искусства – участники лианозовской группы Евгений Кропивницкий, Оскар Рабин, Игорь Холин, Генрих Сапгир и Всеволод Некрасов. Воссоздаваемая в произведении «биографическая легенда» формируется на основе трех равноправных и взаимосвязанных сем: «маргинальности», «оппозиционности официальному искусству» и «претензии на эстетическое превосходство». Первая сема «высвечивает» тюремное прошлое Холина и непростые отношения с законом Рабина; вторая акцентирует противопоставленность андеграундного искусства любым «разрешенным» формам словесности; третья абсолютизирует его художественное

первенство и авангардистский характер. Выявление источников обрисованного в романе мифа на материале анализа мемуарных свидетельств, собранных В. Пивоваровым в альбоме «Холин и Сапгир ликующие», метапоэтических текстов лианозовцев, характеризующих литературный быт эпохи (например, статьи Вс. Некрасова «<В Лианозово меня привезли осенью 59...>»), а также их художественного творчества как раз и будет нашей главной задачей.

Появление участников группы в романе В. Сорокина происходит ближе к концу книги, после того, как некая ААА (имеется в виду А. Ахматова) родила на свет «черное матовое яйцо» своего творческого наследия, которое съедает рыжий мальчик Иосиф (будущий нобелевский лауреат Бродский). Обескураженные этим событием Белка, Женя и Андрюха (поэты-шестидесятники Б. Ахмадулина, Е. Евтушенко и А. Вознесенский), упустившие возможность первыми съесть яйцо, чтобы стать «большими поэтами», отправляются пить пиво (за исключением Белки, которая в отчаянии уходит). Между двумя «заплеванными павильонами» героев настигает, вводя в состояние ужаса, «зловещая лианозовская шпана»: Генрих-Вертолет, Холя, Оскар-Богомаз и Севка-Мямя в главе с «паханом» Крапивой (чьи прозвища недвусмысленно указывают на Г. Сапгира, И. Холина, О. Рабина, Вс. Некрасо-

ва и признанного лидера группы Е. Кропивницкого) [Сорокин, 2021, с. 344–345] – *(цитаты из романа далее приводятся по этому изданию без ссылок на источник. – Ю. Т., А. Б.)*. В романе Сорокина изложенная сцена оказывается единственной, где они появляются, однако и на ее основании реконструируется цельный и внутренне непротиворечивый лианозовский биографический миф. Показательно, что конфликт с шестидесятниками, озаменованный серией изощренных хулиганств, едва ли обоснован желанием поэтов андеграунда завладеть яйцом ААА, дарующим гений и славу, – они не появляются в ее покоях, не стоят в очереди за «большим кушем», а значит, не претендуют на признание и «благословение» официального искусства. Эпизод пародийно обыгрывает обстановку в советской литературе 1960–1970-х гг. с ее центральными и периферийными фигурами, противоборствующими идеями и бескомпромиссным противостоянием «официальных» и «неподцензурных» авторов. Участники группы изображены в амплуа «литературных хулиганов», то есть действующими в соответствии с определенной «программой поведения» [Лотман, 1992, с. 258] девиантами – причем к данному амплуа так или иначе сводятся все семы культивируемого в романе мифа.

Сема первая: «маргинальность»

Сема «маргинальность» актуализируется в «Голубом сале» с помощью специфических, но намеренно однообразных художественных средств, призванных обнаружить «хулиганскую» сущность персонажей. Показательны уже их поступки и поведенческие характеристики: Крапива злобно «ощеривается», Генрих-Вертолет «поигрывает кастетом», Оскар-Богомаз отбирает у Женьки двадцатку, полпачки «Казбека» и сборник стихов ААА (ценность последнего в его глазах явно невысока – книгу он демонстративно швыряет на землю). Для описания группы (у Сорокина – скорее «группировки») используются устойчивые, но от того не менее красноречивые детали и подробности: у Крапивы «ледяные глаза», «стальная фикса» и «перебитый нос»; Генрих-Вертолет – «бритоголовый», Холя – «широкоплечий», Оскар-Богомаз – «татуированный». Реплики героев пестрят грубо-просторечной, а то и обсценной лексикой: «Мальчики, а вам мамочка разрешила пивко сосать?», «...пионерам пиво положено по уставу. Чтобы учились ссать по биссектрисе», «Дай закурить, продажная тварь!» и т. д. Иными словами, в романе вырисовываются едва ли не архетипические образы преступников: обокрав и унизив двух «признанных в народе» писателей, лианозовцы утверждают иерархию, в которой неподцензур-

ная литература явно превосходит силой официальную.

В специальных исследованиях отмечено, что маргинальность подразумевает позицию нравственного протеста и неприятия окружающего мира, приверженность «всеобщей контестации» и «духовному изгойничеству» [Ильин, 2001, с. 129]. Так, реальные биографии лианозовцев отмечены не только скандальным, идущим вразрез с требованиями «госиздата» творчеством, но и трагическими событиями, вызванными открытой конфронтацией с властью. Высказывания современников проясняют истоки «девиантного» образа Холина, который до четырнадцати лет был беспризорником, «шатался по вагонам и вокзалам и, чтобы не подохнуть с голоду, добывал деньги и еду известным способом» (воровством) [Пивоваров, 2017, с. 11]. Из воспоминаний писателя Г. Гецевича, близкого друга поэта, следует, что «такие понятия, как духовность, для Холина мало что значили»: он – человек нелегкой судьбы, прошедший войну, где получил челюстно-лицевое ранение, и переживший заключение в ГУЛАГ за пощечину пьяному сослуживцу [Пивоваров, 2017, с. 20]. Столь же непростые отношения с законом были и у Рабина, который за «тошнотворные», отвергнутые МОСХом картины регулярно подвергался давлению прокуратуры и КГБ [Шабалин, 2011]. Задержанный в 1977 г. по обвинению в тунеядстве, художник

полгода провел под домашним арестом, а позднее и вовсе лишился советского гражданства («...в связи с тем, что его деятельность позорит звание советского гражданина») [Рабин, 2008]. Закономерно, что В. Бачинин, характеризуя доминирующее состояние духовного и экзистенциального «я» Холина (то же, впрочем, можно утверждать и в отношении Рабина), определяет его как «маргинальное» [Пивоваров, 2017, с. 22], а мотивы, реализующие широкий репертуар социальных девиаций, становятся ядром «барачного» творчества лианозовцев.

Поэтические тексты авторов изобилуют сюжетами распития спиртного (последнее – неотъемлемый атрибут барака), упоминаниями различных форм воровства (присвоение и растрата среди них самые безобидные), сценами насилия (в диапазоне от бытового рукоприкладства до намеренного причинения смерти). Отдельные стихи Кропивницкого, а также ранние произведения Холина и Сапгира могут служить иллюстрацией к целому ряду статей уголовного кодекса: проституция («Юбка выше / Колен, / Проститутка в нише / У колонн» [Сапгир, 2008, с. 53]), дебош в состоянии опьянения («Взял один пивную кружку / И другого по макушке» [Холин, 1999, с. 11]), изнасилование и убийство («Изнасиловали трое, / задушили и ушли...» [Кропивницкий, 2004, с. 405]) – вот далеко не полный перечень аморальных поступков, совершаемых пер-

сонажами. В «Жителях барака» Холина невзрачная, а зачастую и откровенно безобразная сторона советской жизни показана с особенной заостренностью: грязь, непристойные надписи на заборах, ссоры и драки – реалии, привычные для барачных маргиналов, которые «скучают» в таких «нескучных» условиях. Нередко героями стихотворений становятся домашние тираны, пьяницы и самоубийцы, ведущие в высшей степени «нездоровый» образ жизни и бегущие от реальности самыми «черными» способами («В углу во дворе у барака сарай, / Повесился в нем кладовщик Николай» [Холин, 1999, с. 22]). Визуальным «аналогом» подобных текстов служат картины Рабина, изображающего покосившиеся старые дома на затуманенном фоне, бутылки со спиртным и скромную закуску – например, хлеб или селедку на газете советского издания (а дополняют «натюрморт» обглоданные кости и мусор). Таким образом, сема «маргинальность» осознается и как биографическая, и как творческая доминанта авторов, а будучи спроецированной на художественный процесс, оборачивается их «оппозиционностью официальному искусству».

Сема вторая: «оппозиционность официальному искусству»

Закономерно, что представители андеграунда были вынуждены создавать произведения «в стол», без расчета на широкую аудиторию – и

как бы в противовес творцам, признанным властью. Этим фактом обусловлена вторая сема лианозовского мифа: благодаря свойственной Сорокину художественной манере – продуцированию текста, «скатывающегося в абсурд», увлекающего за собой сюжет с целью демонстрации условности содержания и идейного уровня [Биберган, 2018, с. 5], – авторы самиздата изображаются в качестве преступной группировки, а их стремление творить в духе «лианозовской чернухи» [Некрасов, 2021a] визуализируется в реальные хулиганства. В «Голубом сале» они отчетливо противопоставлены поэтам-шестидесятникам, которые пренебрежительно названы Холей «пионерами». Живущие так, как им разрешили, то есть сообразно предписанной «уставом» норме, они ограничены даже в возможности «справить нужду» сообразно душевному порыву: «ссать» допускается исключительно «по биссектрисе», тогда как остальные способы заведомо нелегитимны. В противоположность такому жизненному сценарию, неуважительное отношение лианозовцев ко всему «законному» (в том числе и к литературной традиции – неслучайно сборник ААА едва ли не втоптан в грязь), есть не что иное, как жест свободы, которая и «наводит ужас на московские танцплощадки и литературные кафе».

Подобная интерпретация биографического образа небезосновательна,

ведь присущий авторам эстетический нонконформизм они демонстрировали и в реальной жизни. Недаром Н. С. Хрущев, увидев в 1962 г. на выставке «Новая реальность» картину Рабина «Помойка № 8», «устроил разнос» («Запретить! Все запретить! Прекратить это безобразие! Я приказываю!» [Кулаков, 2021, с. 19]), после чего из МОСХа был исключен глава группы Кропивницкий. Картины Рабина беспощадно критиковались не только генсеком, но и советскими искусствоведами: «Его работы отражают частные, уродливые, давно отжившие явления, ни в коей мере не характеризующие современную действительность» [цит. по: Блюм, 1996, с. 212]. Считалось, что «творчество художника идет вразрез с задачами советского изобразительного искусства» и даже «накладывает тень на советский строй» [цит. по: Блюм, 1996, с. 212]. Впрочем, и в облике Сапгира – наиболее принятого в официальных художественных кругах автора, современники отмечали своего рода двойственность: «Существовало словно бы два Сапгира: один – преуспевающий детский поэт и драматург, <...> и другой, <...> автор вольных стихов, звучащих только для друзей и знакомых дома или в мастерских братьев-художников» [Орлицкий, 2008, с. 5]. Однако не вызывает сомнений, что под высказыванием О. Мандельштама – «Все произведения мировой литературы я делю на разрешенные и написанные без разрешения. Первые – это мразь, вторые – ворованный воздух» [Ман-

дельштам, 1994, с. 167] – любой из лианозовцев без колебаний подписался бы, поэтому мотивами неприятия официального искусства их тексты прошиты, будто красной нитью.

Так, отнюдь не «дружелюбны» по отношению к творческому «исстеблишменту» следующие стихи Некрасова: «РАЗГОВОР С ПОЭТОМ / ЕВГЕНИЕМ ЕВТУШЕНКО / РАЗГОВОР С ПОЭТОМ / АНДРЕЕМ ВОЗНЕСЕНСКИМ / РАЗГОВОР С ПОЭТОМ / РОБЕРТОМ РОЖДЕСТВЕНСКИМ / РАЗГОВОР С ПОЭТЭССОЙ / БЕЛЛОЙ / Ах / А разговору-то / Извините / Если я вас / Перебью / Извините / Но я вас / Не люблю / Все / Весь разговор» [Некрасов, 2012, с. 150]. В тексте очевидно противоречие между многократным повторением слова «разговор» и невозможностью полноценной коммуникации: столь поразному эстетически (а главное, мировоззренчески) ориентированным авторам сказать друг другу попросту нечего. Режим «капслок», в котором выдержана большая часть стихотворения, выступает иконическим выражением крика (с поэтами-эстрадниками «нужно» беседовать громко), а его «отключение» ближе к середине высказывания осознанно: междометие «ах» не только указывает на неназванную фамилию «Беллы» (естественно, Ахмадулиной), но и сигнализирует об усталости от разговора. Концовка стихотворения отмечена эмоционально-оценочным «не люблю» – и

это буквальное выражение неприязни к литературным оппонентам.

Сходный пример – стихотворение Кропивницкого «Замараев», лирический герой которого едва ли расстроен несправедливой критикой в свой адрес («Приходил художник Замараев. / Не одобрил живопись мою... / И стою один я у сараев / И стихи печальные пою» [Кропивницкий, 2004, с. 247]). Заглавного персонажа – собирательный образ не выдающегося, но явно поддержанного властью живописца (отсюда как «неудобная» для человека его профессии фамилия, так и «позиция силы», позволяющая «учить» уже состоявшегося автора) сложно воспринимать всерьез, да и сама ситуация, при которой художнику диктуется, «что» и «как» писать, абсурдна (и возможна разве что в границах тоталитарного мышления). «Просвечивающая» текст ирония обнаруживается и благодаря «программному» несоответствию произведений поставангарда эстетическим нормам «большого» искусства, отчего финальный возглас «Караул!..» носит комический характер и не расценивается как прямое выражение отчаяния [Кропивницкий, 2004, с. 247]. Неудивительно, что оборотной стороной «оппозиционности» у лианозовцев оказывается осознание собственного эстетического первенства, мыслимого априорным и потому не требующего доказательств.

**Сема третья:
«претензия на эстетическое
превосходство»**

По выражению В. И. Тюпы, «самоактуализация» авангардиста есть не что иное, как «духовная практика *самоутверждения*» (*курсив автора*. – Ю. Т., А. Б.) [Тюпа, 1998, с. 19], и данный факт, безусловно, учитывается Сорокиным при конструировании образа лианозовцев в романе. Сюжетной реализацией подобного самопозиционирования оказываются как поступки персонажей (ощущение вседозволенности позволяет напасть на «ни в чем неповинных» шестидесятников), так и сопровождающие их диалоги. Например, адресованный Андрюхе вопрос Севки-Мямли «Кто первым написал про антимир?» имеет целью утвердить собственное право на первенство, а значит, и творческое превосходство (в эстетике авангарда эти понятия синонимичны). Речь идет о двух известных стихотворениях – «Антимирах» Вознесенского и «Антистихе» Некрасова, сопоставимым не только с точки зрения заглавия (начальным компонентом «анти-» отмечены оба слова), но и содержательно (и в том, и другом случае противительная приставка «переворачивает» мир с ног на голову, создавая альтернативную реальность). Оба текста написаны в 1961 г. [Вознесенский, 1964, с. 62–64; Некрасов, 2012, с. 10], но стихотворение Некрасова – в силу «неподцензурности» его автора – не

публиковалось, тогда как произведение Вознесенского стало одной из «визитных карточек» поэта. Резонно предположить, что лианозовцами у Сорокина движет не только оскорбленное чувство справедливости, но и подспудное желание славы, доставшейся (по их мнению, «не по заслугам») двум литературным «пионерам».

Подобного рода претензии (вне зависимости от той меры, в какой они осознаны авторами) подтверждают и особенности читательской рецепции. По утверждению Г. Гецевича, Холин долгие годы «оставался для многих литераторов легендой и мифом – королем московского андеграунда, поэтом, чьи стихи публиковались либо в подпольном самиздате, либо в официальном тамиздате...» [Пивоваров, 2017, с. 13]. В. Воробьев называет его «бродячим авторитетом нелегальной поэзии» [Воробьев, 2001], а коллега Некрасов и вовсе нарекает гением [Некрасов, 2021]. Симптоматичны дружеские прозвища Рабина – «Наш Репин» и «Министр культуры без портфеля» [Кукота, 2018], а значимость Сапгира признана даже его оппонентами [Орлицкий, 2008, с. 4]). Показательно, однако, что сам поэт по отношению к ним (во всяком случае в молодости) пиетета не испытывал, отводя себе заведомо более высокое место в литературной «табели о рангах». Отсюда, вероятно, и привычка «под веселую руку позвонить Слуцкому и напомнить тому, что его, Сапгира,

поэзия тем и отличается, что в ней – *сила духа*... И конечно уж, всех... Мартыновых и Светловых, Твардовских и Окуджав, Глазковых – этих Сапгир крыл разом, походя. Той же силой того же Духа» (*курсив автора*. – Ю. Т., А. Б.) [Некрасов, 2021, с. 723]. Неудивительно, что контрастная пара мотивов «самовозвеличение – ниспровержение соперника» становится сюжетобразующей во многих произведениях лианозовцев.

Например, Холин без стеснения декларирует собственное первенство в мировой поэзии («Холин бессмертный / Холин мгновенный / Холин / Первый / Поэт Вселенной» [Холин, 1999, с. 186]), а Некрасовым его имя ставится в один ряд с пушкинским (Пушкин-то // Уж и тут Пушкин / и тут Пушкин / и тут <...> Пушкин / и Холин» [Некрасов, 2012, с. 272]). И хотя стихия комического, которой проникнуты оба произведения, сообщает им налет двусмысленности, в «укрупнении» авторского «я» и его «альтернативности» «другому» [Тюпа, 1998, с. 16–17] сложно усомниться. Классический для авангарда сюжет развернут и в одном из стихотворений Сапгира: лирического субъекта удивляет толпа, несущая «идиотские» «книги», «скульптуры», «этюды» и творящая «идиотские песни» [Сапгир, 2008, с. 173]. Смотря на нее, герой понимает, что «нет конца параду уродов», живущих и мыслящих «под копирку» – неслучайно «идиотизм» в конечном счете объявляется все-

общей бедой человечества. А у Я. Сатуновского (правда, не появляющегося в романе) сходная коллизия подчинена задачам литературной полемики: представителей официального искусства субъект называет «эпигончиками», «ничевоками» и «никомуками», исподволь противопоставляя им себя и поэтов своего круга [Сатуновский, 2012, с. 255]. Именно в отсутствии оригинальности он усматривает основной недостаток их творчества, не выражающего писательской индивидуальности (вспомним упомянутую выше сапгировскую «силу духа»). Окказионализмы делают данную мысль предельно рельефной: публикуемые в советских изданиях авторы не только «ничевоки» (отсылка к литературной группе 1920-х гг., отмеченной лишь эпатажным названием, очевидна), но и «никомуки» – то есть «никому не нужные». Иными словами, программа поведения, реализуемая лианозовцами как в жизни, так и в творчестве, вполне согласуется с принципами авангардистской риторики – литературным субстратом их биографического мифа.

Заключение: мифотворческая стратегия В. Сорокина и персональные биографические мифы лианозовцев

Рассуждая о поэтике «Голубого сала», М. Н. Липовецкий отмечает, что классики модернизма (А. Ахматова, О. Мандельштам, Б. Пастернак и др.) к моменту создания романа уже подверглись ка-

нонизации, а значит, «созрели» для В. Сорокина, «который питается авторитетностью и ничем другим» [Липовецкий, 2008, с. 423]. Действительно, если «готовые» мифы в произведении деконструируются, то мифы еще не оформленные (а именно к ним принадлежит лианозовский) продолжают свое становление и нуждаются в принципиально ином подходе. Мифотворческая стратегия автора предполагает, с одной стороны, редукцию биографических образов до нескольких наиболее выразительных качеств (в силу чего они получают одномерными, лишенными внутренней глубины), с другой – подмену конвенциональных кодов окказиональными или их «удвоение» (доведение до смыслового предела). Отсюда выдвижение на передний план трех сем, подчиненных принципу «кривого зеркала», преломляясь в котором, черты «подлинника» заостряются, утрачивая естественные пропорции. В результате литературная «маргинальность» лианозовцев оборачивается маргинальностью социальной (поэты изображены матерями уголовниками), оппозиционность официальному искусству принимает вид грубых издевательств над его представителями, а утверждение собственного эстетического превосходства (отнодь не самоочевидного) возводится в ранг навязчивой идеи. Подобная обрисовка персонажей намеренно поверхностна – но благодаря ей представители андеграунда оказываются

куда более симпатичными, нежели большинство фигурирующих в романе писателей.

В заключение – несколько слов о персональных биографических мифах лианозовцев, в произведении Сорокина только намеченных. Контуры их очерчиваются прозвищами героев, среди которых выделяются клички-характеристики, основанные на ложной этимологизации, и клички-интертексты, отсылающие к произведениям авторов или их творческой манере. Так, фамилия «Кропивницкий» возводится к жгучему растению (и к тому же сорняку) – крапиве, а «Холин» – к ядовитому веществу холину, благодаря чему активизируется тема «опасность». «Генрих-Вертолет», вне сомнения, обязан своим появлением стихотворению Г. Сапгира «Икар», Оскар-Богомаз – нередкой на полотнах О. Рабина христианской атрибутике (обычно десакрализованной, как на «Небрежном натюрморте»), а Севка-

Мямля – форсированному повтору, неотъемлемой особенности текстов Вс. Некрасова (см., например, «Весна весна весна весна», «Свобода есть» и т. п.). Мифогенный потенциал лианозовских цитат в «Голубом сале» сложно переоценить: «Давай голенища из собственной кожи!» [Холин, 1999, с. 9], «Лунная соната! Исполняется на балалайке!» [Сапгир, 2008, с. 29], «Нет ты не Гойя / Ты / Другое» [Некрасов, 2012, с. 25] – вот лишь наиболее очевидные отсылки к произведениям, прочно связанным в читательском сознании с их авторами и уже вошедшим – в том числе и при участии Сорокина – в русский поэтический канон. Отметим попутно, что принцип «фигура и фон», в соответствии с которым изображены лианозовцы, заметно выделяет фигуру Кропивницкого, а статус «пахана» позволяет говорить о теме «учитель» как важнейшей составляющей его персонального мифа.

Библиографический список

- Биберган Е. С. Константы художественного мира писателя-концептуалиста Владимира Сорокина : автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2018. 24 с.
- Блюм А. В. Как было разрушено «Министерство правды»: Советская цензура эпохи гласности и перестройки (1985-1991) // Звезда. 1996. № 6. С. 212–221.
- Вознесенский А. А. Антимирь. Избранная лирика. Москва : Молодая гвардия, 1964. 224 с.
- Воробьев В. И. Друг Земного шара. URL: <https://magazines.gorky.media/zerkalo/2001/17/drug-zemnogo-shara.html>. (Дата обращения: 27.11.2021).
- Доманский Ю. В. «Тексты смерти» русского рока: пособие к спецсеминару. Тверь : ТвГУ, 2000. 110 с.
- Ильин И. П. Постмодернизм: словарь терминов. Москва : ИНИОН РАН - INTRADA, 2001. 394 с.

Кропивницкий Е. Л. Избранное. 726 стихотворений + другие материалы. Москва : Культур. слой, 2004. 672 с.

Кукота И. «Сочувствие мое на стороне униженных и обиженных». История художника Оскара Рабина и фильм, который стоит о нем посмотреть. URL : <https://zimamagazine.com/2018/12/oskar-rabin/>. (Дата обращения: 27.11.2021).

Кулаков В. Г. Дело житейское: Лианозовская школа // «Лианозовская школа»: Между барачной поэзией и русским конкретизмом / под ред. Г. Зыковой, В. Кулакова, М. Павловца. Москва : Новое литературное обозрение, 2021. С. 16–30.

Липовецкий М. Н. Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов. Москва : Новое литературное обозрение, 2008. 848 с.

Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Том 1. Таллин : Александра, 1992. С. 248–268.

Магомедова Д. М. Автобиографический миф в творчестве Александра Блока: дисс. в виде научного доклада ... докт. филол. наук. Москва, 1998. 50 с.

Мандельштам О. Э. Четвертая проза // Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Москва : Арт-Бизнес-Центр, 1994. С. 167–179.

Некрасов В. Н. «<В Лианозово меня привезли осенью 59...>» // «Лианозовская школа»: Между барачной поэзией и русским конкретизмом / под ред. Г. Зыковой, В. Кулакова, М. Павловца. Москва : Новое литературное обозрение, 2021а. С. 723–733.

Некрасов В. Н. Лианозовская чернуха // «Лианозовская школа»: Между барачной поэзией и русским конкретизмом / под ред. Г. Зыковой, В. Кулакова, М. Павловца. Москва : Новое литературное обозрение, 2021б. С. 734–745.

Некрасов В. Н. Стихи 1956–1983. Вологда : Библиотека Московского концептуализма Германа Титова, 2012. 591 с.

Никитина О. Э. Биографический миф как литературная проблема : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 20 с.

Орлицкий Ю. Б. Открыватель новых миров // Сапгир Г. В. Складень. Москва : Время, 2008. С. 5–12.

Пивоваров В. Д. Холин и Сапгир ликующие. Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2017. 86 с.

Рабин О. Я. Художник Оскар Рабин. Запечатленная судьба. Интервью журналу «Итоги». URL: https://mir-knig.com/read_189404-22. (Дата обращения: 27.11.2021).

Сапгир Г. В. Складень. Москва : Время, 2008. 928 с.

Сатуновский Я. А. Стихи и проза к стихам. Москва : Виртуальная галерея, 2012. 816 с.

Сорокин В. Г. Голубое сало. Москва : Издательство АСТ, 2021. 480 с.

Томашевский Б. В. Литература и биография // Книга и революция. 1923. № 4 (28). С. 6–8.

Тюпа В. И. Постсимволизм: теоретические очерки русской поэзии XX века. Самара, 1998. 115 с.

Холин И. С. Избранное. Стихи и поэмы. Москва : Новое литературное обозрение, 1999. 320 с.

Шабалин С. Г. Прочный картонный домик. Владимир Немухин о прошлом и настоящем. URL: <https://magazines.gorky.media/slovo/2011/72/prochnyj-kartochnyj-domik.html>. (Дата обращения: 27.11.2021).

Reference list

Bibergan E. S. Konstanty hudozhestvennogo mira pisatelja-konceptualista Vladimira Sorokina = Constants in the artistic world of the conceptualist writer Vladimir Sorokin : avtoreferat diss. ... kand. filol. nauk. Arhangel'sk, 2018. 24 s.

Bljum A. V. Kak bylo razrusheno «Ministerstvo pravdy»: Sovetskaja cenzura jepohi glasnosti i perestrojki (1985-1991) = How the “Ministry of Truth” was destroyed: Soviet censorship at the time of glasnost and perestroika (1985-1991) // Zvezda. 1996. № 6. S. 212–221.

Voznesenskij A. A. Antimiry. Izbrannaja lirika = Anti-worlds. Selected poems. Moskva : Molodaja gvardija, 1964. 224 s.

Vorob'ev V. I. Drug Zemnogo shara = A friend of the Earth. URL: <https://magazines.gorky.media/zerkalo/2001/17/drug-zemnogo-shara.html>. (Data obrashhenija: 27.11.2021).

Domanskij Ju. V. «Teksty smerti» russkogo roka = «Death texts» of Russian rock : posobie k specseminaru. Tver' : TvGU, 2000. 110 s.

Il'in I. P. Postmodernizm = Postmodernism: slovar' terminov. Moskva : INION RAN - INTRADA, 2001. 394 s.

Kropivnickij E. L. Izbrannoe. 726 stihotvorenij + drugie materialy = Selected works. 726 poems + other materials. Moskva : Kul'tur. sloj, 2004. 672 s.

Kukota I. «Sochuvstvie moe na storone unizhennyh i obizhennyh». Istorija hudozhnika Oskara Rabina i fil'm, kotoryj stoit o nem posmotret' = “My sympathy is with the humiliated and offended”. The artist Oscar Rabin's story and a film worth watching about him. URL: <https://zimamagazine.com/2018/12/oskar-rabin/>. (Data obrashhenija: 27.11.2021).

Kulakov V. G. Delo zHITEjskoe: Lianozovskaja shkola = An everyday matter: Lianozovo school // «Lianozovskaja shkola»: Mezhdju barachnoj poeziej i russkim konkretizmom / pod red. G. Zykoj, V. Kulakova, M. Pavlovca. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. S. 16–30.

Lipoveckij M. N. Paralogii. Transformacii (post)modernistskogo diskursa v russkoj kul'ture 1920-2000-h godov = Paralogies. Transformations of (post)modernist discourse in 1920s-2000s Russian culture. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 848 s.

Lotman Ju. M. Pojetika bytovogo povedenija v russkoj kul'ture XVIII veka = Poetics of everyday behavior in XVIII century Russian culture // Lotman Ju. M. Izbrannye stat'i. Tom 1. Tallin : Aleksandra, 1992. S. 248–268.

Magomedova D. M. Avtobiograficheskiy mif v tvorcestve Aleksandra Bloka = Autobiographical myth in Aleksandr Blok's work : diss. v vide nauchnogo doklada ... dokt. filol. nauk. Moskva, 1998. 50 s.

Mandel'shtam O. Je. Chetvertaja proza = The fourth prose // Mandel'shtam O. Je. Sobraie sochinenij v 4 t. T. 3. Moskva : Art-Biznes-Centr, 1994. C. 167–179.

Nekrasov V. N. «<V Lianozovo menja privezli osen'ju 59...>» = «I was brought to Lianozovo in autumn 59...» // «Lianozovskaja shkola»: Mezhdju barachnoj poeziej i

russkim konkretizmom / pod red. G. Zykovoj, V. Kulakova, M. Pavlovca. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2021a. S. 723–733.

Nekrasov V. N. Lianozovskaja chernuha = Lianozovo filth // «Lianozovskaja shkola»: Mezhdru barachnoj poeziej i russkim konkretizmom / Pod red. G. Zykovoj, V. Kulakova, M. Pavlovca. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2021b. S. 734–745.

Nekrasov V. N. Stihi 1956–1983 = Poems 1956-1983. Vologda : Biblioteka Moskovskogo konceptualizma Germana Titova, 2012. 591 s.

Nikitina O. Je. Biograficheskij mif kak literaturnaja problema = Biographical myth as a literary problem : avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tver', 2006. 20 s.

Orlickij Ju. B. Otkryvatel' novyh mirov = New worlds discoverer // Sapgir G. V. Skladen'. Moskva : Vremja, 2008. S. 5–12.

Pivovarov V. D. Holin i Sapgir likujushhie = Holin and Sapgir jubilant. Moskva : Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh», 2017. 86 s.

Rabin O. Ja. Hudozhnik Oskar Rabin. Zapechatlennaja sud'ba. Interv'ju zhurnalu «Itogi» = The artist Oscar Rabin. A captured fate. Interview to the magazine “Results”. URL: https://mir-knig.com/read_189404-22. (Data obrashhenija: 27.11.2021).

Sapgir G. V. Skladen' = Triptych. Moskva : Vremja, 2008. 928 s.

Satunovskij Ja. A. Stihi i proza k stiham = Poems and prose to poems. Moskva : Virtual'naja galereja, 2012. 816 s.

Sorokin V. G. Goluboe salo = Blue lard. Moskva : Izdatel'stvo AST, 2021. 480 s.

Tomashevskij B. V. Literatura i biografija = Literature and biography // Kniga i revoljucija. 1923. № 4 (28). S. 6–8.

Tjupa V. I. Postsimvolizm: teoreticheskie ocherki russkoj poezii XX veka = Post-symbolism: theoretical essays on XX century Russian poetry. Samara, 1998. 115 s.

Holin I. S. Izbrannoe. Stihi i pojemy = Selected works. Verses and poems. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. 320 s.

Shabalin S. G. Prochnyj kartochnyj domik. Vladimir Nemuhin o proshlom i nastojashem = The stable house of cards. Vladimir Nemukhin about the past and present. URL: <https://magazines.gorky.media/slovo/2011/72/prochnyj-kartochnyj-domik.html>. (Data obrashhenija: 27.11.2021).

Статья поступила в редакцию 20.10.2021; одобрена после рецензирования 22.10.2021; принята к публикации 23.11.2021.

The article was submitted on 20.10.2021; approved after reviewing 22.10.2021; accepted for publication on 23.11.2021

Научная статья
УДК 745.03+745.923.1
doi: 10.20323/2658-7866-2021-4-10-127-141

Шинуазри в российской культуре до XX века

Син Хэ

Аспирант ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет».
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2.
cm200011228@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9215-4650>

Аннотация. В статье говорится о содержании и понятии художественного стиля шинуазри, появившегося в Европе в XVII в., основанного на традиционной китайской культуре, имеющего выраженные китайские особенности и отражающего множество китайских элементов. Шинуазри, присутствуя в различных сферах искусства, и в настоящее время оказывает большое влияние на мировую культуру. Основное внимание уделяется формированию и распространению шинуазри в России, что было связано с началом эпохи Просвещения, развитием китайско-российской торговли, появившимися в то время печатными трудами по синологии. Кроме того, в качестве одного из основных факторов распространения шинуазри в России называется и географическое соседство двух стран. Выделяется несколько этапов существования и развития шинуазри в России: эпоха императора Петра I (XVIII в.), во время которой появляются элементы китайской архитектуры, скульптуры, искусства, одежды, декора и украшений, предметов быта и домашней утвари. В это же время появляются и подражания русских мастеров китайскому декоративно-прикладному искусству. Обычные люди в этот период времени также знакомятся с китайскими предметами и продуктами, которые сегодня являются неотъемлемыми элементами жизни в России. Рассказывается о появлении и распространении Хлопчатобумажных тканей, шёлка, фарфора, чая, ревеня и др. Следующая эпоха знакомства с китайской культурой – XIX в. Связано это с распространением международных отношений и политических связей. Но развитие шинуазри в это время уже было не столь стремительным и многосторонним, как веком ранее. В заключении делается вывод о том, что шинуазри достиг в России своего пика в XVIII в., постепенно начал снижаться в XIX в., но в XX в. и в наше время вновь становится популярным.

Ключевые слова: шинуазри, китайский стиль, Китай, Российская Империя, российская культура, китайская культура, китайское влияние

Статья выполнена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

Для цитирования: Хэ Син Шинуазри в российской культуре до XX века // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 4 (10). С. 127-141. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2021-4-10-127-141>

Chinoiserie in Russian culture before XX century

Xing He

Postgraduate student of Novosibirsk state university. 630090, Novosibirsk, Pirogov st., 2. cm200011228@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9215-4650>

Abstract. The article deals with the content and meaning of the Chinoiserie art style, which appeared in Europe in the 17th century and is based on traditional Chinese culture. It has distinct Chinese features and reflects a lot of Chinese elements. Chinoiserie still has a great influence on world culture in various spheres of art. The main focus is on the formation and spread of chinoiserie in Russia, which was related to the beginning of the Enlightenment era, the development of Chinese-Russian trade, and the published works on sinology that appeared at that time. In addition, the geographical proximity of the two countries is also considered a major factor in the spread of chinoiserie in Russia. There are several stages in the existence and evolution of chinoiserie in Russia: the era of Emperor Peter the Great (18th century), when elements of Chinese architecture, sculpture, art, clothing, decor and ornaments, household items and utensils appeared. At the same time there also appeared imitations of Russian masters of Chinese decorative and applied arts. During this period of time, ordinary people are also introduced to Chinese items and products, such as cotton cloth, silk, porcelain, tea, rhubarb, etc., which are now an integral part of life in Russia. The next era of introducing Chinese culture is the 19th century. It is connected with the spread of international relations and political ties. But chinoiserie evolution at this time was no longer as rapid and multifaceted as it had been a century earlier. The author concludes that chinoiserie reached its peak in Russia in the XVIII century, gradually began to decline in the XIX century, but in the XX century and nowadays it is becoming popular again.

Keywords: Chinoiserie, Chinese style, China, Russian Empire, Russian culture, Chinese culture, Chinese influence

The article was written within the framework of the activities of the Center for the Study of Russian-Speaking Countries of the Southwestern University at the Institution of Education of the China

For citation: He Xing Chinoiserie in Russian culture before XX century. *World of Russian-speaking countries*. 2021;4(10):127-141. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2021-4-10-127-141>

1. Общее понятие и содержание шинуазри

Шинуазри (фр. Chinoiserie) до-словно с французского языка пере-

водится как «китайский стиль», «китайщина», является художественным стилем, основанным на традиционной китайской культуре

и содержащим большое количество китайских элементов. В частности, к таким предметам, традициям и обычаям, которые получили признание в мировой культуре и содержат дух и эстетику традиционной китайской культуры, а также отражают внешний образ Китая и внутренний национальный менталитет.

Однако в начале появления шинуазри, значение его было несколько иным и не совпадало с сегодняшним представлением о нём: с одной стороны, как писал китайский учёный Ли Шэннань в статье «Шинуазри и “новый китайский стиль” в одежде»: «В качестве стиля искусства, «шинуазри» впервые появился в областях европейской керамики и мебели, и был популярен в интерьере, текстиле и оформлении садово-парковых ансамблей преимущественно XVII и XVIII веках в европейских странах» [李胜男, 戴鸿, 2019, с. 120]. В XVIII веке во французском журнале «Harper's Magazine» произведения искусства с китайским элементом назвали «Chinoiserie» (шинуазри), что давало характеристику такому явлению, когда западный орнамент или декоративный стиль содержит китайские элементы, но принадлежит к европейскому барокко и рококо. То есть шинуазри явился новым для того времени художественным стилем.

С другой стороны, Цянь Сюньлинь в статье «Шинуазри в современном дизайне одежды» изложил такое понимание:

«Шинуазри – это в большой степени западный стиль, который был создан Европой с точки зрения собственной культуры, исходя из стремления к экзотическим чувствам и оформляя с помощью путевых заметок о Китае и китайских произведений искусства. На самом деле, шинуазри появляется как форма воображения Китая и имеет мало общего с настоящим Китаем» [钱旭林, 乔南, 2018, с. 417].

А в сегодняшние дни значение «шинуазри» понимается как стиль искусства, находящийся в системе современного искусства, основанный на традиционной китайской культуре, содержащий множество китайских элементов и адаптирующийся к мировым тенденциям моды. Этот стиль имеет ярко выраженные китайские особенности, которые явно отличают его от искусства других стран, делая символом Китая. Существовая долгое время и в разных странах, нынешний «шинуазри» оказывает большое влияние на весь мир. В дополнение к традиционной области искусства он широко используется в различных сферах культуры, таких как музыка, одежда, кино и др., что показывает особенность нашей новой эры. И важно отметить, что в современной науке значение «шинуазри» не ограничено рамками художественного стиля, а дополняется как все материальные предметы и духовные ценности в китайском стиле, что может проявляться в аспекте этимологии.

Следовательно, «шинуазри» – это ветвь стиля рококо, сформированная из того, что европейское искусство XVII века в процессе имитации китайского искусства заимствовало его элементы в таких категориях как декоративное искусство, садово-парковая архитектура, фарфор, мебель и т. д. Кроме того, это уникальный китайский стиль, который основан на традиционной китайской культуре и искусстве, добавлялся традиционными китайскими элементами и сформировался после тысячи лет накопления, наследования и развития прошлых поколений. Он является и традиционным, и современным, и наследственным, и инновационным. К примеру, простая и естественная пейзажная живопись, яркие и праздничные новогодние картины (няньхуа), вырезанные рисунки из бумаги, старинная мебель, а также традиционные декоративные узоры на вышивке и фарфоре являются источником и стимулом к появлению «шинуазри».

2. Причины формирования шинуазри в России

Интерес к Китаю возник в Европе в XI в., и его активно продвигали путешественники и миссионеры, приезжавшие в Китай, такие как Марко Поло и Св. Едолик.

Через столетия, с XVII в. шинуазри проник во все аспекты европейской жизни: предметы быта, домашний интерьер, садово-парковую архитектуру и т. д. Почти все классы, от членов королевской

семьи до торговцев и деревенских аристократов, проявляли интерес к шинуазри. И шинуазри напрямую оказывал большое влияние на оформление знаменитого стиля рококо в истории западного искусства. В середине XVIII века шинуазри достиг своего пика, начал постепенно отступать и угас в XIX веке.

Стоит отметить, в XVIII веке во многих европейских странах началась эпоха «Просвещения». В то время в Китае был процветающий период Канси, Юнчжэна и Цяньлуна (девизы правления императора династии Цин). Европейские просветители находили поддержку в философских воззрениях китайских мудрецов. Тогда китайская история, культура и философия пользовались большим уважением в Европе, в первую очередь, за рациональность, отстаиваемую мыслителями. Таким образом, шинуазри оказал большое влияние не только на материальный мир Европы, но и на западную философию.

Под влиянием этого культурного явления европейские писатели, художники и учёные выражали свое восхищение Китаем и по-разному способствовали этой культурной волне в своих соответствующих областях культурной деятельности: они увлекались коллекционированием китайских памятников культуры, имитированием архитектуры, декоративно-прикладного искусства и садово-паркового дизайна в китайском стиле, постановкой ки-

тайской драмы и т. д. Всё это являет характерные черты шинуазри в Европе в XVIII веке.

В это же время в России также появился шинуазри, но со своими уникальными особенностями.

Во-первых, с конца XVII в., когда императором был Пётр I, в Российской Империи насаждались западные культурные традиции. Представители высшего общества надевали европейскую одежду, говорили на французском языке, в русский язык пришло много слов из европейских языков, и в России появилось много последователей Европейского Просвещения. Императрица Екатерина II вела переписку со многими французскими мыслителями: Вольтером, Дидро, Руссо и др. В результате, шинуазри, который когда-то был популярен в Европе и, в частности, во Франции, естественно распространился и в России во второй половине XVIII века.

Во-вторых, другой причиной появления российского шинуазри является развитие китайско-российской торговли. При правлении Петра I коммерческая и пограничная торговля между Китаем и Россией значительно развивались, информация о китайских товарах и китайской культуре стремительно распространялась в России, что позволило российскому народу всех сословий узнать о ней. Особенно после того, как российское правительство объявило об отмене государственной монопольной полити-

ки по торговле мехом с Китаем в 1762 году, купеческая слобода Кяхту начала быстрое развитие: китайский шёлк, фарфор, хлопчатобумажная ткань и чай проникли во многие российские семьи. Рубашки из китайского хлопка стали символом богатства русских, особенно сибирских семей XVIII века. Известный русский писатель, мыслитель-революционер А. Н. Радищев в «Письме о китайском торге» 1792 года писал, что китайские дабы (хлопчатобумажная ткань) «употребляются не только в Сибири, но и во всей России людьми среднего состояния, а наипаче женским полом; дабы же все расходятся в Сибири и в России почти неизвестны. Весь градской и сельской народ употребляет их на рубахи; те, которые позажиточнее, на вседневные, прочие же на праздничные» [Радищев, 1941, с. 36].

В-третьих, труды по синологии также продвинули формирование российского шинуазри. В период с 1715 по 1794 годы российское правительство отправило в Пекин восемь духовных миссий, многие из которых работали в правительственных и научно-исследовательских отделах после возвращения в Россию. Среди них И. К. Россохин (1717–1761), А. Л. Леонтьев (1716–1786) и А. С. Агафонов (ок. 1751–1794) являются лучшими представителями. Своими переводами и монографиями о Китае они распространяли китайскую культуру в Россию и спо-

собствовали пониманию российским обществом Китая, в то же время – развитию русского китаеведения, став одними из главных сторонников шинуазри в XVIII веке.

В дополнение к вышесказанному можно заметить, что географические границы Китая и России и тесные контакты между людьми двух стран придавали России уникальное преимущество в получении китайской информации и изучении китайской культуры. И взаимные визиты китайских и российских миссий сыграли важную роль в укреплении взаимопонимания между народами двух стран. Всё сказанное является важными факторами, способствующими появлению и развитию шинуазри в России.

3. Российский шинуазри XVIII века

Чтобы превратить Россию в империю, которая может сравниться с западными державами, в начале XVIII века, Пётр I отправился в западные страны изучать передовые идеи, военное дело и различные науки. Он видел много китайского фарфора, когда был в Голландии. И посетил китайские комнаты аристократов и дворян в Вене и Копенгагене. Вернувшись из Дании в Россию, Пётр I выступил с идеей построить китайскую комнату в России. По его приказу художники в Петровском дворце изготовили стены в китайском стиле, используя различные собранные китайские предметы в качестве украшения. Более того, он несколько раз посы-

лал посланника, чтобы привезти китайские предметы, подаренные китайским императором в Россию. Просвещённая Екатерина II также интересовалась китайской культурой. В своей переписке с Вольтером она неоднократно восхваляла социальную систему Китая. И, начиная с 1764 года, Екатерина II приказала построить в Петербурге такой музей, в котором должны быть собраны культурные реликвии со всего мира, многие из которых были произведениями шинуазри того времени. В 1770–1780-е годы по приказу Екатерины II в Летнем дворце построилась китайская голубая гостиная, Китайский театр, Китайский мост и другие павильоны. Кроме разрушенного пожаром Китайского Театра, все остальные объекты сохранилось до наших дней.

Ещё во времена правления Петра I в зале Русского дворца, украшенном в китайском стиле, часто проводили маскарады и приёмы. Б. А. Шереметев, один из соратников Петра I, построил бунгало в садовом стиле вдоль речной улицы возле Эрмитажа в Санкт-Петербурге и небольшой китайский павильон у пруда в саду. Китайские окна с различными формами и красочные вазы на подоконниках и столах, небольшие рестораны, заполненные прекрасной и роскошной китайской посудой. Мебель в гостиной покрыта шелковой и бархатной вышивкой в «китайском стиле», а две овальные фарфоровые вазы радуют глаз на резной золотой

подставке. Кроме того, многие из имперских подставок самого Петра I были китайскими. Пара белых фарфоровых бутылочек с лекарствами, которые все еще существуют в Эрмитаже в Санкт-Петербурге, являются подлинными китайскими экспонатами периода Канси. Стоит отметить, что пара бутылочек с таблетками имеет эмблему русского двуглавого орла времён Петра I. Пара бутылок с лекарствами была специально изготовлена китайским производителем фарфора для недавно перестроенной крупной аптеки Петра I. У Петра I также был шелковый халат, известный как «китайский халат», который сейчас также хранится в Эрмитаже.

Во времена правления императрицы Екатерины I фактический властитель А. Д. Меншиков активно собирал изделия в китайском стиле. У него дома, в рабочем кабинете висел китайский шелковый настенный ковёр – подарок китайского императора русскому правительству в начале XVIII века. На западной стене передней комнаты его дома был узор, украшенный китайскими фарфоровыми изделиями. Кроме того, в его доме были различные фигуры и животные, которые символизируют счастье и радость, посуда была расписана цветами и деревьями в китайском стиле.

Ковры и картины с изображением пиона – типично китайский символ, обозначающий богатство. Другой важный узор – изображение

китайского павильона, где сидят китайские аристократы и министры, рядом с которыми – дворцовые девушки держат веер, и дворцовый музыкант играет музыку.

Во времена правления Елизаветы I, российская торговая слобода Кяхта постепенно становилась процветающей, что способствовало развитию торговли между Китаем и Россией. Увлечение китайскими продуктами Елизаветы I не уступает её предшественникам. В начале весны каждого года часто напрямую привозили из Чукто в Санкт-Петербург китайские ширмы, лакированные столы, столовую посуду, фонари, бумажные обои и т. д.

Примерно в середине XVIII века, с увеличением числа учеников Русской духовной миссии в Пекине, распространение китайской культуры в России стало ускоряться, и, соответственно, все больше и больше товаров, имитирующих китайские, поступало в Россию по различным каналам. Сейчас во многих русских музеях хранятся деревянные и бумажные веера, сделанные в начале XVIII века и расписанные китайскими цветами, деревьями, пейзажами и фигурами. В частности, шаблоны были проанализированы и идентифицированы, большинство из них не является подлинниками, а выполнены японскими мастерами. Ещё некоторые были скопированы французами, так как их стиль очень похож на «китайский пейзаж французского стиля», который применен Екате-

риной II в 1860-х годах при строительстве «Китайского дворца» в Ораниенбауме.

Сами русские также пытались подражать китайскому декоративно-прикладному искусству и отправляли в Китай студентов изучать китайские ремесла. В своем докладе российскому правительству Алексей Владыкин, российский коллежский асессор, который в 1755 году возглавил российский караван, направленный в Китай для торговли, упомянул, что «караван отправил российского студента к эмалированному мастеру в Пекин, чтобы он выучился китайскому мастерству» и «потратил 200.22 слитков серебра на обучение», что можно найти в российских исторических архивах. К тому же, в архиве сибирских учреждений XVIII века была также запись о том, что «в 1753 году двум студентам дали 150 рублей на оплату расходов на изучение китайского ремесла» [宿丰林, 2001, с. 37]. Эти исторические факты показывают, что в XVIII веке на формирование российского шинуазри оказала влияние не только Западная Европа, но и непосредственные торговые и культурные обмены с Китаем.

Во второй половине XVIII века, российский шинуазри укреплялся в стране, что имеет большую связь с увлечением роскошью и коллекционированием императрицы Екатерины II. И именно во время ее правления российский шинуазри достиг своего пика. С 1764 года

Екатерина II начала строить большой музей в Петербурге для хранения своей личной коллекции. В 1764–1767 годах известный французский архитектор Валлен-Деламот, следуя приказу Екатерины II, построил «Малый Эрмитаж», корпуса его зданий, выходящие на Дворцовую набережную и Миллионную улицу, являются связующим звеном между барочным Зимним дворцом и памятниками классицизма – Большим и Новым Эрмитажем. Позже в 1771–1787 годах большой «Эрмитаж» (исторически называемый «Старый Эрмитаж», отличался от «Нового Эрмитажа», построенного в 1839–1852 гг.) был завершён. При построении этих музеев Дени Дидро и другие французские просветители помогли Екатерине II приобрести в странах Западной Европы картины, скульптуры, мебель и другие предметы, многие из которых являются плодами европейского шинуазри того времени. Более того, много зданий и экспонатов эпохи Екатерины II, сохранившихся до наших дней, также построены или сделаны в китайском стиле. В Ораниенбауме, недалеко от Петербурга, в 1762–1768 годах был построен «Китайский дворец». Дворец был украшен в китайском стиле и внутри были поставлены разнообразные имитационные китайские поделки. В «Царском Селе» на окраине Санкт-Петербурга был построен роскошный Летний дворец в эпоху Екатерины II. В 70-80-е годы XVIII

века по приказу императрицы к Летнему дворцу добавили Голубую гостиную в китайском стиле, и в то же время в саду Летнего дворца имитировали Китайский театр, китайские мостики, Большой китайский мост и Китайскую беседку.

Для обычных жителей России шинуазри XVIII века проявлялся в импорте китайских товаров. В XVIII веке основными китайскими товарами были: хлопчатобумажные ткани, шёлк, чай, фарфор, сахар и лекарственный ревень. Особенно широко была распространена хлопчатобумажная ткань, из которой даже изготавливалась праздничная одежда крестьян. С тех пор в русском языке появилось два слова, одно из которых – «дабу», что является транслитерацией китайского слова «大布». Дабу, также известно, как холст или грубая ткань, является хлопчатобумажным изделием ручной работы и основным материалом, используемым китайцами для изготовления одежды. Другое слово – «китайка», что буквально переводится как «китайский товар», но называет только «китайскую ткань». Из этих двух синонимов видно, что в представлении русских китайские товары – это в первую очередь ткани. Поскольку китайский шёлк стоил дорого, им могли пользоваться исключительно богатые люди, таким образом, он был популярен только в среде высших сословий российского общества, и его влияние меньше, чем дабу. А. Н. Радищев писал: «Богатые но-

сят китайскую хлопчатобумажную одежду каждый день, а все остальные носят её в праздничные дни» [詹姆斯·乔伊斯, 1994, с. 32].

Сегодня большинство россиян без колебаний могут сказать, что их любимым напитком является чай. Согласно русским историческим записям, в 1638 году русский посол боярин Василий Старков привез царю Михаилу Федоровичу дары от монгольского Алтын-хана – среди знаменитых монгольских атласов и мехов лежали свёртки с сухими листьями. Старков отказывался брать эту сушёную траву, но монгольский правитель настоял на своём, и так впервые в Москве появился чай. Позже в 1665 году лекари посоветовали пить чай царю Алексею Михайловичу, чтобы облегчить боли в животе, от которых он часто страдал. Напиток действительно помог государю справиться с болями, а вкус чая пришёлся ему по душе. С тех самых пор начались регулярные закупки сухих чайных листьев. Однако в России в XVII веке чай долгое время использовался как «тонизирующее лекарство», которое употребляли дворяне, живущие в городах, а простые люди не имели к нему доступа. Это было связано в основном с высокой ценой и неизвестным способом чаепития. Вплоть до XVIII века обычай чаепития постепенно переходил от высшего дворянства к народу. К концу XVIII века крестьяне Сибири и других мест предпочли бы чай, деньгам, потому что

они были убеждены, что он может использовать чай вместо денег везде. С ростом популярности чая в России в XVIII веке появился самовар, что способствовало возникновению и развитию русской чайной культуры. Это большая культурологическая тема, требующая отдельного исследования.

Фарфор был впервые представлен в Европе как произведение искусства для украшения помещений. Ещё задолго до XVIII века короли и дворяне Германии, Великобритании и других стран не стеснялись тратить много денег, покупая различные фарфоровые изделия, и даже строили специальные фарфоровые залы. Начали продавать фарфор и лак для мебели. «Фарфоровая лихорадка» и «лаковая лихорадка» стали важными составляющими частями европейского «шинуазри» XVIII века. Причина в том, что с одной стороны, это стимулировалось значительным увеличением импорта фарфора, с другой стороны, эту тенденцию продвинул художественный стиль «рококо», преобладающий в Европе в то время. Под влиянием западных стран коллекция фарфора и лакированных изделий также началась в России в XVIII веке. Поскольку торговля между Китаем и Россией была в основном караванной торговлей при государственной монополии, товары, поставляемые из Китая, естественно попадали в руки членов королевских семей и дворян. Первым фарфором, который стал

доступен для обычных граждан, была посуда, которую караван верблюдов использовал для хранения сахара и ревеня. Такая посуда была привезена в Россию из Китая и Западной Европы в больших количествах, и её цена была относительно дешевой, так что она постепенно стала необходимостью для русского народа. Для того, чтобы произвести фарфор в своей стране российское правительство организовало специальных мастеров для изучения китайских технологий изготовления фарфора среди российских караванов в Китае. По мере овладения техникой обжига фарфора в России в XVIII веке цены на фарфоровые продукты постепенно упали, и фарфоровая посуда смогла войти во многие дома. Наряду с хлопчатобумажными тканями, чаем, фарфором и лакированными изделиями, шёлк, сахар и ремень также пользовались покупательной способностью в России XVIII в. Популярность китайских товаров в определенной степени способствовала пониманию российским обществом Китая, и это, несомненно, стало важным проявлением российского шинуазри в XVIII веке.

4. Российский шинуазри XIX века

В XIX в. все больше российских исследователей посещало Китай. Их поездки вновь вызвали интерес русских к Китаю. В России со времён царя Павла I (правил в 1796–1801) существовала традиция позволять наследникам престола путешествовать. Николай II впервые в

истории России уехал из России в качестве цесаревича в страны Востока. Поездке придавалось большое значение, и установление хороших отношений с восточными странами было важной целью для путешествия Николая II. Правящая в то время династия Цин (1644–1911 г.) уделяла большое внимание поездке Николая II и тепло принимала его в какую бы китайскую провинцию он ни направлялся, император Гуансюй даже выпустил специальный указ, чтобы позаботиться о путешествии на восток Русского цесаревича. Николай II был очень доволен этой поездкой, вернувшись из Китая, он специально устроил в Зимнем дворце выставку подарков, привезенных из Китая, а также свой собственный приобретенный фарфор, лакированные изделия и другие произведения искусства, что вызвало особый интерес дворянства и аристократии к китайским изделиям и предметам. Первый фарфор в России начали изготавливать на Императорском фарфоровом заводе, основанном в 1744 году.

В годы царствования последнего русского императора Николая II (1894–1917), благодаря техническим новшествам предыдущего периода, завод достиг образцового состояния в техническом и технологическом отношениях.

С XIX века официальные обмены между Китаем и Россией постепенно увеличивались. В России побывало много китайских диплома-

тов: Хун Цзюнь, известный ученый и дипломат, который отправился в Россию, Германию, Австрию и Нидерланды в качестве посла; Ли Хунчжан, лидер сторонников вестернизации, возглавил китайскую делегацию в Россию, чтобы участвовать в церемонии коронации царя Николая II. Что касается российской стороны, то помимо православной церкви, в ней участвовали ещё такие учреждения, как Императорская академия Санкт-Петербурга, Совет по российским исследованиям в Центральной и Восточной Азии и Институт востоковедения, которые участвовали в мероприятиях по культурным обменам с Китаем. Более того, культурная традиция взаимного обмена книгами, в качестве подарков, является важной частью официальных культурных обменов. Таким образом, в этот период зародилась ранняя синология. Постепенно в различных местах в России был создан ряд исследовательских институтов «Синологии», область исследований которых охватывала философию, историю, религию, этнологию, литературу, народные обычаи, традиционную китайскую медицину, археологию, декоративно-прикладное искусство, музыку и другие аспекты Китая. И со временем стали появляться эксперты-китаисты, среди них Н. Я. Бичурин (1777–1853) является самым известным в этой области. Он выпустил три монографии подряд о Китае с 1840 по 1848 год: «Китай, его

жители, нравы, обычаи», «Статистическое описание Китайской империи», «Китай в гражданском и нравственном состоянии», которые явились важными источниками в своё время, и остаются очень ценными в наши дни. Советские ученые даже называли русскую синологию той эпохи «эрой Бичурина».

Не только синологи, но и писатели, уделяли большое внимание Китаю, такие как А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, И. А. Гончаров и др. Например, А. С. Пушкин использовал комментарии Конфуция в рукописи «Евгения Онегина», в чём явно проявляется влияние его друга Н. Я. Бичурина. И Лев Толстой, увлекавшийся «даосизмом», ввёл эту философию в область русского духа.

К тому же, в аристократических садах появились китайские павильоны, а в домах были обнаружены бронзовые чернильницы и одежда с бусами. К концу XVIII века чайный рынок расширился от Москвы до небольшого числа других провинций. А в начале XIX века, чаепитие уже стало преобладать почти во всех семьях России. Фарфор и домашние предметы с китайскими узорами всё чаще попадали в дома простых русских людей, а не только использовались в богатых семьях. Хлопчатобумажная ткань, чай, фарфор и лак, которые были популярны среди россиян в XVIII веке, в XIX веке пополнились китайским серебром и шёлком, завоевавшим интерес и любовь русских. Это

увлечение шинуазри и всем китайским продолжалось до начала XX века.

Но стоит отметить, что развитие шинуазри в России в XIX веке было слабее, чем веком раньше. Во-первых, это связано с мировыми тенденциями. Поскольку промышленная революция произошла в различных европейских странах и с середины XVIII века экономика и общество в Европе претерпели огромные изменения, и режим крупномасштабного производства способствовал европейскому прогрессу. Это также привело европейские страны к расширению колониальных рынков в Америку и Азию (включая Китай).

С тех пор масса европейцев поехала во внутренние районы Китая. Приехав в загадочный и экзотический Китай, европейцы сильно разочаровались, обнаружив, что Китай оказался вовсе не таким, каким они себе его представляли. Бедность, невежество, необразованность никак не совпадали с теми представлениями о Китае, которые бытовали на Западе. Общая тенденция отношения к Китаю также передалась и России через Европу, и в XIX в. развитие русского шинуазри постепенно пошло на спад.

Во-вторых, со второй половины XIX века российские взгляды на Китай и китайскую культуру также значительно изменились. В статье «Российские взгляды на Китай и китайскую культуру – со второй половины XIX века до начала

XX века» сказано: «Во второй половине XIX века произошли фундаментальные изменения в отношениях между Китаем и остальным миром. Династия Цин не только серьезно пострадала от западных держав, но и потерпела унижения, разграбления земель от своего восточного соседа Японии. Бывшая великая держава отдавала свою судьбу в руки других» [孙嵩霞, 王广振, 2005, с. 111], что привело к резкому снижению китайского имиджа в России. Из-за большого расстояния между Китаем и европейской частью России, политики закрытости правительства Цин, российский народ в XIX веке очень

мало знал о китайской и восточной культурах в целом. В тенденции российского общества XIX века Китай стал символом отсталости и застоя. Эти факторы, несомненно, влияли на психологический отказ русского народа от китайских товаров и китайской культуры, что в той или иной степени повлияло на развитие шинуазри в России в XIX веке. Подводя итоги можно сказать, что шинуазри в России достигло своего пика в середине и конце XVIII века, то есть в период правления Екатерины II, и постепенно начал снижаться с середины XIX в. до начала XX в.

Библиографический список

- Арташкина Т. А. Традиционная культура в современной национальной культуре Китая / Т. А. Арташкина, Цзя Хуэйминь // Общество: философия, история, культура. 2016. № 5. С. 85–91.
- Головачёв В. Ц. Проект «российское китаеведение – устная история» (2008–2015): ретроспективы и перспективы // Общество и государство в Китае. Москва : Институт востоковедения РАН, 2016. С. 289–296.
- Журавлева Е. В. Китаеведение в России. Интервью с заместителем директора Института дальнего Востока РАН В.Я. Портяковым // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. С. 162–168.
- Куликова А. М. Востоковедение в российских актах (конец XVII в. – 1917 г.). Санкт-Петербург : Центр «Петербург. Востоковедение», 1994. 436 с.
- Лихачев Д. С. «Русская культура». Москва : Искусство, 2000. 440 с.
- Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / предисл. С. М. Даниэля, сост. Р. Г. Григорьева. Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. 543 с.
- Радищев А. Н. Письмо о Китайском торге // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений. Москва ; Ленинград : Изд-во Академии Наук СССР, 1938-1952. Т. 2 (1941). 236 с.
- Янь Лэй Оценка производственной и внешнеторговой деятельности предприятий Китая // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. С. 110–115.

陈华文. 中国文化在欧洲历史上的境遇 评《中国风: 遗失在西方 800 年的中国元素》[J]. 检察风云, 2017(09):82-83.

郭宇春. 20 世纪 20 年代前中国文化在俄国的传播[J]. 西伯利亚研究, 2019, 46(04): 67-71.

李胜男, 戴鸿. 服装设计中的“中国风”与“新中式”[J]. 工业设计, 2019(02):120.

钱旭林, 乔南. 现代服装设计中的“中国风”[J]. 服装学报, 2018, 3(05):417.

孙嵩霞, 王广振. 俄罗斯人的中国和中国文化观——以 19 世纪后半期至 20 世纪初为考察时段[J]. 理论学刊, 2005(04):111.

宿丰林. 十七八世纪俄国来华商队对中国文化的传播[J]. 西伯利亚研究, 2001(06): 37.

詹姆斯·乔伊斯. 尤利西斯[M]. 萧乾、文洁若译. 南京: 译林出版社, 1994: 32.

Reference list

Artashkina T. A. Tradicionnaja kul'tura v sovremennoj nacional'noj kul'ture Kitaja / T. A. Artashkina, Czja Hujejmin' = Traditional culture in modern national culture of China / T.A. Artashkina, Jia Huimin // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2016. № 5. S. 85–91.

Golovachjov V. C. Proekt «rossijskoe kitaevedenie – ustnaja istorija» (2008–2015): retrospektivy i perspektivy = The Project “Russian Chinese studies - oral history”. (2008-2015): Retrospects and prospects // Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae. Moskva : Institut vostokovedenija RAN, 2016. S. 289–296.

Zhuravleva E. V. Kitaevedenie v Rossii. Interv'ju s zamestitelem direktora Instituta dal'nego Vostoka RAN V.Ja. Portjakovym = Chinese studies in Russia. Interview by V. Y. Portjakov, Deputy director, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences // Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija. 2015. S. 162–168.

Kulikova A. M. Vostokovedenie v rossijskih aktah (konec XVII v. – 1917 g.) = Orientalism in Russian laws (late XVII century – 1917). Sankt-Peterburg : Centr «Peterburg. Vostokovedenie», 1994. 436 s.

Lihachev D. S. «Russkaja kul'tura». = «Russian culture». Moskva : Iskusstvo, 2000. 440 s.

Lotman Ju. M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva = Articles on semiotics of culture and arts / predisl. S. M. Danijelja, sost. R. G. Grigor'va. Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt, 2002. 543 s.

Radishhev A. N. Pis'mo o Kitajskom torge = A letter of Chinese trade // Radishhev A. N. Polnoe sobranie sochinenij. Moskva ; Leningrad : Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1938-1952. T. 2 (1941). 236 s.

Jan' Ljei. Ocenka proizvodstvennoj i vneshnetorgovoj dejatel'nosti predprijatij Kitaja = Evaluating production and foreign trade activities of Chinese enterprises // Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik. 2020. S. 110–115.

陈华文. 中国文化在欧洲历史上的境遇 评《中国风: 遗失在西方 800 年的中国元素》[J]. 检察风云, 2017(09):82-83.

- 郭宇春.20 世纪 20 年代前中国文化在俄国的传播[J].西伯利亚研究, 2019, 46(04): 67-71.
- 李胜男,戴鸿.服装设计中的“中国风”与“新中式”[J].工业设计,2019(02):120.
- 钱旭林,乔南.现代服装设计中的“中国风”[J].服装学报,2018,3(05):417.
- 孙嵩霞,王广振.俄罗斯人的中国和中国文化观——以 19 世纪后半期至 20 世纪初为考察时段[J].理论学刊,2005(04):111.
- 宿丰林.十七八世纪俄国来华商队对中国文化的传播[J].西伯利亚研究, 2001(06): 37.
- 詹姆斯·乔伊斯.尤利西斯[M]. 萧乾、文洁若译.南京: 译林出版社, 1994: 32.

Статья поступила в редакцию 28.10.2021; одобрена после рецензирования 01.11.2021; принята к публикации 23.11.2021.
The article was submitted on 28.10.2021; approved after reviewing 01.11.2021; accepted for publication on 23.11.2021

**УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЬИ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«МИР РУССКОГОВОРЯЩИХ СТРАН»
И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

Компьютерный набор рукописи статьи на русском или английском языках, предназначенной для публикации в научном журнале, должен строго соответствовать следующим требованиям.

1. Одна страница текста формата А4 должна содержать не более 1900 знаков с учетом пробелов;

2. Поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1,5 см; от края до колонтитула: верхнего – 2 см, нижнего – 2 см; абзацный отступ – 1,0; гарнитура Times New Roman; кегль 14; интервал 1,5.

3. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc.

4. Рукопись должна быть выполнена в соответствии со следующими критериями:

4.1. Индекс УДК.

4.2. Отрасль науки и шифр специальности, по которым написана статья (23.00.02 – «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития», 23.00.04 – «Политическая регионалистика. Этнополитика», 10.01.01 – «Русская литература», 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья»,

10.02.01 – «Русский язык»; 24.00.01 – «Теория и история культуры»).

4.3. Сведения об авторе: Ф. И. О. автора (в том числе и в транслитерированном виде), контактный мобильный телефон, e-mail; ученая степень и звание, место работы (полное официальное название организации) и должность, адрес организации с индексом.

4.4. Название статьи на русском и английском языках.

4.5. Аннотация

– должна быть написана на русском и английском языках;

– должна содержать описание основных целей и задач исследования; в общих чертах, без углубления в детали, описывать ход проведения исследования;

– содержать описание наиболее значимых результатов исследования с указанием на их важность;

– в аннотации не должно быть ссылок на литературу и специальных аббревиатур; не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии;

– в тексте аннотации следует употреблять значимые слова и словосочетания из основного текста статьи;

– текст должен соответствовать всем нормам и правилам соответствующего языка и не содержать стилистических,

грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок;

– объем каждой аннотации должен составлять от 210 до 250 слов.

4.6. Ключевые слова – не менее 7 и не более 12 (на русском и английском языках).

4.7. Идентификационный номер автора в ORCID.

4.8. Текст статьи.

4.9. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке).

5. Библиографические ссылки на использованные источники необходимо указывать в тексте заключенными в квадратные скобки (например, [Карасик, 2002, с. 231] (страницы указываются при цитировании!); [Интерпретационные характеристики ... , 1999, с. 56]; [Шаховский, 2008; Шейгал, 2007]). Библиографический список должен быть оформлен по ГОСТу Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» сплошной нумерацией, 14 кеглем, через 1,5 интервала и размещен после текста статьи. Каждый источник, указанный в списке литературы, должен иметь ссылку в тексте. Редакция будет отдавать приоритет статьям, соответствующим следующим условиям: количество ссылок должно содержать не менее 25 наименований, не менее 20 источников за последние 3 года. Ссылки на свои работы – 10 %. Ссылки на источники на

иностранном языке – не менее 50 % – приветствуется. Во всех источниках должны быть указаны год выпуска, город и издательство, кол-во страниц.

6. Примечания и постраничные сноски в статье не допускаются!

7. Таблицы, схемы, диаграммы, гистограммы должны быть оформлены в контрастной шкале серого цвета. Для рисунков используется gif-формат. Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Каждый рисунок, таблица, схема должны иметь порядковый номер, название и объяснение всех условных обозначений. Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение. Под таблицами и рисунками необходимо указывать источник, из которого взят рисунок или таблица (например: автор, книга, журнал и т. д.).

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Если статья написана на основе эксперимента, то ее необходимо оформить следующим образом:

- введение;
- обзор литературы;
- методы исследования;
- результаты и дискуссия;

- заключение;
- благодарности;

Рукопись, предназначенная для публикации, будет принята к рассмотрению редакцией только в случае получения по почте заполненного и подписанного лицензионного соглашения в двух экземплярах (форма размещена на сайте).

Объем статьи должен быть не менее 10 страниц и не превышать 20 страниц текста формата А4, набранного в соответствии с вышеупомянутыми требованиями.

Если присланные материалы не отвечают хотя бы одному из вышеперечисленных требований, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

Статья в журнал проходит рецензирование и получает рекомендацию двух членов редакционной коллегии и передается с рецензиями редактору журнала для включения статьи в номер журнала, содержание которого утверждается на редколлегии. Редакция оставляет за

собой право отправлять рукописи статей на независимую экспертизу.

При наличии серьезных замечаний по статье в рецензии, статья будет отклонена и автору будет рекомендовано доработать статью в соответствии с замечаниями рецензента.

Авторский экземпляр журнала автор получает по почте согласно оформленной подписке. Оформить подписку можно от одного номера журнала в год.

Статья, одобренная и рекомендованная рецензентом журнала, может быть опубликована в течение года.

Аспиранту для публикации статьи без подписки на журнал необходимо предоставить редактору журнала:

- справку из отдела аспирантуры;
- выписку из решения кафедры или иного структурного подразделения о необходимости публикации статьи, заверенную организацией;
- отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

**CONDITIONS OF PUBLICATION OF THE ARTICLE
IN THE SCIENTIFIC JOURNAL
«WORLD OF RUSSIAN-SPEAKING COUNTRIES»
AND REQUIREMENTS FOR MANUSCRIPTS**

1. The articles are sent to the editorial board in electronic and printed forms (1 copy).

2. Requirements for typography:

– 1 page of A4 format must contain no more than 1900 symbols including spaces;

– margins: upper – 2 cm, lower – 2 cm, left – 2,5 cm, right – 1,5 cm; from the edge to the catch letters: upper – 2 cm, lower – 2 cm; paragraph indent – 1,0;

– font type Times New Roman; type size 14; line spacing 1,5.

3. The electronic version of the article is written using word processor Microsoft Word and is saved in format.doc.

4. Requirements for the manuscript:

4.1. UDC index.

4.2. The branch of science and the code of the specialty for which the article was written (23.00.02 – “Political problems of international relations, global and regional development”, 23.00.04 – “Political regionalism. Ethnopolitics”, 10.01.01 – “Russian literature”, 10.01.03 – “Literature of the peoples of foreign countries”, 10.02.01 – “Russian language”; 24.00.01 – “Theory and history of culture”).

4.3. Information about the author: Full name of the author (including in transliterated form), contact mobile phone, e-mail; academic degree and title, place of work (full official name of the organization) and position, ad-

dress of the organization with an index.

4.4. Title of the article in Russian and English.

4.5. annotation

– must be written in Russian and English;

– should contain a description of the main goals and objectives of the study; in general terms, without going into details, describe the course of the research;

– contain a description of the most significant research results, indicating their importance;

– the annotation should not contain references to literature and special abbreviations; the information contained in the title should not be repeated;

– significant words and phrases from the main text of the article should be used in the text of the abstract;

– the text must comply with all norms and rules of the relevant language and not contain stylistic, grammatical, spelling and punctuation errors;

– the length of each abstract should be between 210 and 250 words.

4.6. Keywords – no less than 7 and no more than 12 (in Russian and English).

4.7. ORCID ID of the author.

4.8. The text of the article.

4.9. Bibliographic list (indicated in alphabetical order).

5. Bibliographic references to sources used must be indicated in the text in square brackets (for example, [Karasik, 2002, p. 231] (pages are indicated when citing!); [Interpretive characteristics ..., 1999, p. 56]; [Shakhovsky, 2008; Sheigal, 2007]). The bibliographic list must be drawn up in accordance with GOST R 7.0.100 2018 “Bibliographic record. Bibliographic description. General requirements and rules of drawing up” with continuous numbering, 14 point size, 1.5 spacing and placed after the text of the article. Each source indicated in the bibliography must have a link in the text. The editors will give priority to articles that meet the following conditions: the number of references must contain at least 25 titles, at least 20 sources over the last 3 years. Links to your work – 10 %. Links to sources in a foreign language – at least 50 % – are welcome. All sources must indicate the year of issue, city and publisher, number of pages.

6. Notes and footnotes in the article are not allowed!

7. Tables, diagrams, diagrams, histograms should be drawn in a contrasting gray scale. GIF format is used for pictures. The editorial board does not improve the quality of the drawings and does not correct any mistakes made in the drawing. Each figure, table, diagram must have a serial number, title and explanation of all symbols. All columns in tables must be titled. If errors are found in the figure, diagram, table, the editors reserve the right to delete the figure and the text related to it. Under the tables and fig-

ures, it is necessary to indicate the source from which the figure or table is taken (for example: author, book, magazine, etc.).

8. Units of measurement are given in accordance with the International System of Units (SI).

9. If the article is written on the basis of an experiment, then it must be formatted as follows:

- introduction;
- literature review;
- research methods;
- results and discussion;
- conclusion;
- thanks;

A manuscript intended for publication will be accepted for consideration by the editorial board only if it receives a completed and signed license agreement in two copies by mail (the form is posted on the website).

The volume of the article should be at least 10 pages and not exceed 20 pages of A4 text, typed in accordance with the above requirements.

If the submitted materials do not meet at least one of the above listed requirements, as well as if the article file is infected with a computer virus, the editorial staff will not consider the article for publication.

An article in the journal undergoes peer review and receives a recommendation from two members of the editorial board and is submitted with reviews to the editor of the journal for inclusion in the journal issue, the content of which is approved by the editorial board. The editors reserve the right to send manuscripts of articles for independent examination.

If there are serious comments on the article in the review, the article will be rejected and the author will be recommended to modify the article in accordance with the comments of the reviewer.

The author receives the author's copy of the journal by mail according to the issued sub-subscription. You can subscribe from one issue of the magazine per year.

An article approved and recommended by the reviewer of the journal can be published within a year.

For a postgraduate student to publish an article without a subscription to the journal, it is necessary to provide the editor of the journal:

- a certificate from the postgraduate study department;
- an extract from the decision of the department or other structural unit on the need to publish the article, certified by the organization;
- review of the scientific advisor to the article, certified by his organization.

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2021 – № 4 (10)

Главный редактор Е. М. Болдырева

Шеф-редактор Се Чжоу

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редакция – К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 18,5 п. л., 8,8 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 252. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 28.12.2021

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44